

РОМАНС

Женщина в саду

ЭММУСКА ОРЧИ

СЕВЕР-ЗАПАД®

*Сатожок
Принцессы*

Эммушка Орчи

Сапожок Принцессы

Серия «Сапожок Принцессы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182336

Сапожок Принцессы: Северо-Запад;

Аннотация

Трилогия венгерской баронессы Эммы Магдалены Орчи, в замужестве Барстоу «Сапожок Принцессы», «Аз воздам» и «Неуловимый Сапожок» представляет собой три первых из множества написанных в начале XX века романов о благородном английском аристократе, бросившем вызов режиму революционного террора, установившегося в Париже 1790-х гг. Этот благородный рыцарь в дальнейшем эволюционировал в таких героев, как Зорро и даже Бэтмен. Романы Орчи были чрезвычайно популярны в прошлом веке на Западе и даже дважды экранизировались (в русском прокате известны под названием «Алый первоцвет»). Из классиков русской литературы их любил в юности Владимир Набоков.

Содержание

Сапожок Принцессы	4
Неизвестная знаменитость, или Триумф Дон Кихота	4
Глава I	15
Глава II	27
Глава III	41
Глава IV	52
Глава V	63
Глава VI	71
Глава VII	85
Глава VIII	93
Глава IX	109
Глава X	118
Глава XI	139
Глава XII	148
Глава XIII	160
Глава XIV	164
Глава XV	176
Глава XVI	184
Глава XVII	203
Конец ознакомительного фрагмента.	213

Эммуска Орчи Сапожок Принцессы

Сапожок Принцессы

*Юлии Нейлсон и Фреду Терри, гениально
воплотившим образы сэра Перси и леди Блейкни на
сцене, посвящаю эту книгу с восторгом.
(Лондон, 1908)*

Неизвестная знаменитость, или Триумф Дон Кихота

1

Как-то раз к нам в руки попала невзрачная затрепанная книжонка, изданная в Лондоне в 1908 году, – «„The Scarlet Pimpernel" by the baroness Orczy». На обороте титульного листа мы с удивлением прочли – семидесятое издание! Книга была посвящена актерам, великолепно создавшим образы ее главных героев! Да еще и рекламировалось седьмое издание следующего романа о «Scarlet Pimpernel» – «I Will Repay»!

В аннотации было написано: «Драматическая история времен французской революции. Автор поведал о бурном времени таким живым языком и с таким точным ощущением эпохи, что это принесло огромный успех не только роману, но и пьесе...»

Нам же ни имя автора, ни название книги ничего не говорили. Тем не менее текст нас увлек, и мы даже решились перевести его на русский язык, в полной уверенности, что имеем дело с автором неизвестным или, во всяком случае, совершенно забытым. Конечно, это само по себе не предвещало никакого успеха. Тот факт, что автор, чьи книги часто издавались, вскоре после смерти был забыт, отнюдь не говорит в его пользу.

Однако по мере продвижения нашей работы мы начинали узнавать все больше и больше как о баронессе, так и о ее произведениях. Сначала судьба свела нас с человеком, который знал автора этой книги и сообщил, что в нашей стране баронесса известна как Эммуска Орчи, английская писательница венгерского происхождения.

Мы вновь ринулись в библиотеки и мало-помалу стали узнавать об Эммуске Орчи все больше и больше весьма любопытных и неожиданных сведений.

Оказалось, что попавший к нам в руки роман был действительно очень популярен в свое время во всей Европе. Он был переведен на французский, немецкий, шведский, итальянский, венгерский, датский, голландский и русский! Пье-

са, поставленная по роману, с большим успехом шла, пожалуй, во всех крупнейших театрах Европы того времени. А в 1935 году Гарольд Янг снял фильм «The Scarlet Pimpernel», главную роль в котором сыграл не кто иной, как сам Лесли Хоуард, звезда английского и американского кинематографа 30-х годов (он снимался и в фильме «Унесенные ветром»), создавший образ типичного англичанина, интеллектуального, мужественного. Маргариту играла Оберон Мерле, а Шовелена – Массей Раймонд, весьма известный характерный актер. Фильм имел немалый успех, и Лесли Хоуард даже поставил в американском Berkely Square одноименный спектакль.

Но это же настоящее триумфальное шествие! Естественно, мы заинтересовались и другими книгами загадочной баронессы. И вот нам уже известно пять романов о Scarlet Pimpernel и много-много других: «Царство юбок», «Глаза голубые и серые», «Таволга», «Сын народа», «Пред Цезарем», «Цветок лилии», «Бронзовый орел», «Императорский подсвечник», «На волоске», «Спутанная пряжа», «Гнездо ястреба-тетеревятника» и др.

2

Баронесса Орчи родилась 23 сентября 1865 года в городе Тарнаур (Tarna-Örs) в Венгрии и была названа Эммой (Emmersca) по имени матери-графини Уосс (Woss). Отцом

ее был весьма известный в то время венгерский музыкант – барон Феликс Орчи.

Довольно скоро семья барона, в которой Эмма была старшим ребенком, переселяется в Будапешт, дабы дочь могла начать свое образование в хорошей столичной школе. Однако настоящему артисту вряд ли пристала оседлая жизнь, и семья вскоре переезжает в Брюссель, затем в Париж, а в 1880 году – в Лондон, где в то время музыкальная жизнь была чрезвычайно насыщена.

Здесь Эммуска Орчи продолжает свое образование сначала в Лондонской Школе искусств, затем в Академии, где и знакомится с будущим мужем – студентом-графиком Генри Джорджем Монтегю Маклеан Барстоу, сыном священника, который впоследствии, став иллюстратором книг, подписывается как Р. Майкл Уильям Барстоу.

Свадьба Эммуски с Генри Джорджем состоялась в 1894 году, а в 1899-м у них родился сын.

На рубеже веков семья барона вновь возвращается в Венгрию, однако миссис Монтегю Барстоу на этот раз предпочитает остаться в Лондоне, где вместе с мужем начинает делать детские книжки. И уже в августе 1899 года в «Royal Magazine» появляется несколько коротеньких детских историй под общим названием «Juliette», написанных и иллюстрированных счастливыми молодыми супругами. Истории вскоре разрастаются в целую книгу под общим названием «Старик в углу», по которой в лондонском Новом театре бы-

ла поставлена пьеса.

Вопреки всем ожиданиям, продолжения столь удачно начатой баронессой Орчи карьеры детской писательницы не последовало. Супругов увлек театр, и они достаточно быстро пишут две пьесы – «Грех Вильяма Джексона» и «Прекрасная парча».

Но Эммуску Орчи неудержимо влечет ее звезда; уже в 1902 году появляется первый роман баронессы «The Scarlet Pimpernel», по которому они с мужем начинают готовить пьесу. В августе 1903 года в Ноттингеме она была поставлена и имела бурный успех. Пьеса не сходила со сцены до 1905 года, а это немалый срок для того времени. Так началось триумфальное шествие Scarlet Pimpernel по Европе.

Окрыленная фантастическим успехом, баронесса пишет один за другим еще три романа о неподражаемом сэре Перси – «I Will Repay» («Аз воздам»), «The Elusive Pimpernel» («Неуловимый Пимпернель») и «Eldorado» в двух книгах.

Однако всякая тема имеет предел, желания же прекращаются лишь со смертью, и баронесса пишет роман за романом по два, а порой и по три в год о других временах и других героях. Это и эпоха Тюдоров, и пуритане, и венгерская аристократия XVIII века, и даже Древний Рим. Романы следуют за романами, героини сменяют героев, но Scarlet Pimpernel так и остается непревзойденным. По-видимому, баронесса и сама это чувствовала, ибо в 1920 году, уже после первой

мировой войны, во время которой они с мужем (до 1918 года) жили в Монте-Карло, Эммуска Орчи вновь возвращается к своему блистательному авантюристу и создает пятый, на этот раз заключительный, роман серии «The Triumph of the Scarlet Pimpernel».

Теперь тема исчерпана окончательно, однако фантазия миссис Монтегю Барстоу и дальше продолжает работать с прежней неутомимостью. В 1922 году после «Триумфа...» в свет выходит роман «Николетт», затем «Небесный город» и др.

Эмма Магдалена Розалия Мария Жозефа Барбара Орчи, миссис Монтегю Барстоу, прожила достаточно долгую жизнь, пережив на четыре года своего мужа. Венгерская баронесса и английская писательница умерла 12 ноября 1947 года в Лондоне, о чем английское общество известила опубликованная на следующий день в «Royal Magazine» статья с кратким описанием ее жизни и творчества...

3

Начало XX века. Лондон. Еще витает в гостиных дух «короля жизни» Оскара Уайльда.

«Высокий, на несколько дюймов выше шести футов, его можно было принять за живую иллюстрацию типичного образа англичанина... Слегка прикрытые веки запечатлевали на лице сонное выражение, своему мягкому голосу он ста-

рался придавать томную протяжность, по манере одеваться он оспаривал звание короля моды у самого принца Уэльского, которого не раз видели в Опере под руку с Уайльдом».

Тогда, в начале XX века, ходили легенды «об английском поэте, бывшем в состоянии перепить дюжину горняков, а потом вынести их, взяв на руки по двое зараз». «Бесчисленные фотографии... несколько десятков лет обитали во дворцах, мещанских домах. Во многих романах того периода если и не выступал под вымышленным именем он сам, в чертах героев было хотя бы отдаленное сходство...» Так писал Ян Парандовский в «Короле жизни».

И именно к числу таких романов можно смело отнести «The Scarlet Pimpernel», что уже само по себе дает ему полное право занять достойное место среди мировой литературы.

Собственно говоря, Scarlet Pimpernel – это всего лишь английское народное название простого придорожного цветочка, который, судя по справочникам, соответствует нашей куриной слепоте, только он алого цвета. Латинское же его название – *Anagallis arvensis*.

Однако цветочек выбран писательницей не совсем случайно, читатель поймет почему. И дело здесь вовсе не в его якобы чудесных свойствах. Это обыкновенный сорняк, да еще и ядовитый. В Древней Греции он применялся для возбуждения веселого расположения духа, для восстановления физических сил. В Европе же его использовали как средство

от застоя крови.

В эпоху описываемых событий такого цветка в Англии еще не, было, но, похожий на звездочку, он настолько понравился баронессе, что она игнорировала этот факт. Кстати, весьма любопытна история появления цветка на туманном британском острове; она странным образом переплетается с событиями романа, названного его именем.

Растение было обнаружено в 1791–1793 годах в Марокко датским послом Шусбоэ.

Несколькими годами позднее, благодаря стараниям французского посла, он появился в Париже, а затем в 1803 году некий Эндрью привез его семена в Лондон. В нашей же стране этот цветок известен с прошлого века под именем очный цвет пашенный.

Естественно, что назвать роман таким именем было совершенно невозможно, однако найти другое название или же придумать его самим оказалось делом весьма нелегким. Прямой перевод «алый сводничек» – не годился, «куриная слепота» всех ввела бы в заблуждение. Ботанические словари и справочники, приводящие огромное количество народных названий этого цветка (помощь перченая, ум-да-разум, пастуший барометр, северная водянка, дикая капуста, козья морда, пастернак полевой, сердечная трава и т. д.) также не смогли нам помочь. Названия, которые мы придумали сами, – сорняк полевой благородный, слуга пастуха, собачий полковник – тоже по тем или иным причинам выбраковыва-

лись.

И тогда мы решили пойти на последнее средство – отправились на экскурсию по Прибалтике; там, как мы выяснили, растут такие цветы. С большим трудом отыскали его в окрестностях Лиепай и у местных специалистов узнали, что по-латышски он называется саркана павирза (красная павирза)!

Просто фантастика! Если на латышский переводить, проблем бы не было.

В полном унынии мы забрели на рынок и стали показывать нашу находку старушкам-цветочницам. Никто не знал. И вдруг...

– Этот цветочек у нас сатанинским глазом зовется. А кое-кто его еще сапожком принцессы называет, – добавила она ласково.

Нас будто громом поразило!

Но хватит об этом. Вернемся к роману.

Что касается исторической достоверности происходящих в романе событий, то она более чем сомнительна. Был в то время весьма известный авантюрист барон дю Батс (1760–1822), прозванный впоследствии во времена директории «лагерным маршалом», который, возможно, и натолкнул баронессу на столь удачную мысль. Но этот неутомимый дворянский депутат занимался, скорее, противоположной деятельностью. Он хотя и разрушал конвент, деморализуя его членов – Делонэ, Жюлио, Шабо и других – подкупам и уча-

стием во всяких грязных интригах, но результатом этого были лишь новые жертвы гильотины.

Так что *Scarlet Pimpernel* – плод неистощимой фантазии баронессы и только, что, впрочем, совсем не умаляет его достоинств. Кстати, Эммуска Орчи сама в романе «Эльдорадо» дает понять, что барон дю Батс ни в коем случае не является прототипом ее героя.

Нет, *Scarlet Pimpernel*, а в нашем варианте уже Сапожок Принцессы, герой совершенно иной породы. Это не просто положительный персонаж, он уникален тем, что, в отличие от множества других положительных героев, ни одной своей черточкой не вызывает неприязни даже у самого придирчивого читателя. Это Дон Кихот триумфатор! Настоящий герой, ни единого раза во всей своей столь опасной практике не прибегший к силе оружия и всегда навязывавший врагам лишь благородный интеллектуальный бой. Сапожок Принцессы – это символ доброго человеческого начала, побеждающего своей божественной природой самых хитроумных и кровожадных врагов.

А потому мы надеемся, что он займет наконец свое достойное место в литературе. Так что от всей души желаем нашим читателям принять, а быть может, даже полюбить так, как мы его полюбили, этого блистательного авантюриста, неподражаемого аристократа и неизменно галантного джентльмена сэра Перси Блейкни.

И в заключение этого небольшого предисловия нам хо-

телось бы выразить свою благодарность нашему близкому другу и замечательному человеку, Ольге Георгиевне Березкиной, подарившей нам однажды книгу «„The Scarlet Pimpernel" by baroness Orczy».

М. Белоусова

В. Рохмистров

Глава I

Париж. Сентябрь 1792

Толпа – бурлящая, орущая, клокочущая, которую трудно даже назвать человеческой, потому что для глаз и ушей она представлялась скопищем дикарей, одержимых лишь низменными страстями: похотью мести и ненавистью. Время – перед заходом солнца. Место – Западная застава; здесь через десять лет будет возведен бессмертный монумент гордому и надменному тирану, прославляющий страну и его собственное тщеславие.

Весь день гильотина продолжала свою безостановочную лихорадочную работу; все то, чем Франция гордилась столетиями: славные имена, голубая кровь, – теперь приносилось в жертву ее желанию свободы и братства. Кровавый нож остановился лишь в этот поздний час, но до закрытия ворот на ночь на заставах было еще достаточно увлекательных зрелищ для толпы.

И толпа хлынула с Гревской площади в разные стороны к заставам, стремясь не упустить эти интереснейшие и захватывающие зрелища.

А они продолжались ежедневно, поскольку эти дворянчики оказались полными идиотами!

Они предали свой народ, конечно же, все эти мужчины, женщины и дети, которым выпало счастье стать преемника-

ми лучших людей Франции, создававших ее славу еще со времен крестовых походов. Старое родовое дворянство, достойные потомки – они также давили и топтали алыми каблуками своих изящных туфель народ, который теперь взял верх и, за отсутствием башмаков, топчет и давит их не алыми каблуками, но оружием более страшным – ножом гильотины.

Этот жуткий, отвратительный инструмент ежедневно и ежечасно требовал все новых и новых жертв – стариков, женщин, подростков – до тех пор, пока не скатились головы короля и молодой красавицы королевы.

Да и могло ли быть иначе, если теперь народ стал правителем Франции, а каждый аристократ был предателем, как и все его предшественники, которые в течение двух столетий заставляли этот народ обливаться потом, трудиться и умирать с голоду ради поддержания двора во всем блеске его изысканной похотливости. И вот теперь наследники тех, кто составлял блеск и славу двора, вынуждены скрываться или совсем покидать родину, чтобы сохранить свою жизнь, чтобы избежать справедливого возмездия.

И они действительно пытались убежать, скрыться, но это лишь добавляло толпе веселья.

Ежедневно перед закрытием ворот, когда рыночные повозки начинали стягиваться к заставам, кто-нибудь из дурачков-дворянчиков стремился избежать цепких объятий Комитета общественной безопасности. Во всевозможных наря-

дах, под различными предлогами они старались проскользнуть через заставы, тщательно охраняемые национальной гвардией Республики. Мужчины в женских платьях, женщины в монашеских одеяниях, дети, одетые оборванцами, – кого только не было; все они, эти графы, маркизы и даже герцоги, стремились вырваться из Франции, чтобы где-нибудь в Англии или какой угодно другой стране посеять ненависть к торжествующей революции, а может быть, и поднять армию для освобождения узников Темпля, некогда провозгласивших себя монархами Франции.

Но, как правило, они всегда попадались на заставах. Особенно великолепен был нюх на аристократов, как бы они ни маскировались, у сержанта Бибо с Западных ворот. Тут-то и происходила потеха. Он прикидывался, что верит этим бывшим маркизам и графам, верит в то, что они всю жизнь носили лохмотья, играл с ними, как кошка с мышкой, и эта игра затягивалась порой минут на десять-пятнадцать.

О! Бибо был великий юморист! У Западной заставы всегда толпился народ в надежде поглазеть на то, как он вылавливает этих дворянчиков, едва не ускользнувших от заслуженного возмездия.

Иногда Бибо даже выпускал свою жертву за ворота, даруя ей вечность, состоящую из пары минут сладкой надежды на то, что она теперь уже беспрепятственно сможет достичь берегов Англии... Но Бибо не давал несчастной жертве пройти и десять метров – он посылал двух человек, которые приво-

дили ее обратно и сдирали очередной маскарадный костюм.

А уж если попадалась женщина, какая-нибудь гордая маркиза, что случалось не очень часто, вот было веселье. Как смешно она выглядела после всех треволнений, оказавшись вдруг в объятиях Бибо, после которых стремительный революционный суд отправлял ее прямо в объятия мадам Гильотины.

И совершенно естественно, что в этот прекрасный сентябрьский день алчущая, возбужденная толпа окружала ворота Бибо. Пролитой кровью не утоляют, но лишь распалют жажду, и ничего удивительного не было в том, что толпа, видевшая сто благородных голов скатившимися к подножию гильотины сегодня, жаждала увидеть то же самое и завтра.

Бибо сидел на опрокинутом пустом бочонке недалеко от входа на заставу. Под его началом был небольшой отряд национальной гвардии. Только что пришлось хорошо поработать. Эти проклятые дворянчики, перепуганные до последней степени, все отчаяннее стремились вырваться из Парижа, а все эти мужчины, женщины и дети, чьи предки совсем еще недавно служили проклятым бурбонам, все они были изменниками и отличной пищей для гильотины. И Бибо ежедневно доставлял себе удовольствие, срывая маски с бегущих господ роялистов и отправляя их на суд Комитета общественной безопасности, возглавляемого доблестным патриотом – гражданином Фукье-Тенвилем. Даже Дантон и Робеспьер отметили рвение сержанта Бибо, лично отправившего

на гильотину полсотни аристократов.

Сегодня начальники отрядов на всех заставах получили особое распоряжение. Стало известно, что большому числу аристократов все-таки удалось ускользнуть из Франции и благополучно достичь английского берега. Об этом ходили по городу странные слухи, которые, разрастаясь, все больше и больше начинали будоражить народ. Пришлось даже отправить на гильотину сержанта Гроспьера с Северных ворот, упустившего целую семью аристократов.

Доподлинно было известно, что побеги организовывала некая группа англичан, чья храбрость казалась невероятной, ибо чем же еще можно было объяснить столь горячее усердие в спасении несчастных от гильотины, да еще и по доброй воле. Слухи стали доходить до абсурда; никто уже не сомневался в том, что эта группа действительно существует, более того, поговаривали, что руководит ею человек, якобы достаточно широко известный своей отвагой и мужеством. Рассказывали всевозможные загадочные истории о том, как он и его подопечные становились буквально невидимыми, оказываясь около застав, и беспрепятственно проходили через ворота, словно им помогал сам Бог.

Правда, самих мистических англичан никто никогда не видел, а что касается их главаря, то о нем и вовсе боялись говорить.

Гражданин Фукье-Тенвиль ежедневно получал странный клочок бумаги с неким загадочным символом; то он обнару-

живал его в кармане своего платья, то ему просто вручал послание кто-нибудь из толпы, когда он шел на заседание Комитета общественной безопасности. В бумажке, всегда помеченной маленьким красным звездообразным цветком, который в народе называют сапожком принцессы, кратко сообщалось, что группа англичан продолжает действовать. Через несколько часов после получения наглой записки члены Комитета общественной безопасности узнавали о том, что множеству роялистов и аристократов вновь удалось ускользнуть и что они уже находятся на пути к Англии и, значит, спасению.

Охрана ворот была удвоена, сержантам грозили смертью, за поимку наглых храбрецов была установлена награда – пять тысяч франков обещали тому, кто обезвредит этого загадочного и неуловимого Сапожка Принцессы.

Все считали, что на такое способен лишь Бибо, и вера в это настолько укоренилась во всеобщем сознании, что у Западных ворот каждый день собиралась большая толпа зевак, жаждущих не упустить момент, когда он будет вязать кого-нибудь из дворянчиков, сопровождаемого тем самым мистическим англичанином.

– Эй! – сказал Бибо своей верной гвардии. – Ну и дурак же был этот гражданин Гроспьер.

Если бы я был тогда у Северных ворот... – И гражданин Бибо в знак презрения к тупости своего приятеля плюхнулся задницей на землю.

– Как же это случилось, гражданин? – спросили гвардейцы.

– Гроспьер стоял и, понятно, смотрел в оба, – с помпой начал Бибо, и толпа сомкнулась вокруг него, затаив дыхание. – Все мы уже наслушались про этого неуловимого англичанина, про этого проклятого Сапожка Принцессы. Однако через мои ворота ему не пройти, черт побери, будь он сам дьявол! Но Гроспьер был дурак. Через ворота проезжали рыночные повозки, на одной из них сидели девица, да еще старик, да мальчишка – они везли бочки. Гроспьер был, конечно, немного пьян, но соображал, в общем-то, нормально. Большую часть бочек он проверил и, убедившись, что они пусты, пропустил повозку.

Рев гнева и возмущения пронесся над толпой жалких оборванцев, окружавших Бибо.

– Через полчаса к воротам подлетает капитан с дюжиной солдат. «Повозка проехала?» – спрашивает он, задыхаясь, Гроспьера. «Да, – отвечает Гроспьер. – Уже с полчаса». – «Вы позволили им уйти! Вы пойдете на гильотину за это, гражданин сержант! – кричит капитан. – На этой повозке был герцог де Шали с семьей». – «Как?» – затрясся Гроспьер, выпучив глаза. «А вот так! И старик был тот самый проклятый англичанин, Сапожок Принцессы!» Толпа негодуяще взвыла.

– Гражданин Гроспьер заплатил головой за свою ошибку. Какой дурак, настоящий простофиля, идиот. – И на Бибо на-

пал такой приступ смеха, что он не сразу даже смог продолжить свою сказочку.

– «За мной, ребята!» – орет капитан, – продолжал Бибо. – «Вспомните о награде! За ними!

Они не могли далеко уйти!» – И с этими словами он бросается за ворота во главе своей дюжины.

– Но было слишком поздно! – возбужденно завопила толпа. – Они не догнали их! Будь проклят Гроспьер за свою глупость! Поделом ему! Какого черта он не проверил все бочки! – Но все эти крики лишь забавляли Бибо. Его смешило до слез их неподдельное горе.

– Да нет же, – пояснил он в конце концов, – в повозке не было никаких дворянчиков, и старик никакой был не Башмачок.

– Как?!

– Очень просто. Этим чертовым англичанином был капитан, а вся дюжина с ним – дворяне.

Последние слова толпа встретила в полном молчании. История и впрямь начинала отдавать чертовщиной. А народ, несмотря на то что Республика отменила Бога, в глубине души все еще побаивался сверхъестественных сил. Англичанин воистину представлялся дьяволом.

Тем временем солнце клонилось к закату, и Бибо приготовился закрывать ворота.

– Эй, там, на повозках, пошевеливайтесь!

На дороге скопилось около дюжины крытых повозок,

стремящихся покинуть город, чтобы в отрезанной от него стране добыть хотя бы немного провианта для завтрашней торговли на городском рынке. Большинство этих людей Бибо уже хорошо знал, поскольку они проезжали мимо него по два раза на день. Он перекидывался ничего не значащими словами с некоторыми из возниц, в основном женщинами, и тщательнейшим образом осматривал содержимое повозок.

– Вы даже сами можете не знать, что там у вас внутри, – приговаривал Бибо. – А я не хотел бы попасться, как этот дурак Гроспьер.

Возницы из числа женщин обычно большую часть дня проводили на Гревской площади, у подножия гильотины, занимаясь вязанием и сплетничая. При этом они постоянно поглядывали на фургоны, в которых то и дело подвозились очередные жертвы Королевы Террора. Их весьма забавляло зрелище всходящих на эшафот дворянчиков, после чего они старательнейшим образом обшаривали все вокруг. Бибо в этот день как раз дежурил на площади и теперь узнавал большинство «трикотажниц», как их называли. Эти старые ведьмы спокойно вязали в то время, как головы скатывались одна за другой с помоста, и настолько уже привыкли к лужам дворянской крови, что выглядели бесстрастными куклами.

– Эй, мамаша! – обратился Бибо к одной из них. – Что ты делаешь?

Он видел ее днем за вязанием и уже проверял повозку. Теперь она держала в руках множество выющихся локонов

всех цветов и оттенков, лаская их своими длинными костлявыми пальцами, и хихикала над Бибо.

– Я подружилась с любовником мадам Гильотины, – отвечала она с циничным хохотом. – Он срезает мне это с отрубленных им голов. Обещал мне настричь еще и завтра, да не знаю, смогу ли завтра туда попасть.

– А что ж так, мамаша? – удивился Бибо, который, будучи образцовым служакой, не мог не заинтересоваться столь необычной старухой.

– Да у внука, вон, пятнышки оспы, – отвечала она, тыча большим пальцем себе за спину. – А некоторые вообще говорят, что это чума. Если правда, то я не смогу быть завтра в Париже.

Услышав про язвочки, Бибо отошел немного в сторону, когда же старая ведьма упомянула чуму, он отскочил от нее еще дальше.

– Будь ты проклята, – гаркнул он, и народ, столпившийся у повозки, мгновенно рассеялся.

Старуха расхохоталась.

– Сам ты будь проклят, трусливый подонок, – огрызнулась она. – А еще гражданин! Что же ты за мужчина, коли испугался каких-то болячек!

– Проклятье! Чума!

Наступила гнетущая тишина. Каждый с ужасом ощутил присутствие призрака страшной болезни, которая запросто могла переплюнуть любой террор и напугать самых безжа-

лостных дикарей.

– Проваливай! Катись отсюда с чумным своим выводком! – заорал Бибо.

Старуха, сделав похабный жест, хлестнула клячу и с грубым хохотом выкатилась за ворота.

Этим происшествием и завершился день. Народ начал расходиться, напуганный двумя страшными именами-болезнями, обрекающими человека на долгую, одинокую и мучительную смерть. Люди расходились в угрюмом молчании, подозрительно посматривая друг на друга и сторонясь на всякий случай, будто болезнь уже поселилась в каждом из них. Тут-то и появился, столь же неожиданно, как и в случае с Гроспьером, гвардейский капитан. Только этого Бибо знал лично, и опасения, что он может оказаться таинственным англичанином, были излишними.

– Повозка... – крикнул капитан задыхаясь, едва лишь достиг ворот.

– Какая повозка? – громко спросил Бибо. – Со старой ведьмой... крытая...

– Их было двенадцать...

– Да с той старой ведьмой, что наплела про чуму у сына!

– Да...

– Ты не пропустил их?

– Черт побери, – пробормотал Бибо, и его румяные щеки побелели от страха.

– В повозке была графиня де Турней с детьми! Все они

предатели и приговорены к смерти!

– А возница? – выдохнул Бибо, оседая в суеверном ужасе.

– Тысяча чертей! – прорычал капитан. – Есть подозрение, что он-то и был проклятым англичанином. Сапжжжж Принцессы собственной персоной!

Глава II

Дувр. «Отдых рыбака»

Салли хлопотала на кухне у гигантской плиты, заставленной сковородками и кастрюлями, в углу стоял огромный котел, рядом с ним, на вертеле, обжаривался благородный филей. Салли помогали две девчонки, на пухленьких локотках которых ловко сидели крахмальные нарукавники; стоило ей за чем-нибудь отвернуться, как они начинали хихикать одному Богу известно над чем.

Старая Джемима, тупая и неповоротливая, монотонно ворчала, то и дело поправляя стоящий на плите котел.

– Ну как там, Салли? – весело донеслось из зала.

– Господи, помилуй! – добродушно откликнулась Салли. – Знаю я, чего они ждут!

– Конечно же, пива, – проворчала Джемима. – Ты прекрасно знаешь, что один Джимми Питкин может выпить целый кувшин.

– Да и по виду мистера Гарри не скажешь, что он откажется, – прибавила, хитро поблескивая черными глазками, одна из девчонок, Марта, и подружки, переглянувшись, вновь рассмеялись.

Салли, упершись руками в пышные бедра, явно неодобрительно посмотрела на Марту, еще мгновение, и ее ладонь прошла бы по свежим румяным щечкам, однако любовь к

доброму юмору возобладала. Вздохнув, она пожалала плечами и занялась картофелем.

– Эй, Салли! Ну что там? – доносились из зала крики, сопровождаемые мерной дробью пустых оловянных кружек по дубовым столам, в надежде привлечь внимание жизнерадостной дочери трактирщика.

– Салли, – не унимался самый нетерпеливый из гостей. – Ты что, собираешься нас морить до ночи?

– Я думаю, папа был бы не против, – буркнула Салли не менее веско, чем Джемима, и, взяв несколько коронованных пеной кувшинов, стала разливать великолепный медовый эль домашней выделки, благодаря которому «Отдых рыбака» был известен еще со времен короля Карла. – Он-то знает, как мы здесь вертимся.

– Ваш папа слишком занят обсуждением политики с мистером Хэмпсидом, чтобы думать о вас и вашей кухне, – тяжело пыхтя, проворчала Джемима.

Небрежным жестом поправив волосы перед небольшим зеркалом, висевшим в углу кухни, Салли надела на черные кудри кружевной чепец, делающий ее похожей на ангела, и, ухватив каждой своей сильной загорелой рукой по три кружки, одновременно ворча, краснея и улыбаясь, вышла в зал.

Атмосфера в зале ничем не напоминала кухонной суеты. В наши дни «Отдых рыбака» – респектабельный ресторан. А тогда, в конце XVIII века, в великом 1792 году, он еще не приобрел той значительности и солидности, которые при-

несла ему бурная жизнь прошедших столетий, хотя уже и тогда он был достаточно старым – с дубовыми, потемневшими от времени стропилами и балками, с такими же стульями, из-за высоких спинок которых поблескивали отполированные временем столы, испещренные бесчисленными кольцами от кружек. Наверху, в центральном окне, стояли горшки с алой геранью и голубыми кавалерийскими шпорами¹, выделяясь своей яркостью из пыльной дубовой обстановки зала.

Владелец «Отдыха рыбака» – «медовый князь» мистер Желлибенд даже на взгляд самого придирчивого наблюдателя был весьма преуспевающим человеком. Оловянные кружки, покрытые старинным резным узором, сверкающая серебром и золотом медная утварь на гигантской плите, натертый до красного блеска пол, соперничающий своим цветом даже с ярко-алой геранью, – все свидетельствовало об исключительной добросовестности слуг, о нерушимой верности традициям, а также о священной необходимости и дальше поддерживать все на такой же высоте элегантности и приличия.

Когда Салли, безуспешно пытаясь за сдвинутыми бровями скрыть свою ослепительную улыбку, вышла из кухни, по залу разнесся ликующий вопль восторга:

– А вот и Салли! Ну что, Салли! Красотке Салли – ура!

– А я думал, ты совсем уже там оглохла в своей кухне, – выкрикнул Джимми Питкин, проводя тыльной стороной ла-

¹ Декоративный цветок. (Здесь и далее примеч. перев.).

дони по пересохшим губам.

— 'пакойна! 'пакойна! — засмеялась Салли в ответ, ставя на стол полные кружки. — Не понимаю, зачем так спешить? Или у тебя поддыхает бабка, и тебе так хочется посмотреть, как она испустит последний вздох, что ты прямо сгораешь от нетерпения? Сколько живу, подобной спешки не видела!

Острота вызвала веселое одобрение собравшихся и дала пищу немалому количеству новых шуток. Но Салли вдруг будто забыла обо всех своих сковородках и горшках. Казалось, она не замечает ни веселого оживления по поводу бабушки Джимми, ни тяжелых клубов крепкого табачного дыма. Все ее внимание было приковано к молодому человеку с вьющимися волосами и пылким взглядом синих глаз.

Мистер Джеллибенд, хозяин «Отдыха рыбака», «медовый князь», местный туз, стоял, широко расставив ноги, с длинной глиняной трубкой в зубах, лицом к очагу, так же как некогда здесь стояли его отец, его дед, его прадед. Массивная фигура, добродушное лицо, небольшая лысина на макушке — он представлял собой настоящего сельского Джона Булля тех дней, дней наивысшего политического расцвета острова, когда для любого англичанина, будь он лорд или йомен, весь европейский континент был вертепом разврата и Англия оставалась единственным местом, где еще можно было укрыться от каннибалов и дикарей.

Он стоял, гордый собой, твердо опираясь на ноги, с трубкой, как у церковного старосты, презирая все и вся вокруг

и не считая нужным заботиться о чем-либо или о ком-либо в доме. На нем был классический алый жилет с блестящими медными пуговицами, штаны из бумажного бархата, серые шерстяные чулки и щегольские туфли с пряжками, весьма характерные для всякого уважающего себя трактирщика в Великобритании тех времен. И хотя на округлые плечи очаровательной, выросшей без матери Салли свалилась работа, которую впору бы делать четверым, он предпочитал обсуждать политические проблемы нации с наиболее привилегированными из своих гостей.

Зал, освещенный двумя начищенными до блеска лампами, свисающими с балок, выглядел приветливо и уютно, особенно в те смутные времена. Сквозь плотные клубы табачного дыма маячили раскрасневшиеся физиономии завсегда-таев, довольных всем вокруг и самими собой. Салли шутила по поводу того, как мистер Гарри Уэйт прекрасно использовал то короткое время, в которое она была склонна жалеть его. Заведение мистера Желлибенда предназначалось в основном для рыбацкой братии, для людей, которые, как известно, выпить не дураки, ибо соль, что пропитывает их в море, предъявляет свой счет их глоткам на берегу. На самом же деле «Отдых рыбака» служил местом встреч не только для этого сброда, но и для всех проезжающих через Канал в ту и другую сторону, а поскольку побережья Дувра и Лондона превратились в сплошной постоянный двор, никто не мог миновать мистера Желлибенда, его французских вин и его

прекрасного домашнего эля.

Сентябрь 1792 года близился к концу, и погода, которая на протяжении всего месяца была сухой и теплой, вдруг резко изменилась. Потоки дождя за последние два дня затопили весь юг Англии, грозя уничтожить урожай груш, яблок, поздних слив и других столь любимых англичанами фруктов, которые, падая, бились в окна или попадали в дымоходы, не давая скучать горящему в очагах огню.

– Господи, помилуй! Видели ли вы когда-нибудь такой сухой сентябрь, мистер Желлибенд? – спросил мистер Хэмпсид.

Он сидел на почетном месте у очага, поскольку был известен как важная и значительная персона не только в «Отдыхе рыбака», где мистер Желлибенд всегда предоставлял ему особое место как своему постоянному собеседнику, но и по всей округе – своей ученостью, а особенно толкованием Священного писания, чем внушал не только уважение, но еще и некий благоговейный ужас. В одной руке он держал трубку, другая скрывалась в глубоком кармане рабочих штанов из бумажного бархата, а взгляд был прикован к стекающим по оконным переплетам потокам дождя.

– Нет, – философски ответил ему мистер Желлибенд, – едва ли припомню подобное, мистер 'эмпсид. А я, уже лет шестьдесят живу в этих краях.

– О, но вряд ли вы помните первые из этих шестидесяти, мистер Желлибенд, – отпарировал мистер Хэмпсид. – Такая

погода была здесь, когда Я был маленьким, а я здесь живу уже лет семьдесят пять, пожалуй.

Очевидность этого утверждения показалась мистеру Желлибенду настолько неоспоримой, что он даже не попытался прибегнуть к каким-нибудь контраргументам.

– Можно подумать, сейчас скорее апрель, чем сентябрь, – продолжал мистер Хэмпсид, следя, как в огонь с шипением падают капли.

– Да, пожалуй. И все-таки, как вы считаете, мистер 'эмпсид, каким будет наше новое правительство?

Мистер Хэмпсид покачал головой, весьма умудренной глубокими сомнениями относительно британского климата и британского правительства.

– А ничего я не считаю. О таких бедняках, как мы с вами, в Лунноне некому позаботиться, я об этом уже давно знаю и особо по этому поводу не скорблю. Гораздо больше беспокойства мне доставляет то, что в сентябре вдруг наступит настолько сухая погода, что все мои фрукты гниют, буквально сдыхают, как первенец гуптиановой мамы; и ничего не поделаешь, их теперь ничем невозможно спасти. Прости, Господи, всех этих жидов, торговцев и прочих сброд, которые со своими апельсинами и всякой другой привозной богомерзкой дрянью совсем отбивают охоту покупать наши славные английские яблоки и груши. В Священном писании по этому поводу говорится...

– Совершенно с вами согласен, мистер 'эмпсид, – произ-

нес Джеллибенд. – И все-таки, как вы считаете, эти французские черти за Каналом уже поубивали своих дворян и короля в придачу, а мистер Питт, и мистер фокс, и мистер Бурк все никак не могут поладить между собой. «Пусть они убивают друг друга», – говорит мистер Питт. «Остановите их», – говорит мистер Бурк. Но истинный англичанин послал бы их всех катиться своей проклятой дорогой.

– А я считаю, пусть они все убивают друг друга сколько хотят, будь они трижды прокляты! – с пафосом заявил мистер Хэмпсид. Порой он все-таки соглашался с политическими прозрениями своего друга, хотя и всегда сомневался в их глубине, что неизменно давало ему возможность высказывать все новые и новые перлы, прославившие мистера Хэмпсида на всю округу и приносившие ему немало кружек бесплатного эля в «Отдыхе рыбака». – Пусть, пусть они убивают друг друга, – повторил он снова, – но такие дожди в сентябре, Господи, помилуй, противны не только закону человеческого, но и Священному писанию, в котором говорится...

– Ой, господи, мистер 'арри, уймите свои руки! – Это неожиданное восклицание Салли весьма пагубно отразилось на ее флирте; не дав возможности набравшему полную грудь воздуха мистеру Хэмпсиду блеснуть своим толкованием Священного писания, она заслужила целый ушат отцовского гнева на свою бедную голову.

– Не время, не время, девочка моя, – пробурчал он, всеми силами пытаясь придать добродушному лицу гневное выра-

жение. — Оставь этого наглого молодца, ступай на кухню и займись делом.

— Но все уже сделано, папа...

Однако мистер Джеллибенд был неумолим. У него имелись свои представления по поводу будущего своей единственной жизнерадостной дочери, которая в скором времени с Божьей помощью должна была стать владелицей «Отдыха рыбака», и ему вовсе не хотелось, чтобы она вышла замуж за кого-нибудь из этих парней, добывающих пропитание сетями.

— Послушай-ка меня, моя девочка, — продолжил он тем спокойным тоном, которого в харчевне никто никогда не смел послушаться, — самое лучшее, что ты сейчас можешь сделать, это приготовить ужин лорду Тони; я думаю, он был бы очень доволен. И хватит об этом. Салли неохотно повиновалась.

— А что, мистер Джеллибенд, вы ждете сегодня ночью каких-нибудь важных гостей? — спросил Джимми Питкин в надежде отвлечь внимание хозяина от только что происшедшей сцены.

— Да, жду, — ответил Джеллибенд. — Я жду друзей лорда Тони, весьма знатных особ с того берега, которым наш молодой лорд и его друг сэр Эндрю Фоулкс вместе с другими джентльменами помогают спастись от этих чертовых голово-резов.

Для убогой домашней философии мистера Хэмпсида это

было уже чересчур.

– Боже мой! Зачем они во все это лезут? Я вообще предпочитаю не вмешиваться в чужие дела. Вот и в Священном писании...

– Мистер Хэмпсид, – прервал его Джеллибенд с едким сарказмом, – уж не сдружились ли вы случайно с мистером Питтом, или, быть может, вы поете на два голоса с мистером Фоксом: «Пусть они убивают друг друга»?

– Нет, нет, извините меня, мистер Джеллибенд, я сказал лишь то, что сказал, – слабо запротестовал мистер Хэмпсид.

Но мистер Джеллибенд уже сел на своего любимого конька и не собирался так просто его оставить.

– Тогда, быть может, вы подружились с кем-нибудь из тех французских ребят, которые так стараются направить нас на свой кровавый путь?

– Я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, мистер Джеллибенд, – защищался мистер Хэмпсид. – Но я знаю лишь...

– А я знаю, – громко прервал мудрый хозяин, – что некий мой друг Пеперкорн, владелец «Синемордого кабана», тоже был раньше честным и порядочным англичанином, а что мы видим теперь? Он завел дружбу с этими лягушатниками, таскается с ними, будто они для него родня, и, более того, оправдывает всех этих шпионов. Прекрасно, что дальше? Теперь он совсем вознесся, говорит о свободе и революции, пинает аристократов. Не так ли и вы, мистер 'эмпсид?

– Извините, мистер Джеллибенд, – продолжал слабо сопротивляться мистер Хэмпсид. – Но я сказал только то, что сказал.

А мистер Джеллибенд всем своим видом как бы искал поддержки у сидящих вокруг посетителей по поводу басенки о падении мистера Пеперкорна. Один из двоих завсегда-таев, судя по платью, джентльменов, которые, отложив недоигранную партию в домино, с явным интересом слушали интернациональные соображения мистера Джеллибенда, встал и с несколько ироничной улыбкой вышел на середину, поближе к оратору.

– Так вы считаете, мой уважаемый друг, – спокойно произнес он, – что эти французские ребята, шпионы, как вы их называете, годны только на рубленую говядину? А как повашему, чем они занимаются теперь?

– Боже мой, сэр! Я полагаю, они болтают, не более. Я слышал, что Господь их наградил словоблудием: вон, спросите у мистера 'эмпсида, он вам расскажет, как ловко они заговаривают зубы.

– Что, в самом деле так, мистер Хэмпсид? – учтиво спросил незнакомец.

– Да нет, сэр. Ну что вы, ни в коем случае, – возбужденно ответил мистер Хэмпсид. – Вы можете быть совершенно уверены, я готов ответить на любой ваш вопрос...

– Как-нибудь в другой раз, – кивнул незнакомец. – Смею надеяться, милостивый государь, что этим хитрым шпионам

не удастся поколебать стойкости ваших убеждений, – продолжил он, обращаясь к мистеру Джеллибенду.

После этих слов незнакомца и без того уже переполненный весельем мистер Джеллибенд разразился приступом хохота, постепенно захватившего всех, кому посчастливилось в этот момент находиться в харчевне.

– Ха-ха-ха, хо-хо-хо, хи-хи-хи! – сотрясаясь он всем своим крупным телом так, что у него заболели бока и выступили на глазах слезы. – Моих... нет, вы слышали, что он сказал... моих... будто бы могут поколебать моих... стойкость моих убеждений... Нет, сэр, простите, но вы говорите такие забавные вещи...

– Отлично, мистер Джеллибенд, – заметил мистер Хэмпсид. – Но в Священном писании сказано: «И стоящий, в конце концов, упадет».

– Но вы забываете, мистер 'эмпсид, – все еще держась за бока от смеха, возразил мистер Джеллибенд, – что в Священном писании говорится не обо мне. Если даже я и выпью кружку, другую эля с кем-нибудь из этих проклятых французов, то это никоим образом не отразится на моих взглядах. Да и вообще я слышал, что им королевский английский не по зубам, и как только кто-нибудь из этих лягушатников заговорит со мной на своем богом забытом жаргоне, я сразу же вам укажу на него, и – раз попался, защищайся, как говорится.

– О мой благороднейший друг, – приветливо произнес

незнакомец. – Вы столь проницательны, как я вижу, что можете дать фору и двадцати французам. Дай же вам Бог крепкого здоровья, достойный хозяин! Не откажитесь допить со мной эту бутылочку вина.

– О, я вижу, вы очень достойный господин, – ответил Джеллибэнд, вытирая все еще слезящиеся от неудержимого хохота глаза, – не вижу причин отказать вам.

Незнакомец наполнил вином два бокала и один из них предложил хозяину.

– Увы, но истинные англичане, каковыми мы все здесь являемся, – продолжал незнакомец с улыбкой, – все мы, истинные англичане, вынуждены признать, что вино, пожалуй, единственная вещь, за которую мы можем быть благодарны Франции.

– О! Сэр! Никто из нас и не спорит с этим, – ответил Джеллибэнд.

– Так выпьем же за «медового князя» мистера Джеллибэнда, нашего досточтимого хозяина, лучшего во всей Англии! – громко провозгласил незнакомец.

– Гип-гип ура! – завопили присутствующие. Кто-то захлопал в ладоши, раздался стук кружек и звон бокалов, все это сопровождалось веселым и громким смехом, изредка прерываемым восклицаниями мистера Джеллибэнда.

– Нет, но это было бы и в самом деле очень, очень забавно – поговорить с кем-нибудь из этих проклятых Богом шпигов. Что? О, простите, сэр, но вы говорите такие забавные

вещи...

Незнакомец и не собирался ничего отрицать. Да и в самом деле, было бы полным абсурдом пытаться изменить глубоко укоренившееся мнение мистера Желлибенда о совершенной никчемности жителей целого европейского континента.

Глава III

Эмигранты

Впрочем, антифранцузские настроения распространились в то время по Англии достаточно широко. Благодаря тайным и явным связям между французским и английским берегами, водным путем доставлялось и множество новостей, от которых у каждого честного англичанина буквально вскипала кровь, вызывая жгучее желание что-нибудь сделать в отместку всем этим убийцам, заточившим в тюрьму своего короля и его семью, позволившим королеве с детьми стать жертвой амбиций шпииков и так бесцеремонно проливавшим кровь их соратников и родных.

Казнь принцессы де Ламбаль, молодой и прелестной подруги Марии Антуанетты, повергла всех в невыразимый ужас; ежедневные убийства роялистов, единственным преступлением которых было их благородное происхождение, казалось, зывали к отмщению всю цивилизованную Европу.

Но тем не менее никто не спешил вмешиваться; ни Бурк, исчерпавший все свое красноречие на призывы к английскому правительству выступить против революционной Франции; ни мистер Питт, которому излишняя осмотрительность не позволила разглядеть того, что Англия влезла в другую, не менее тяжелую и разорительную войну. Последняя надежда

была на Австрию, прекраснейшая дочь которой была теперь лишена трона, брошена в тюрьму и унижена до последней степени воюющей чернью. Австрия, естественно, насадала на мистера Питта, требуя собрать со всей Англии войска, хотя бы уже потому, что французы убивают друг друга.

А что касается мистера Желлибенда, как и всякого Джона Булля вообще, который, хотя и смотрит на любого иностранца с некоторым презрением, тем не менее является роялистом и антиреволюционером по сути своей, то он и подобные ему люди теперь и вовсе кипели яростью по поводу осторожности мистера Питта, не понимая толком истинного смысла политики этого великого человека.

Из кухни выскочила возбужденная и раскрасневшаяся Салли. Она заметила промокшего всадника, спешившегося у дверей харчевни, и в тот момент, когда мальчик побежал принять повода, Салли устремилась к входной двери приветствовать долгожданного гостя.

– Лошадь лорда Энтони на дворе, папа, – бросила она на бегу.

Но дверь распахнулась, и в следующий миг Салли уже была в объятиях человека в промокшей одежде, голос которого гремел и перекачивался меж балок харчевни:

– Моя прелестная Салли! Господи, благослови эти черные глаза, сияющие, словно звезды!

Пока он говорил это, через зал уже бежал мистер Желлибенд, хлопотливо возбужденный, поскольку перед ним был

один из самых дорогих гостей его постоянного двора.

– Боже! Вы меня убиваете! – продолжал лорд Энтони, запечатлев поцелуй на цветущих щечках Салли. – Вы становитесь все прелестнее и прелестнее с каждым днем. Должно быть, мой уважаемый друг мистер Джеллибенд прилагает немало усилий, оберегая вашу дивную талию от рук этих ребят. Не так ли, мистер Уэйт?

Мистер Уэйт, застигнутый врасплох, с одной стороны, уважением к милорду, а с другой – неприязнью к подобно-го рода шуткам, только прохрюкал в ответ нечто весьма сомнительное.

Лорд Энтони Дьюхерст – один из сыновей герцога Экстера, – был истинным молодым английским джентльменом тех дней: высокий, хорошо сложенный, широкий в плечах, веселый, всегда и везде громко и звонко смеющийся. Спортивный, жизнерадостный, куртуазный, из хорошего рода, не слишком умный, чтобы обуздывать свои страсти, он был равно любим как в лондонских гостиных, так и в деревенских харчевнях. В «Отдыхе рыбака» его знали все, поскольку лорд часто ездил во Францию и по пути всегда останавливался под кровом солидного мистера Джеллибенда.

Кивнув Уэйту, Питкину и другим, он еще раз приобнял Салли и отправился к очагу обогреться и обсушиться. Мимходом он бросил беглый и подозрительный взгляд на двух незнакомцев, играющих в домино, и его молодое веселое лицо на мгновение стало серьезным и озабоченным.

Но в следующий миг лорд Энтони уже повернулся к мистеру Хэмпсиду, который с важностью поглаживал свой холлок.

– Отлично, мистер Хэмпсид! Как поживают ваши фрукты?

– Плохо, милорд, плохо, – скорбно откликнулся мистер Хэмпсид. – А что вы думаете по поводу нашего правительства, потакающего этим мошенникам французам, пока они убивают своего короля и дворян?

– Клянусь жизнью, – ответил лорд Энтони. – За все то, что они сейчас делают, они в конце концов получат свое, черт побери! Мы как раз ожидаем сегодня ночью кое-кого из наших друзей, которым все же удалось вырваться из этой мясорубки.

В то время как он говорил эти слова, его дерзкий взгляд вновь скользнул по двум загадочным незнакомцам, сидящим в углу.

– Милорд! Я благодарен вам и вашим друзьям! – сказал мистер Джеллибенд. – Но ваш тон красноречивее ваших слов.

Рука лорда Энтони тут же предупреждающе легла на локоть хозяина кабачка.

– Тихо! – сказал он резко, инстинктивно оглянувшись в сторону незнакомцев.

– О, спаси вас Бог! Все в порядке. Здесь нечего бояться, милорд. Нет, я не забываюсь, просто знаю, что мы находим-

ся среди друзей. Этот джентльмен в углу – столь же истинный и верный подданный короля Георга, сколь вы, – это вы, милорд. Будьте спокойны. Он только что прибыл в Дувр, у него здесь дела.

– Дела? Но тогда он, наверное, гробовщик, поскольку, клянусь, я не встречал более мрачной физиономии.

– Да нет, милорд. По-моему, он просто вдовец; ничем другим невозможно объяснить такой меланхолии в поведении, но он друг – это точно. Вы можете мне поверить, нет лучшего физиономиста, чем скромный хозяин этого кабачка.

– Ладно, прекрасно, мы среди друзей, – согласился лорд Энтони, который, конечно же, не собирался обсуждать этот вопрос с трактирщиком... – Скажите только, у вас кто-нибудь еще останавливается сегодня?

– Нет, милорд, никого, и никто не собирался, только...

– Только?..

– О нет, никого из недостойных вашей чести, не сомневайтесь.

– Кто такие?

– Хорошо, я скажу вам, милорд. Сэр Перси Блейкни с супругой будут здесь вскорости. Но они не собирались оставаться...

– Леди Блейкни? – удивленно переспросил лорд Энтони.

– Да, милорд. Шкипер сэра Перси уже здесь; он сказал, что брат миледи отбывает сегодня во Францию на «Полуденном сне», а сэр Перси и миледи прибудут вместе с ним. Надеюсь,

это не будет вам в тягость, милорд?

– Нет, нет, мой друг, ничто мне не будет в тягость. Разве только ужин, который всегда подается в вашем кабачке, будет приготовлен Салли не самым лучшим образом.

– О, этого вам бояться нечего, – вмешалась Салли, которая все это время занималась сервировкой стола; он был на редкость нарядным и привлекательным – с большим букетом бриллиантовых георгинов, с блестящими оловянными кубками посередине и с голубым китайским фарфором. – На сколько персон накрывать, милорд?

– На пятерых, дорогая Салли. Но лучше рассчитывайте на десятерых, поскольку наши друзья будут очень измотаны и, пожалуй, не менее голодны. Что касается меня, то, клянусь, мне хватит и одного куска мяса.

– А вот и они! Слышите?! – возбужденно сказала Салли, и в самом деле уже можно было расслышать приближающийся стук подков, сопровождаемый скрипом колес.

В харчевне все вдруг засуетились. Каждому было интересно увидеть важных людей с того берега, друзей лорда Энтони. Салли поспешно бросила пару взглядов на кусок зеркала, висящий на стене, а солидный мистер Желлибенд заторопился в надежде первым встретить высокопоставленных гостей. И только два незнакомца продолжали спокойно доигрывать партию в домино, не принимая никакого участия во всей этой суматохе и даже не оглядываясь на дверь.

– Идите вперед, графиня, дверь справа, – донесся снаружи

приятный голос.

– О, это они! Все в порядке! – обрадовался лорд Энтони. – Посмотрим, посмотрим, дорогая Салли, насколько быстро вам удастся подать суп!

Дверь широко распахнулась, и перед рассыпающимся в приветствиях и поклонах мистером Желлибендом появилась компания из четырех человек, а в следующее мгновение две леди и два джентльмена вошли в зал.

– Приветствую вас в нашей старой доброй Англии! – сказал лорд Энтони, идя навстречу вновь прибывшим с распростертыми объятиями.

– О, если не ошибаюсь, лорд Энтони Дьюхерст, – с сильным акцентом обратилась к нему одна из дам.

– К вашим услугам, мадам, – ответил он, церемонно целуя руки обеим леди. Затем, повернувшись к мужчинам, тепло поздоровался и с ними.

Салли уже помогала дамам снять дорожные платья, после чего они, дрожащие от холода, сразу же направились к ярко горящему пламени очага.

Все в харчевне пришло в движение. Салли хлопотала на кухне, мистер Желлибенд, не прекращая приветствий, подтаскивал к очагу стулья, мистер Хэмпсид, все так же поглаживая свой хохолок, тоже пытался устроиться поближе к огню. Каждый по-своему интересовался происходящим.

– Ах, господа, что я могу сказать? – вздохнула старшая из двух прибывших леди, протягивая к теплему очагу свои ари-

стократические руки, и ее полный признательности взгляд остановился сначала на лорде Энтони, а затем на одном из сопровождавших ее молодых людей, который в этот момент стягивал с себя тяжелое мокрое пальто.

– Я надеюсь, что вы все-таки рады тому, что прибыли в Англию, дорогая графиня, – ответил лорд Энтони, – и это ваше путешествие не было слишком утомительным?

– О, да, да, мы очень, очень рады быть в Англии. Мы даже начинаем забывать о всех перенесенных нами страданиях, – ответила графиня, и глаза ее наполнились слезами.

Голос ее был низким и мелодичным, на красивом благородном лице с короной белоснежных волос, зачесанных высоко надо лбом, по моде того времени, лежала печать тихой грусти и множества перенесенных страданий.

– Надеюсь, мой друг сэр Эндрью Фоулкс оказался необременительным спутником, мадам?

– Ах, что вы, что вы! Сэр Эндрью был очень добр, я и мои дети даже не знаем, как вас благодарить, господа!

Ее спутник, почти совсем ребенок, с фигурой изящной, как у девушки, стоявший до сих пор молча с усталым и печальным видом, поднял большие карие полные слез глаза от огня и устремил их на находящуюся перед ним девушку, чье бледное лицо тут же залила теплая волна краски.

– Так вот она какая, Англия! – сказала она, оглядывая с детским любопытством большой открытый очаг, дубовые балки и докеров с их закопченными трубками и красноваты-

ми, истинно британскими лицами.

– Это только маленький уголок, – улыбаясь, ответил сэр Эндрью, – но вся Англия к вашим услугам.

Девушка снова вспыхнула, но в следующую секунду яркая улыбка, нежная и детская, осветила ее прелестное лицо, она ничего не сказала, как и сэр Эндрью, но оба поняли друг друга, как понимают молодые люди во всем мире и ныне, и присно, и во веки веков.

– А где же ужин? – раздался громкий голос лорда Энтони. – Где же ужин, милейший Джеллибенд? Где эта ваша милашка с супом? Эй, мужики, пока вы тут зеваете с дамами, они попадают в обморок от голода!

– Минутку, минутку, милорд! – откликнулся Джеллибенд и громко позвал через открытую дверь, ведущую в кухню: – Салли! Эй, Салли! Ну, что там, готово, малышка?

У Салли все было готово, и в следующий момент она появилась в дверях с гигантской суповой миской, над которой поднималось облако пара, распространявшего изысканный аромат.

– Клянусь жизнью, наконец-то ужин! – весело и облегченно вздохнул лорд Энтони и галантно предложил руку графине.

– Вы делаете мне честь, – сказала она церемонно, в то время как он вел ее к столу.

В харчевне все снова засуетились; мистер Хэмпсид и большинство рыбаков и докеров пошли докуривать свои трубоч-

ки в какое-нибудь другое местечко, и только два незнакомца продолжали тихо и незаметно играть в кости, потягивая вино, да Гарри Уэйт, уже изрядно накачавшийся, наблюдал, как Салли хлопочет вокруг стола.

Это и в самом деле выглядело картинкой из сельской жизни старой Англии, и неудивительно, что глаза пылкого молодого француза то и дело воровато поглядывали на хорошенькое личико служанки. Виконту де Турней едва исполнилось девятнадцать; ужасная трагедия, происходящая на его родине, сделала этого безусого мальчика чересчур впечатлительным. Он был элегантен, фатовски одет и, благодаря благополучному избавлению, уже начинал забывать обо всех кошмарах революции, особенно при виде этой влекущей английской жизни.

– Простите, так это и есть Англия! – сказал он, продолжая украдкой поглядывать на Салли. – Я, это, удовлетворен.

Нет никакой возможности поместить здесь то слово, что вырвалось сквозь стиснутые зубы мистера Гарри Уэйта, который только благодаря собственной кондиции и уважению к лорду Энтони не врезал этому молодцу по зубам.

– Нет, вот где Англия, вон тот молодой подонок! – вступил лорд Энтони со смехом. – Клянусь, вы и не догадывались, в какую высоконравственную страну попадете.

Лорд Энтони сидел уже во главе стола с графиней по правую руку. Желлибенд суетился вокруг, поправляя стаканы и стулья, Салли ждала, готовая в любую минуту разлить суп,

а друзья мистера Гарри Уэйта наконец-то преуспели в своих попытках выдворить его на улицу, ибо гнев последнего все более и более распалялся по мере того, как виконт все откровеннее восхищался Салли.

– Сюзанна! – строгим тоном сказала графиня. Сюзанна вновь вспыхнула. Стоя у огня, она совсем потерялась во времени и пространстве, зачарованная неотступными взглядами англичанина, незаметно приникшего к ее локотку рукой. Оклик матери вернул ее на землю, и с почтительным «да, мама» она заняла свое место за столом.

Глава IV

Лига «Сапожок принцессы»

Все собравшиеся за столом веселились и казались совсем счастливыми, сэр Эндрю Фоулкс и лорд Энтони Дьюхерст – прекрасно сложенные, хорошего рода, настоящие английские джентльмены того великого 1792 года и аристократичная графиня с двумя детьми, только что избежавшие тяжелой участи и обретшие спасительный кров в дружественной Англии.

Два незнакомца, тихо сидевшие до этого в своем углу, вдруг закончили игру, один из них встал и, повернувшись к веселой компании спиной, оправил промокшее пальто на толстой подкладке, мимоходом скользнув глазами вокруг, – за столом все болтали и веселились.

– Уже спаслись... – пробормотал он.

Его спутник с ловкостью хорошо натренированного человека подогнул колени и в следующий миг бесшумно исчез под скамейкой. Затем первый незнакомец с громким «спокойной ночи» вышел на улицу.

Никто из сидящих за столом не обратил внимания на эти странности, но, когда за незнакомцем захлопнулась дверь, все облегченно вздохнули.

– Наконец-то мы одни! – обрадовался лорд Энтони. Как бы в ответ на это, встал виконт де Турней и с грациозной аф-

фектацией, свойственной тем временам, подняв высоко бокал, провозгласил на ломаном английском:

– За его величество Георга Третьего Английского! Храни его Бог за благосклонность ко всем нам, бедным изгнанникам Франции!

– Да здравствует король! – эхом отозвались лорд Энтони и сэр Эндрю и торжественно выпили.

– За его величество короля Людовика Французского! – галантно продолжил сэр Эндрю. – Храни его Бог и даруй ему победу над врагами!

Все встали и выпили молча. Несчастливая судьба короля Франции, брошенного в тюрьму своим же народом, казалась еще более печальной в теплой домашней обстановке харчевни мистера Желлибенда.

– И за господина графа де Турней де Бассерив! – весело добавил лорд Энтони.

– Не пройдет и нескольких дней, как мы будем приветствовать его в Англии.

– Ах, месье, – сказала графиня, и рука ее, подносящая к губам бокал, задрожала. – Так хотелось бы верить.

Но лорд Энтони уже занимался супом. Разговор на короткое время был прерван. Мистер Желлибенд и Салли обнесли гостей, и все принялись за еду.

– Впрочем, мадам, мой тост был излишним, – заметил после паузы лорд Энтони. – Как видите, мадемуазель Сюзанна и мой друг виконт вполне благополучно прибыли в Англию,

так что вы можете быть совершенно спокойной и за судьбу господина графа.

— Ах, месье, — отвечала с тяжелым вздохом графиня. — Я верю в Бога, я молюсь, я надеюсь...

— О, мадам, — прервал ее сэр Эндрю Фоулкс. — Верьте всей душой в Бога, но не забывайте и о том, что ваши друзья поклялись доставить в Англию господина графа, как они только что доставили вас.

— Воистину, воистину, месье, я преисполнена благодарности к вам и к вашим друзьям, — отвечала она. — Уверяю вас, вы известны всей Франции Путь, которым мы избежали полновластного революционного трибунала, был действительно каким-то мираклем, и все это сделали вы...

— Ну, что вы, мадам, это чудо вполне рукотворно.

— Но мой муж, месье — продолжала графиня с тщетно скрываемой дрожью в голосе. — Он в смертельной опасности... Я не должна была его оставлять, и если бы... Если бы не мои дети... Я колебалась между долгом перед мужем и детьми... Они не хотели без меня ехать... А вы и ваши друзья столь уверенно убеждали меня, что мой муж тоже будет спасен... Но теперь я здесь, среди вас, в прекрасной свободной Англии, и думаю о нем, находящемся на волоске от смерти, которого травят, как какого-нибудь зверя... В такой опасности... Ах, я не должна была его оставлять... Я не должна была!..

Бедная женщина была совершенно сломлена, усталость,

печаль и нахлынувшие чувства окончательно перечеркнули ее строгую аристократическую выдержку, она полностью отдалась слезам, которые пыталась осушить поцелуями подошедшая к ней Сюзанна.

Лорд Энтони и сэр Эндрью даже не пытались остановить графиню. Они глубоко сочувствовали ей, о чем свидетельствовало их молчание, но так уж повелось в Англии с давних времен, что англичане всегда стыдятся своих эмоций и симпатий, поэтому два молодых человека молчали, пытаясь скрыть истинные чувства, но им удавалось лишь избежать глупого вида в этой неловкой ситуации.

– Что касается меня, месье, – неожиданно сказала Сюзанна, разглядывая каштановую копну волос сэра Эндрью, – то я абсолютно верю, Я ЗНАЮ, что вы так же благополучно доставите моего отца в Англию, как только что доставили нас.

Это было сказано с такой благодарностью, с такой невыразимой надеждой и верой, что совершенно магическим образом высушило материнские слезы, а всем вернуло улыбки.

– О, вы мне льстите, мадемуазель, – смутился сэр Эндрью. – Моя жизнь, конечно же, всегда к вашим услугам, но я всего лишь ничтожное орудие в руках нашего великого предводителя, это он организовал ваше спасение.

Он сказал это с такой теплотой и горячностью, что Сюзанна подарила ему полный нескрываемого восторга взгляд.

– Ваш предводитель, месье? – пылко откликнулась графиня. – Ах, да, конечно же, у вас должен быть предводитель,

как я сразу не догадалась! Но где он, скажите мне! Я должна сейчас же пойти к нему, я и мои дети, мы должны упасть перед ним на колени и благодарить за все то, что он сделал для нас.

– Увы, мадам, – ответил лорд Энтони, – это невозможно.

– Невозможно? Почему?

– Дело в том, мадам, что Сапожок Принцессы работает в тайне, его истинное имя известно лишь очень узкому кругу приближенных.

– Сапожок Принцессы? – весело засмеялась Сюзанна. – Какое забавное имя! А что это такое – Сапожок Принцессы? – Она с задорным любопытством взглянула на сэра Эндрю.

Глаза молодого человека восторженно заблестели, чувства преклонения, любви, обожания к своему предводителю выразились на его лице ярким румянцем.

– Сапожок принцессы, мадемуазель, – ответил он наконец, – название самого простого цветочка, растущего по обочинам дорог, но под этим названием скрывается лучший и храбрейший в мире человек, скрывается, чтобы спокойно выполнять поставленную перед собой благородную задачу.

– Да, да, – прервал его молодой виконт. – Я, кажется, что-то слышал о нем. Совсем маленький цветок, красный, не так ли? Я слышал в Париже, что когда кому-нибудь из роялистов удавалось ускользнуть в Англию, то этот дьявол Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель, получал бумажки с

каким-то цветочком, да?

– Именно так, – согласился лорд Энтони.

– Значит, он получит еще одну такую бумажку сегодня?

– Обязательно.

– Ой, как замечательно вы сказали! – весело воскликнула Сюзанна. – Я слышала, что они ничего не боятся больше, чем этой бумажки с красным цветочком.

– О, – подхватил сэр Эндрю, – им еще не раз предстоит полюбоваться на него!

– Ах, месье, – сказала графиня. – Ваши слова как музыка, но мне не совсем понятно...

– В чем затруднения, мадам?

– Объясните, зачем ваш предводитель... зачем вы все тратите деньги, рискуете жизнью, а ведь вы действительно ею рискуете, отправляясь в теперешнюю Францию, и все это из-за нас, французов, которые вам никто!

– Спорт, мадам, спорт, – ответил лорд Энтони веселым и громким голосом. – Вы же знаете, мы спортивная нация. А в наши дни пошла мода вырывать зайца из зубов гончей.

– Ах, что вы, милорд, какой спорт? Я уверена, у вас есть более благородные цели в этом опаснейшем предприятии.

– Мадам, буду рад, если вы их найдете. Что же касается меня, клянусь, я просто люблю игру, а эта игра наиболее увлекательная из всех, в которых мне когда-либо приходилось участвовать. Буклеволосые спасаются! Дьявольский риск! Оп-ля! И все разбежались!

Но графиня недоверчиво покачала головой; она никак не могла поверить в то, что эти молодые люди и их предводитель, все знатного рода, состоятельные, рисковали своей головой (ей это было доподлинно известно) лишь из любви к спорту. Иностранное происхождение не спасало их в теперешней Франции. Каждый, будучи уличенным в помощи или даже сочувствии к преследуемым роялистам, тотчас же подвергался суду и казни без всякого снисхождения. Компания молодых англичан просто дразнила непримиримый и кровавый революционный трибунал, умыкая у него из-под носа, а порой даже прямо от подножия гильотины, осужденных на казнь. Графиня с ужасом вспомнила события последних дней: как пришлось бежать из Парижа с двумя детьми как они прятались на дне убогой повозки, лежа в грудe турнепса и капустных листьев, не смея даже дышать, в то время как у страшных Западных ворот чернь орала «A la lanterne les aristos!»²

Все произошло самым странным образом. Она и ее муж прекрасно знали, что состоят в списках «подозрительных» и что вопрос их жизни и смерти – дело даже уже не дней, а, быть может, часов. И вдруг явилась надежда на спасение – таинственное послание, помеченное непонятным красным значком, ясные и точные указания... Затем прощание с графом де Турней, совершенно разбившее сердце графини... слабая надежда на новую встречу... побег с детьми... крытая

² Аристократов на фонарь! (фр.).

повозка кошмарная старуха, управляющая ею и казавшаяся истинным дьяволом со своими ужасными трофеями!

Графиня взглянула на мирную домашнюю обстановку старомодной английской харчевни, на весь этот уютный уголок в стране гражданских и религиозных свобод и закрыла глаза, пытаясь отогнать жуткие воспоминания о страшных Западных воротах, о разбегающейся в паническом ужасе толпе, услышавшей слово «чума».

Сидя в этой повозке, графиня каждый миг боялась разоблачения, ареста, пыток, приговора. А эти молодые люди, вдохновляемые безумной храбростью и загадочным предводителем, постоянно рисковали своими жизнями, продолжая спасать обреченных. И все это ради спортивного интереса? Не может быть!. И сэр Эндрю, смотревший на Сюзанну, ясно читал в глазах девушки, что она абсолютно уверена в его высоких и благородных побуждениях в деле спасения людей от жестокой и незаслуженной смерти.

– И сколько же человек в вашей отчаянной лиге? – робко спросила Сюзанна.

– Всего двадцать, мадемуазель. Один руководит, остальные подчиняются, – ответил сэр Эндрю. – Все мы англичане, и все мы связаны одним делом – освободить невиновных, беспрекословно подчиняясь воле нашего предводителя.

– Храни вас Бог, господа! – с жаром сказала графиня.

– Он так и делает, мадам.

– Как это замечательно, господа! Вы – мужественные лю-

ди и, должно быть, преданы друг другу. А у нас во Франции уже привыкли к изменам – и все во имя свободы и братства!

– А женщины во Франции особенно ненавидят аристократов. Даже больше, чем мужчины, – вздохнул виконт.

– Да, да, – согласилась графиня, и в ее печальных глазах застыла тяжелая ненависть. – Там была одна женщина, Маргарита Сен-Жюст. Она выдала кровавому трибуналу маркиза де Сен-Сира со всей семьей.

– Маргарита Сен-Жюст? – переспросил лорд Энтони, обменявшись быстрым понимающим взглядом с сэром Эндрью. – Маргарита Сен-Жюст? Хотя...

– Конечно, вы ее знаете. Она была ведущей актрисой «Комеди Франсез», а потом вышла замуж за англичанина. Вы должны ее знать.

– Должны знать? Знать леди Блейкни? Самую очаровательную женщину Лондона? Жену одного из богатейших людей Англии? Еще бы! Конечно, мы все знаем леди Блейкни.

– Она была моей приятельницей по монастырю в Париже, – вмешалась Сюзанна. – Мы с ней вместе ездили в Англию изучать язык. Мне очень нравилась Маргарита, и я никак не могу поверить, что она совершила такое страшное преступление.

– Это в самом деле кажется невероятным, – заметил сэр Эндрью. – А вы, госпожа графиня, уверены в том, что именно Маргарита Сен-Жюст выдала маркиза де Сен-Сира? Зачем ей это? Быть может, здесь какая-нибудь ошибка?..

– Никакой ошибки не может быть, месье, – холодно отрезала графиня. – Брат Маргариты Сен-Жюст – известный республиканец. Между ним и моим кузеном де Сен-Сиром существует спор о фамильном поместье... Эти Сен-Жюсты совершенные плебеи, республиканскому правительству только такие и нужны. Уверяю вас, здесь не может быть никакой ошибки. Вы разве не знаете этой истории?

– Ах, мадам, я слышал множество всяких историй на эту тему, но у нас в Англии ни в какую из них не верят. Сэр Перси Блейкни, муж Маргариты, человек очень добропорядочный, занимает в свете высокое положение; он считается ближайшим другом принца Уэльского. А самой леди Блейкни принадлежит ведущая роль в лондонском обществе.

– Надеюсь, месье, наша жизнь в Англии будет спокойной. И все-таки я молю Бога, чтобы он избавил меня от встреч с Маргаритой Сен-Жюст, пока я нахожусь в вашей прекрасной стране.

Наступило неловкое молчание. Упало мокрое покрывало, как говорится в Англии. Сюзанна печально молчала. Сэр Эндрю крутил пальцами вилку, графиня нервно перебирала свои столовые принадлежности, прямо сидя на стуле с высокой спинкой, лорд Энтони, то и дело выразительно поглядывавший на Желлибенда, чувствовал себя совсем неуютно.

– Как скоро вы ожидаете сэра Перси и леди Блейкни? – ухитрился шепнуть он хозяину.

– С минуты на минуту, милорд, – прошепел в ответ ему

Джеллибенд.

И только он это сказал, как издали долетел до их слуха топот копыт. Он становился все громче и громче, и вот уже зазвенел по булыжнику за окном. А в следующий момент в зал ворвался конюший мальчик и на самой высокой ноте пропел:

– Сэр Перси Блейкни и миледи!

С шумом, звоном оружия и доспехов, грохотом копыт у входа в харчевню остановилась роскошная карета, запряженная четверкой гнедых коней.

Глава V

Маргарита

На мгновение в уютном дубовом зале харчевни воцарилась неловкая, мучительно-тяжелая пауза. Тотчас же после торжественного известия, принесенного мальчиком, лорд Энтони, чертыхаясь, соскочил со стула и в полном смущении стал давать какие-то указания бедному растерявшемуся Джеллибенду, который, казалось, и вовсе лишился ума.

– Дорогой мой, ради всего святого, – уговаривал его лорд, – постарайтесь удержать леди Блейкни разговором за дверью, хотя бы на несколько мгновений, пока дамы уйдут. Эх! – добавил он с гораздо большей выразительностью. – Как все это некстати.

– Быстрее, Салли, свечи! – закричал Джеллибенд, прыгая то назад, то вперед с одной ноги на другую, чем только лишь увеличивал всеобщую неловкость.

Графиня тоже поднялась, строгая и прямая, пытаясь скрыть возбуждение за еще большим хладнокровием, все время повторяя:

– Я не хочу ее видеть. Я не хочу ее видеть!

В это время возбуждение, вызванное приездом столь важных гостей, достигло снаружи своего апогея.

– Здравствуйте, сэр Перси! Здравствуйте, миледи! К вашим услугам, сэр Перси! – доносилось единым бесконечным

хором, сквозь который едва можно было различить причитания: – «Не забудьте бедного слепого! Помилосердствуйте!»

И вдруг сквозь весь этот хор прорвался ясный и нежный голос:

– Оставьте беднягу в покое. Покормите его за мой счет. – Голос был низким и музыкальным с приятным иностранным акцентом, особенно на согласных.

Все находящиеся в зале замолчали и насторожились. Салли со свечами стояла у противоположной двери, ведущей наверх, в спальни, графиня имела вид воплощенной ненависти, Сюзанна, смотревшая на дверь с тайной надеждой все же увидеть любимую школьную подругу, в любой момент была готова послушно отправиться за матерью.

Тут Желлибенд открыл дверь, все еще надеясь предотвратить нависшую в воздухе катастрофу, и все тот же музыкальный голос с веселым смехом и шутливым негодованием сказал:

– Брр! Я мокрая, как селедка. Боже! Да видел ли кто когда-нибудь такой отвратительный климат.

– Сюзанна, сейчас же ступай за мной. Я так хочу, – решительно сказала графиня.

– Ну мама, – попросила Сюзанна.

– Миледи... вы... я... хм. Миледи! – беспомощно бормотал Желлибенд, пытаясь загородить собой вход.

– Ради Бога, милейший, – сказала леди Блейкни нетерпеливо. – Что это вы встали у меня на пути, да еще пританцо-

ываετε, словно индюк на сковородке? Пропустите меня к огню, я умираю от холода.

И в следующий момент леди Блейкни, вежливо обойдя хозяина, вплыла в зал.

Сохранилось множество различных портретов и миниатюр Маргариты Сен-Жюст, тогда уже леди Блейкни, но все они бессильны в полной мере передать ее неповторимую красоту. Высокая, выше среднего роста, с царственной фигурой, она была настолько хороша, что даже графиня, перед тем как повернуться спиной, на мгновение замерла, невольно любясь столь необычным обликом.

Маргарите Блейкни было около двадцати пяти лет, и красота ее была в самом расцвете.

Большая шляпа с развевающимся плюмажем бросала мягкую тень на ее классическое лицо, обрамленное ореолом медно-золотистых волос, свободно ниспадающих на плечи; нежный, почти детский рот, прямой, правильной формы нос, круглый подбородок и изящная шея – вся она казалась ожившей картиной. Богатая одежда из голубого бархата подчеркивала каждую линию ее грациозной фигуры, рука с достоинством держала длинный стек, увитый огромным букетом лент, излюбленным украшением модниц тех лет.

Окинув комнату быстрым взглядом, она любезно кивнула сэру Эндрю Фоулксу и подала руку лорду Энтони.

– Хэлло, милорд Тони. А вы-то что делаете в Дувре? – весело спросила она и, не дожидаясь ответа, повернулась к

графине.

Увидев Сюзанну, она засияла от радости и протянула к ней руки:

— Как, Сюзанна?! Малышка моя, вы здесь? Как вы оказались в Англии, моя маленькая гражданка? И мадам тоже!

И без тени замешательства она подошла к ним Лорд Тони и сэр Эндрю с замирающим сердцем следили за происходящим. Хотя оба и были англичанами, им достаточно часто приходилось бывать во Франции, для того чтобы знать, как именно проявляет злобу и ненависть старое французское дворянство ко всем, кто чем-нибудь помогал Арману Сен-Жюсту, брату прекрасной леди Блейкни. Арман Сен-Жюст был ярым республиканцем, хотя мнения по этому поводу расходились. Тяжба за родовое поместье с древним семейством Сен-Сиров в это время была в самом разгаре, впоследствии же прекратилась совершенно, впрочем, истинное положение дел для большинства оставалось загадкой. Во Франции Сен-Жюст и его партия торжествовали, а здесь, в Англии, две изгнанницы, которым едва удалось спасти свои жизни, потерявшие все накопленные веками богатства, стояли лицом к лицу с прекраснейшей представительницей республиканской фамилии, низвергнувшей трон и лишившей корней аристократию, ведущую свою родословную из далеких туманных веков.

Она стояла перед ними во всем своем блеске, протягивая к ним руки, способная одним этим жестом восстановить

мост через все ужасы и кровь последних десяти лет.

– Сюзанна, я запрещаю тебе разговаривать с этой женщиной, – жестко сказала графиня.

Она сказала по-английски, чтобы поняли все: и джентльмены, и трактирщик, дочь которого просто окаменела от ужаса перед заморской наглостью, перед дерзостью по отношению к леди, англичанке, жене сэра Перси, да еще и подруге принцессы Уэльской! Что же касается лорда Энтони и сэра Эндрю Фоулкса, сердца их готовы были остановиться от страшного незаслуженного оскорбления, – один издал вопль отчаяния, другой густо покраснел, и оба с надеждой поглядывали на дверь, из-за которой доносился низкий, манерный, но приятный голос. И лишь Маргарита Блейкни и графиня де Турней оставались совершенно неподвижными, последняя стояла строго и прямо, положив свою руку на руку дочери, смотрела вызывающе и казалась воплощением бесконечной гордости. Лицо Маргариты стало на мгновение белым, как мягкий шарф, обвивавший ее шею, а очень пристрастный наблюдатель мог бы заметить, как сжалась и дрогнула ее рука, державшая высокий, увитый лентами стек. Но лишь на мгновение, – в следующий же миг она, удивленно подняв брови, язвительно улыбнулась и, посмотрев на графиню ясными голубыми глазами, с легким пожатием плеч достаточно живо сказала:

– Но, гражданка, с чего бы вдруг эти колкости?

– Мадам, мы в Англии, – холодно ответила графиня. – И

я вольна запретить своей дочери подать вам руку. Сюзанна, идем.

И, повернувшись спиной к дочери, она, не глядя больше на Маргариту Блейкни, присев в глубоком старомодном реверансе перед молодыми людьми, величественно выплыла из комнаты.

В старой харчевне воцарилась мертвая тишина до тех пор, пока не смолк шелест одежд графини. Маргарита стояла прямо, как статуя, тяжелым и строгим взглядом провожала удаляющуюся фигуру, но идущая следом дрожащая Сюзанна, послушно сопровождающая мать, вызвала в ее глазах почти нежную доброжелательность.

Сюзанна заметила этот взгляд, и ее детская добрая душа не выдержала: девушка бросилась к этой красивой женщине, которая была ей почти ровесницей; дочерняя почтительность уступила девической привязанности. Она быстро подбежала к Маргарите, горячо поцеловала ее и лишь после этого последовала за матерью. Отдав прощальный реверанс миледи, Салли с привлекательными ямочками на улыбающемся личике замкнула шествие.

Этот нежный и прекрасный порыв Сюзанны несколько разрядил возникшее напряжение; сэр Эндрю проводил взглядом ее хорошенькую маленькую фигурку, пока она окончательно не скрылась, и с застенчивой улыбкой перевел глаза на леди Блейкни.

Маргарита с изящной аффектацией послала вслед ушед-

шим дамам воздушный поцелуй, и на губах ее заиграла улыбка.

– Забавно, не правда ли? – сказала она весело. – А что, сэр Эндрю, приходилось ли вам встречать когда-нибудь столь неприятную особу? Надеюсь, я в старости не буду похожа на нее.

И, подобрав юбки, Маргарита величественно и важно подошла к очагу.

– Сюзанна! – сказала она, подражая голосу графини. – Я запрещаю тебе разговаривать с этой женщиной.

Прозвучавший в ответ смех был очень похож на издевку, однако вряд ли можно было заподозрить сэра Эндрю и лорда Энтони в неискренности. Подражание было настолько удачным, тон голоса настолько похожим, что оба молодых человека в полном восторге закричали: «Браво!»

– Ах, леди Блейкни, – добавил лорд Тони, – как должны были вас любить в «Комеди Франсез», и как должны они теперь ненавидеть сэра Перси за то, что он вас у них похитил.

– Бог с вами, дорогой, – ответила Маргарита, красиво пожав плечами. – Сэр Перси невозможно ненавидеть, его мудрые шутки могут очаровать кого угодно, даже госпожу графиню.

В этот момент молодой виконт, не поспешивший за матерью в ее благородном порыве, сделал шаг вперед, намереваясь оградить госпожу графиню от новых стрел леди Блейкни. Но только собрался он произнести первые слова протеста,

как раздался приятный, хотя и довольно глуповатый смех и в дверях появилась необыкновенно высокая и очень богато одетая фигура.

Глава VI

Шармант 92-го года

Сэру Перси Блейкни, как повествуют хроники того времени, в великом 1792 году было немногим более тридцати лет. Выше среднего роста, высокий даже для англичанина, широкоплечий, он выглядел бы совсем привлекательно, если бы не ленивое выражение глубоко посаженных синих глаз и постоянный глуповатый смех, совершенно искажавший его волевым, правильно очерченный рот.

Примерно годом ранее описываемых событий сэр Перси Блейкни, баронет, один из богатейших людей Англии, законодатель мод и близкий друг принца Уэльского, совершенно потряс все фешенебельное общество Лондона и Бата, вернувшись из очередного зарубежного турне с прекрасной, обаятельной и умной женой-француженкой. Он, сонный и скучный, самый британец из всех британцев, позевывая, отхватил хорошенькую женщину – матримониальный приз, на который, как все прекрасно знали, было немало претендентов.

Маргарита Сен-Жюст заявила о себе в артистических кругах Парижа именно в то время, когда там зарождалось самое грандиозное социальное преобразование из всех известных миру. Ей было тогда около восемнадцати лет. Богато одаренная красотой и талантом, покровительствуемая лишь

молодым братом, она быстро собрала вокруг себя в своих уютных апартаментах на улице Ришелье кружок, который был сколь блистательным, столь и исключительным. Маргарита Сен-Жюст по принципам и убеждениям была настоящей республиканкой. Ее девизом было «Все рождаются равными», неравенство же в ее глазах представлялось несчастной случайностью, и только неравенство таланта она признавала. «Деньги и титулы получают в наследство, – говаривала она, – а ум – от природы» Ее очаровательный салон предназначался для умных мужчин и талантливых женщин. Приобщиться к нему значило приобщиться к цвету цивилизации, который сконцентрировался в те страшные времена в Париже. Все это весьма способствовало и ее артистической карьере.

Умные люди, знаменитости или просто оригиналы составляли постоянное и блестящее окружение молодой обаятельной актрисы «Комеди Франсез», и в этом республиканском, революционном, кровавом Париже она была подобна сияющей комете со шлейфом, состоящим из всего самого выдающегося в интеллектуальной Европе.

Потом наступил кризис. Неожиданно в один прекрасный день, быть может, немного похожий на нынешний, Маргарита Сен-Жюст без всякого объявления, без свадебного контракта, без традиционного ужина и без прочих атрибутов модных французских свадеб вышла замуж за сэра Перси Блейкни. Некоторые с извиняющимися улыбками называ-

ли этот поступок артистической эксцентричностью, другие приписывали его мудрому предвидению, намекая на множество событий, обрушившихся в те дни на Париж мощным потоком.

Как неповоротливый скучный британец смог обратить на себя внимание в интеллектуальном окружении «умнейшей женщины Европы», так за глаза называли ее друзья, никто не знал. Многим хотелось разгадать тайну, но золотой ключик от этой дверцы никому так и не удалось найти. Как бы там ни было, она вышла за него замуж, «умнейшая женщина Европы» вручила свою судьбу «проклятому идиоту Блейкни». Идею о том, что она вышла замуж за дурака ради светских удовольствий, которые он мог ей предоставить, ее друзья из наиболее посвященных подняли на смех. То, что Маргарита Сен-Жюст никогда не заботилась о деньгах и тем более о титулах, – они знали доподлинно. Кроме того, было немало других космополитов, если и не столь богатых, как Блейкни, однако не менее благородного происхождения. Они, в свою очередь, были бы счастливы оказаться ее избранниками.

Что же касается сэра Перси, то все единодушно решили он совершенно не годится для той роли, которую на себя взвалил. В его пользу говорили лишь слепое обожание Маргариты, огромное богатство и высокое положение, занимаемое при английском дворе. В лондонском свете считали, принимая во внимание его весьма ограниченные умственные способности, что он поступил очень мудро, предоставив полное

право умной жене распоряжаться своими богатствами.

Сэр Перси, хотя и считался видной фигурой в фешенебельном английском обществе, большую часть своей молодости провел за границей Его отец, сэр Эджернон Блейкни, в жизни был очень несчастлив молодая боготворимая им жена через два года счастливого замужества безнадежно лишилась рассудка вскоре после рождения Перси. Болезнь эта, считавшаяся неизлечимой, доставила всей семье множество страданий. Сэр Эджернон вывез помешанную жену и сына за границу, где Перси и получил образование, воспитываемый имбецильной матерью и совершенно сломленным отцом, пока не получил свой майорат. Смерть родителей, умерших едва ли не одновременно, предоставила ему полную свободу, а кроме того, поскольку сэр Эджернон вел очень скромную и умеренную жизнь, выросшее в десятки раз состояние.

Сэр Перси Блейкни скитался по заграницам достаточно долго, пока не привез наконец домой молодую очаровательную жену. Аристократическим кругам того времени ничто не помешало принять обоих с распростертыми объятиями, поскольку он был очень богат, а жена его полностью соответствовала идеалу женщины того времени. Да и принц Уэльский принял в судьбе четы весьма живое участие, и через полгода Блейкни стали законодателями мод. О костюмах сэра Перси говорили, его глупости передавались из уст в уста, дурацкому смеху подражала золотая молодежь Альмака и

Пэлл-Мэлла. Каждый знал, что Перси беспросветно туп, но этим даже восхищались, памятуя о том, что в роду Блейкни умных никогда не было, а мать его и вовсе умерла сумасшедшей.

Таким образом, общество приняло его, ласкало, лелеяло, любило. Лошади его считались лучшими в стране, а нелепости и вина – самыми изысканными. Что же касается его брака с «умнейшей женщиной Европы», дело обстояло и совсем замечательно – все с каждым днем находили в этом все новые и новые преимущества. И вообще, с тех пор как сэр Перси вступил в права собственности, все за него только радовались. Многие состоятельные молодые леди Англии, высокогородные и недурной наружности, очень бы хотели помочь ему распорядиться богатствами, хотя и понимающе улыбались на его глупости и добродушные дурачества. Казалось, сэр Перси был вполне всем доволен; он гордился умной женой, лишь немного беспокоясь о том, что она даже никогда и не пыталась скрыть то добродушное презрение к нему, которое ясно читалось в ее глазах. И хотя Маргарита частенько позволяла себе колкие шутки по поводу его внешности, он был все же достаточно туп, чтобы заметить ее насмешливое отношение к себе. Однако если супружеская жизнь сэра Перси никак не влияла на его надежды и собачью преданность, то в обществе, напротив, ничем не интересовались более, чем этой загадкой. В своем прекрасном ричмондском доме он был на вторых ролях, но тем не менее непередава-

емо изыщен. Он одаривал жену различными драгоценностями, которые она принимала с очаровательной грацией, наслаждаясь гостеприимством его великолепных покоев с той же легкостью, с какой когда-то приветствовала интеллектуалов в Париже.

Сэр Перси был очень красивым мужчиной, правда, его несколько портил ленивый и наводящий скуку взгляд. Он всегда безукоризненно одевался с отличным вкусом английского джентльмена, предпочитая крайне экстравагантные фасоны, которые тут же перенимала вся Европа. И в этот необычный сентябрьский вечер, несмотря на долгое путешествие по побережью, дождь и грязь, пальто сэра Перси великолепно сидело на широких плечах, женственные руки казались мраморно-белыми в обрамлении лучших мекленских кружев³, оригинально приталенный сюртук, жилет с широкими отворотами и туго натянутые бриджи со штрипками так замечательно сидели на огромной фигуре, что его можно было принять за самого лучшего представителя британской породы, однако дурацкие словечки, манерные движения и постоянный идиотский смех не только сразу портили впечатление, но и совсем меняли его на обратное.

Сэр Перси ввалился в старомодный зал харчевни, стряхивая морось со своего прекрасного пальто, вставил в томный синий глаз оправленный в золото монокль и оглядел смущенно замолкшую компанию.

³ Брабантские кружева.

– Как дела, Тони? Как дела, Фоулкс? – спросил он, пожимая руки молодым людям. – Ну и ну, ребята, – добавил он, тягуче зевая, – приходилось ли вам когда-нибудь видеть столь скотский денек? Вот чертов климат!

С тихим саркастическим смешком Маргарита оглядела своего мужа, в ее глазах поблескивали игривые искорки.

– О-ля-ля! – протянул сэр Перси после некоторого молчания, не дождавшись никакой реакции на свои слова. – Какой у всех вас глупый вид! Что-то случилось?

– О, нет, ничего, сэр Перси, – ответила Маргарита весело, но достаточно агрессивно. – Ничего, что могло бы вас расстроить, всего лишь оскорбили вашу жену.

И она засмеялась, пытаясь хоть немного смягчить эффект этого сообщения. Против всех ожиданий, ей это вполне удалось – он кротко ответил:

– Ну, дорогая, не надо так говорить. Бо'ра'. И кто же такой крутой решил тебя обидеть?

Едва лорд Тони собрался было что-то ему объяснить, как вперед выступил молодой виконт.

– Месье, – сказал он, изящно поклонился и продолжил свой маленький спич на ломаном английском: – мадам, которая, как я вижу, является ваша жена, оскорблена моей матерью графиней де Турней де Бассерив. Я не собираюсь просить извинения за нее, ибо считаю, что она все сделала правильно. Но я готов предложить вам обычное удовлетворение, принятое между людьми чести.

Молодой человек, вытянув в струну свою худенькую фигуру, смотрел гордо и пылко: все-таки за его плечами было на шесть дворянских поколений больше, чем у сэра Перси, баронета.

– О, Господи, сэр Эндрью, – заразительно засмеялась Маргарита. – Посмотрите-ка на эту великолепную парочку – английский индюк и французский цыпленок!

Она попала в самую точку; английский индюк стоял, глядя совершенно растерянно вниз на угрожающе бегающего вокруг изящного французского цыпленка.

– Ну, сэр, – сказал наконец Перси, вставив монокль и разглядывая молодого француза с нескрываемым удивлением. – Где это вас, кукушкина мать, учили английскому?

– Месье, – ответил виконт, несколько устыдившись нелепости своих боевых выпадов. – Я протестую.

– Это дивно, – невозмутимо продолжал сэр Перси. – Чертовски дивно. Как думаешь, Тони, а? Клянусь, мне на французском так не сказать. А? Что?

– А я клянусь, – добавила Маргарита, – что у сэра Перси такой британский акцент, что его даже нож не возьмет.

– Месье, – упорствовал виконт на еще более ломаном английском, – я вижу, вы меня не поняли, я предложил вам единственно возможное удовлетворение для джентльменов.

– Ну, что за дьявол, – мягко усмехнулся сэр Перси.

– Моя шпага, месье, – не отступал виконт, все еще немного смущаясь, но уже начиная терять терпение.

– Вы спортсмен, лорд Тони, – продолжала веселиться Маргарита. – Ставлю десять против одного на цыпленка.

Сэр Перси, посмотрев сквозь приспущенные веки своим сонным ленивым взглядом, еще раз зевнул, потянулся и отвернулся от виконта.

– Господь с вами, сэр, – промурлыкал он добродушно. – Черт возьми, вот проклятье! Зачем мне ваша шпага, юноша?

Что подумал и почувствовал виконт, униженный до последней степени этим длинноногим англичанином, остается только догадываться... Какие мысли пронеслись в его голове, какие слова, – неизвестно; все это было вложено в одну яростную фразу:

– Дуэль, месье!

Блейкни вновь повернулся и с высоты своего огромного роста посмотрел на стоящего перед ним холеричного человечка, ни на мгновение не потеряв невозмутимого добродушия, затем засмеялся приятным глуповатым смехом, засунул гибкие длинные руки в глубокие карманы пальто и лениво пробормотал:

– Дуэль? Что хотите вы этим сказать? Вот,дохлая рыба,какой кровожадный молодой забияка! Вы что, хотите продырявить человека, уважающего законы? Что касается меня, сэр, я никогда не дерусь на дуэлях. – И, проговорив это, он сел и вальяжно вытянул перед виконтом свои длинные ноги. – Чертовски неприятная вещь – дуэль, не правда ли, Тони?

Виконт смутно припомнил, что мода на дуэли между джентльменами в Англии жестоко подавлялась законом, но его понятия о чести и храбрости основывались на вековых традициях, и дуэль для него выглядела едва ли не буднично. В полном замешательстве он пытался сообразить, вклепить ли этому длинноногому англичанину пощечину, обвинив в трусости, или же в присутствии леди это будет недостойно джентльмена.

Но тут удачно вмешалась Маргарита.

– Прошу вас, лорд Тони, – сказала она учтивым, нежным и сладкозвучным голосом. – Сыграйте роль миротворца. Ребенок пылает гневом и, – добавила она с сарказмом, – может действительно оскорбить сэра Перси. – Затем она весело засмеялась, что никак не нарушило кроткой невозмутимости ее мужа. – Мой британский индюк и так злится на каждый новый день в календаре – не знаю, как он еще держится!

Тут Блейкни, как всегда, добродушно присоединился к смеху.

– Чертовски остроумно, а, не правда ли? – заметил он, вежливо обращаясь к виконту. – Моя жена – умная женщина, сэр. Если вы поживете в Англии подольше, вы оцените это.

– Сэр Перси прав, виконт, – вмешался лорд Энтони, дружески положив на его плечо руку. – Вам будет трудно жить здесь, если вы начнете карьеру с провокации сэра Перси на дуэль.

Виконт на мгновение замялся, потом медленно повел плечами, размышляя о странном понятии чести в этом туманном государстве, и сказал печально.

– Ну, что ж, хорошо. Если месье доволен, у меня нет претензий Милорд, – добавил он, обращаясь к лорду Тони, – вы наш избавитель, и, если я был не прав, я удаляюсь.

– О да, – присоединился Блейкни со вздохом удовлетворения. – Катись отсюда, проклятый щенок, – добавил он негромко. – Фоулкс, если это и есть лучший представитель, которого ваши друзья притащили из Франции, то мой вам совет – утопите его в Канале, дружочек. Или я попрошу об этом старика Питта. Да не забудьте перечеркнуть ему визу и спрячьте подальше вашу выручку.

– Ай, сэр Перси, вас подводит ваше рыцарское достоинство; вы разве забыли, что сами однажды привезли кое-что из Франции, – кокетливо вмешалась Маргарита.

Блейкни медленно встал и, сделав глубокий поклон, галантно заявил:

– Мадам, я взял лучшее, что имелось на рынке, так что мой вкус безупречен.

– Да, намного более безупречен, чем ваши понятия о чести, – саркастически возразила она.

– Клянусь жизнью, дорогая, будь умницей! Или ты думаешь, что я буду подставлять себя всякому лягушатнику, которому не понравилась форма твоего носа?

– Боже, сэр Перси! – засмеялась Маргарита, присев перед

ним в быстром кокетливом реверансе. – Этого можете не бояться. Он не из тех, кому не нравится форма моего носа.

– Проклятье! Мадам, вы сомневаетесь в моей храбрости? Я просто не люблю пустого звона. На днях я так наградил кулаками Рыжего Сэма, что он не забудет этого до конца своих дней, если только...

– Ах, оставьте, сэр Перси, – расхохоталась Маргарита. – О, я представляю себе, как это было! Ха-ха-ха! Вы, наверное, были прелестны. Ха-ха-ха!. И... после этого испугаться французского мальчишки? Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! – добродушно вторил сэр Перси. – Ах, мадам, ну, мадам, вы мне льстите. Черт! Фоулкс! Обрати внимание, я рассмешил мою жену, я рассмешил «умнейшую женщину Европы»! Клянусь рыбой, мы должны выпить по этому поводу! – И он грохнул кулаком по столу.

– Эй! Джелли! Скорее! Сюда!

Гармония была вновь восстановлена. Мистер Джеллибенд наконец-то получил возможность вознаградить себя за все выпавшие на его долю в последние полчаса переживания.

– Бутылку пунша, Джелли, погорячей и покрепче, а?! – крикнул сэр Перси. – Шутка, рассмешившая «умнейшую женщину», непременно должна быть обмыта! Ха-ха-ха! Скорее, мой милый Джелли!

– У нас нет времени, сэр Перси, – прервала его Маргарита. – Шкипер придет с минуты на минуту, и мой брат должен будет взойти на борт, иначе «Полуденный сон» упустит

прилив.

– Время, дорогая! У любого джентльмена всегда найдется время, чтобы выпить – и успеть взойти на борт.

– Миледи, – важно добавил Джеллибенд. – Насколько я знаю, молодой человек вместе со шкипером сэра Перси в данный момент идут сюда.

– Отлично! – сказал Блейкни. – Арман сможет присоединиться к нашим веселым стаканчикам. Подумай-ка, Тони, – продолжал он, обращаясь к виконту, – а не присоединится ли к нам и этот дурачок? Скажи ему, что мы выпьем в знак примирения.

– Компания и в самом деле очень веселая, – сказала Маргарита, – но, надеюсь, мне простят, если я уйду попрощаться с братом в другую комнату.

Протест был слабым, поскольку и лорд Энтони, и сэр Эндрю прекрасно понимали, что леди Блейкни не может в такой момент оставаться с ними. Ее любовь к брату, Арману Сен-Жюсту, была очень глубокой. Он провел с ней, в ее английском доме, несколько недель и теперь отправлялся на родину, где смерть была в ту пору единственной наградой за благочестие.

Сэр Перси также не предпринимал попыток удержать жену С отточенной и несколько манерной галантностью, характерной для всех его движений, он открыл дверь и склонился перед ней в самом уважительном поклоне, какой только могла предложить мода того времени. Она вышла из комна-

ты, удостоив его лишь мимолетным взглядом. И только сэр Эндрью Фоулкс, ставший после встречи с Сюзанной более наблюдательным, заметил, с какой бесконечной и безнадежной страстью смотрел сэр Перси вслед своей уходящей блистательной жене.

Глава VII

Тайные сады

Покинув шумный зал харчевни и оставшись одна в полутемном коридоре, Маргарита Блейкни облегченно вздохнула. Этим глубоким вздохом она словно сбросила тяжелый груз постоянного самоконтроля, и по щекам ее скатилось несколько слезинок.

Дождь закончился, и сквозь мягко бегущие тучи вновь засияли бледные лучи солнца, освещая красивый берег Кента и небольшие убогие домишки, теснящиеся вокруг Адмиралтейского мола Маргарита направилась к порту. Там, на фоне поминутно меняющегося неба, вырисовывался грациозный силуэт шхуны с поднятыми белыми парусами, весело трепещущими на ветру. Это был «Полуденный сон» – яхта сэра Перси Блейкни, готовая вернуть Армана Сен-Жюста во Францию, в самое пекло кровавой кипящей революции, свергнувшей монархию, напавшей на религию, развалившей общество в безумной надежде осуществить очередную утопию, о которой мечтало столько поколений, но которую никто так и не смог осуществить.

Вдали показались две фигуры, идущие в сторону «Отдыха рыбака». Один – уже достаточно немолодой, с забавной бахромой седых волос вокруг обширной лысины и со смешной, вперевалочку, походкой, которая всегда выдает моря-

ков; другой – осанистый, одетый скромно, но опрятно, в промокшем плаще, чисто выбритый, с темными волосами, красиво зачесанными над высоким благородным лбом.

– Арман! – крикнула Маргарита, едва увидев их, и на лице ее сквозь слезы засветилась счастливая улыбка.

Минутой позже сестра и брат упали друг другу в объятия, а старый шкипер деликатно остался стоять в стороне.

– Сколько у нас времени, Бриггс, – спросила леди Блейкни, – до того как месье Сен-Жюст должен будет взойти на борт?

– До того как мы должны будем поднять якорь, осталось менее получаса, ваша честь, – ответил старик, тряхнув своей небогатой шевелюрой.

Маргарита взяла брата за руку и повела его к скалам.

– Полчаса, – сказала она, задумчиво посмотрев на море, – еще полчаса, и ты будешь далеко от меня, Арман! О, мне все еще никак не верится, что ты уезжаешь! Эти несколько последних дней, пока Перси отсутствовал и мы были только вдвоем, пролетели, как сон.

– Я же не навсегда уезжаю, родная, – ласково ответил ей молодой человек. – Всего лишь пересечь узкий Канал и несколько миль по дороге... Я скоро вернусь.

– Да, да, это не расстояние, Арман... но этот Париж, особенно страшный сейчас...

Они достигли края скалы. Мягкий бриз играл волосами Маргариты, белыми змеями развевался по плечам ее белый

шарф. Как хотелось ей там, далеко, увидеть берег Франции, безжалостной и жестокой Франции, упивающейся кровавыми жертвами – страшной данью, которую ей платили лучшие из сынов.

– И это наша родная и прекрасная страна, – вздохнул Сен-Жюст, будто угадав ее мысли.

– Но они слишком далеко зашли, Арман, – ответила Маргарита запальчиво. – Мы с тобой республиканцы. Одинаково мыслим, одинаково горим свободой и равенством, но даже ты должен понимать, что они зашли слишком далеко.

– Тише, – прервал Арман, инстинктивно оглядываясь.

– Вот видишь, ты боишься говорить, даже думать об этих вещах. И это здесь, в Англии. – И она неожиданно прижалась к нему с сильной, почти материнской страстью. – Останься, Арман, – попросила она. – Не уезжай. Что я буду делать, если... если... если. – Голос ее захлебнулся в слезах, а глаза, горячие и любящие, нежно смотрели на молодого человека, остававшегося спокойным.

– Как бы там ни было, ты всегда останешься моей бесстрашной сестренкой, – мягко сказал он, – и никогда не забудешь если Франция в опасности, отворачиваться от нее – недостойно.

Едва он заговорил, как вновь к ней вернулась улыбка, детская и нежная и, благодаря непросохшим еще слезам, в высшей степени патетическая.

– О, Арман, – сказала она ласково, – иногда мне вдруг

хочется, чтобы ты был не столь доблестным... Я прекрасно знаю, что твои шалости далеко не безобидны. Но ты будешь благоразумен? – добавила она серьезно.

– Насколько возможно... Я обещаю тебе...

– Помни, милый, кроме тебя, больше, больше некому обо мне позаботиться.

– Но, родная моя, у тебя же теперь другая жизнь, у тебя есть Перси.

Ее тихий ответ сопровождал странный задумчивый взгляд:

– Да... было. Когда-то.

– Но ведь он...

– О да, да, милый, не думай об этом, не расстраивай себя, Перси очень хороший.

– Нет, я не могу не думать, не расстраиваться из-за тебя, Марго, – энергично прервал Арман. – Послушай, дорогая моя, я раньше не говорил с тобой об этом, что-то меня всегда останавливало, но я чувствую, что теперь не могу уехать, не задав тебе одного вопроса. Ты можешь не отвечать, если не хочешь, – добавил он, уловив странный, почти стыдливый взгляд, промелькнувший в ее глазах.

– Что? – просто спросила она.

– Знает ли сэр Перси Блейкни, что... Я имею в виду ту роль, которую ты сыграла в аресте маркиза де Сен-Сира?

Она засмеялась безрадостным, злым и оскорбительным смехом, прозвучавшим фальшиво в музыкальной партии ее

голоса.

– То, что я выдала маркиза де Сен-Сира трибуналу и без лишних слов отправила его и все его семейство на гильотину? Да, знает. Я сказала ему после свадьбы.

– А ты рассказала ему все обстоятельства, снимающие с тебя всякую вину?

– Говорить про обстоятельства было уже поздно. Ему все рассказали другие, я со своими признаниями опоздала. Я не могла начинать оправдываться, я не была бы самой собой, пытаюсь...

– И?

– И теперь вполне счастлива, сознавая, что первый дурак Англии совершенно презирает свою жену.

Она сказала это с такой запальчивой злобой, что Арман Сен-Жюст, очень любивший сестру, почувствовал, как затронул свежую, еще ноющую рану.

– Но сэр Перси любит тебя, Марго, – осторожно напомнил он.

– Любит? Меня? Да, Арман, когда-то я тоже так считала, иначе не вышла бы за него. Я думаю, – добавила она медленно, – я думаю, что даже ты, не говоря уже о других, даже ты считаешь, что я вышла за сэра Перси из-за богатства. Но, уверяю тебя, дорогой, это было совсем не так. Мне казалось, он с неистовой страстью обожает меня. Я никогда никого не любила прежде, ты знаешь, а мне было уже двадцать четыре. Я думала, что любовь вообще не для меня. Но все-таки мне

казалось, что, когда тебя любят слепо, страстно и безоглядно, — это должно быть божественно... И сам факт его тупости и медлительности вселял в меня надежду на то, что он всегда меня будет так любить. Умному мужчине необходимы новые интересы, честолюбивому — новые надежды, а дурак, мне казалось, будет меня обожать, ни о чем другом не думая. Я была в состоянии ответить ему, я позволила обожать себя, став бесконечно нежной в ответ... — Маргарита глубоко вздохнула, и в этом вздохе отразился целый мир рухнувших надежд.

Арман Сен-Жюст слушал ее, не прерывая, и в мыслях его воцарился хаос. Было больно видеть эту молодую женщину, совсем еще юную, которая, стоя лишь на пороге жизни, уже потеряла надежду, иллюзии, те золотые фантастические сны, что должны были сделать ее молодость одним бесконечным и длинным праздником. Арман, поскольку очень любил свою сестру, конечно же понял, что осталось невысказанным Маргаритой, что спряталось у нее внутри. Несмотря на то, что сэр Перси Блейкни был скучен умом, в неповоротливом мире его мыслей таилась «комната» с бесконечной глубокой гордостью за длинную родословную безупречных английских предков. Один из них умер на Босвортском поле, другой посвятил свою жизнь спасению изменников Стюартов. И эта глупая неискоренимая гордость, предрассудок, как называл ее республиканец Арман, наверняка была оскорблена такой предысторией леди Блейкни. Она была молода,

неопытна, ее ввели в заблуждение, у нее, увы, были плохие советчики. Арман это знал, как знали и те, кто был с ней близок в дни молодости, в часы откровений. Но тугодуму Блейкни не было никакого дела до обстоятельств, он верил лишь фактам, а факты говорили одно, леди Блейкни выдавала дворянина, а этого простить невозможно. И презрение, вызванное в нем этим деянием, пусть даже и неосознанным, убило главное чувство.

В жизни и любви бывают такие невероятные повороты, что сейчас даже собственная сестра его удивила. Как же так случилось, что, по мере угасания любви мужа, сердце жены возрождалось для настоящего чувства. Как странны крайности в любви: женщина, имевшая у своих ног половину интеллектуальной Европы, ушла к дураку.

Маргарита спокойно смотрела на закат. Арман не мог видеть ее лица, но ему показалось, что из ее глаз падает что-то сверкающее в золотых вечерних лучах прямо на кружева белоснежного шарфа. Однако он не стал говорить ей об этом. Ее странная и страстная натура была ему хорошо известна, и он видел, что силы сестры на исходе.

Они всегда были вместе, поскольку родители умерли и оставили на него, тогда уже взрослого, совсем еще маленькую Маргариту. Он восемь лет нянчился с ней, берег до самого замужества, в те замечательные годы на улице Ришелье, и вот теперь видел ее в новой жизни, здесь, в Англии, печальной и полной каких-то неясных предчувствий.

Это был его первый визит в Англию после замужества сестры. Всего лишь несколько месяцев разлуки, казалось, возвели между ними пока еще тоненькую, но стену, с обеих сторон которой любовь была все так же сильна, но каждый уже имел глубоко внутри свой тайный сад, закрытый для всех.

О многом не мог Арман Сен-Жюст рассказать сестре. Политическая ситуация в Париже менялась почти ежедневно, и вряд ли она поняла бы все те перемены в его симпатиях и взглядах, не поняла бы она и того, как прежние их дружба своей неумеренностью лишь усиливали террор и ужасы. Маргарита же не могла поведать ему все скрытое в своем сердце. Многого она не могла понять и сама, ибо, утопая в роскоши, чувствовала себя совершенно одинокой и несчастной.

И вот Арман уезжает. Ей страшно за его жизнь, и она оттягивает отъезд. Ей не хочется в эти последние сладко-горестные минуты говорить о себе. Маргарита ласково ведет его назад по скалам, они спускаются и идут по берегу, держась за руки; многое, еще не успевшее спрятаться в тайных садах, им надо сказать друг другу.

Глава VIII

Доверенный представитель

День медленно катился к закату, и зеленое кентское побережье окутывал туман долгого зябкого английского вечера.

«Полуденный сон» еще не скрылся из вида, Маргарита Блейкни стояла одна на скале уже более часа, провожая взглядом эти белые паруса, бесшумно уносившие от нее единственного, кто о ней заботился, кого она любила и кому, она знала, можно верить.

Недалеко слева от нее уже поблескивали в наползающих сумерках огни «Отдыха рыбака». Ее обнаженные нервы, казалось, ощущали доносившиеся оттуда звуки веселья и постоянный бесчувственный смех ее мужа, который всегда так терзал ее чувствительные уши.

У сэра Перси иногда хватало такта оставлять ее одну. Ей казалось, что его добродушная тупость способна понять, что ей сейчас, пока не исчезнут в туманной дали эти белые паруса, так надо побыть одной... Он, чьи понятия о приличиях и пунктуальности были столь обостренными, никогда не досаждал своим спутникам. Маргарита была ему за это благодарна, она всегда старалась быть благодарной мужу за отсутствие у него лишних мыслей, за всю ту учтивость, которая была воистину бесконечной, и даже пыталась порой прогнать свои саркастические и злые мысли о нем, которые по-

стоянно толкали ее на жестокие и оскорбительные слова в смутной надежде задеть его, даже ранить.

Да, частенько ей хотелось ранить его, заставить почувствовать, что и она его презирает, что она тоже забыла о своей любви к нему. Любить этого глупого фата! Чьи мысли, казалось, совсем не способны подняться выше узла на галстуке или новых фасонов пальто. Ба! К тому же. Неясные воспоминания, такие сладкие и горячие, навеянные этим мягким и летним вечером, на невидимых крыльях легкого эфира мягко перенесли ее в те недавние времена, когда он так обожал ее. Он казался ей тогда столь послушным, почти рабом, и в этом была такая скрытая сила любви, что она была очарована.

И вдруг эта любовь, эта рабская покорность, которая выглядела настоящей собачьей преданностью, казалось, навсегда исчезла. Через двадцать четыре часа после простой и скромной церемонии в старой церкви Святого Роха она рассказала ему о том, как однажды по неосторожности упомянула о некоторых обстоятельствах, связанных с маркизом де Сен-Сиром, кое-кому из своих друзей, а те использовали информацию против несчастного, послав маркиза со всей семьей на гильотину.

Она ненавидела маркиза. Несколько лет назад ее брат Арман любил Анджелу де Сен-Сир, но Сен-Жюст был плебей, а маркиз полон гордости и высокомерных кастовых предрасудков. Однажды Арман, почтительный и нежный влюблен-

ный, решил послать небольшую поэмку, полную страсти и пылкости, идолу своих грез. И в следующую же ночь он был подло избит и выкинут из Парижа слугами маркиза де Сен-Сира, как последняя собака, не имеющая права на жизнь лишь за то, что осмелился посмотреть на дочь аристократа. Для тех дней, за пару лет до французской революции, это был самый обычный случай, подобные инциденты впоследствии обернулись кровавой расплатой, привели большинство спесивых голов на гильотину. Маргарита все это помнила: и как страдало человеческое достоинство ее брата, и как была уязвлена его гордость, а что довелось пережить ей самой, она никогда даже не пыталась анализировать.

Затем пришел день возмездия. Сен-Сир и ему подобные попались в руки тем, кого они так презирали. Арман и Маргарита, оба интеллектуальные и мыслящие натуры, увлеклись энтузиазмом утопических доктрин революции, в то время как маркиз де Сен-Сир и его семья боролись шаг за шагом за восстановление своих привилегий, которые ставили их социально выше всех прочих. Маргарите, такой импульсивной и горячей, говорящей всегда открыто и без оглядки, все еще страдающей от смертельного оскорбления, нанесенного ее брату маркизом, довелось услышать однажды в своей комнате, что Сен-Сир состоит в преступной переписке с Австрией, в надежде склонить императора на поддержку сил, подавляющих революцию.

И нескольких неосторожных слов Маргариты оказалось

достаточно для того, чтобы через двадцать четыре часа Сен-Сир был арестован. Его бумаги осмотрели, письма от австрийского императора с обещаниями послать войска против парижского населения нашли в столе. Сен-Сир был обвинен в преступлении против народа и гильотинирован, та же участь постигла его семью – сына и жену.

Маргарита, напуганная столь ужасными последствиями своей неосторожности, была уже бессильна спасти маркиза. Ее друзья, лидеры революционного движения, все они прославляли ее как героиню. И когда она выходила замуж за сэра Перси, она, скорее всего, и не предполагала, как он посмотрит на столь неосмотрительный поступок, до сих пор тяжелым камнем лежащий на ее душе. Она полностью призналась в этом своему мужу, уверенная в его слепой любви, в своей безграничной власти над ним.

Поначалу он это воспринял и в самом деле спокойно. Очень медленно в нем росло понимание услышанного. Однозначно лишь то, что после этого она уже не видела даже отблеска той любви, которой она так поверила, которой она отдалась. Теперь они держались обособленно; было похоже, что сэр Перси перестал любить ее, как перестают носить плохо сидящие перчатки. Она пыталась расшевелить его скудный скучающий интеллект уколами всегда готовых острот, хотя бы разбудить в нем ревность, если не удалось разбудить любовь, пыталась зацепить его честолюбие, но все напрасно. Он оставался всегда таким же пассивным, ленивым и сон-

ным, но всегда и в любом случае – джентльменом. У нее было все, что может дать этот мир и богатый муж хорошенькой женщине, но тем не менее в этот прекрасный летний вечер, скрывший за сумерками белые паруса «Полуденного сна», она почувствовала себя еще более несчастной и одинокой, чем бедный путник, с трудом преодолевающий свой безрадостный путь по каменистой пустыне.

Вновь тяжело вздохнув, Маргарита повернулась спиной к морю и медленно пошла обратно в «Отдых рыбака» Чем ближе она подходила, тем все громче и различимее становились звуки кутежа, смех и веселые выкрики Она узнала приятный голос Эндрю Фоулкса, бурный хохот лорда Тони, медленные и не совсем удачные комментарии ее мужа. Глядя на пустынную дорогу и быстро сгущающуюся вокруг тьму, она ускорила шаги, но в следующий момент вдруг увидела незнакомца, неторопливо идущего ей навстречу. Маргарита не посмотрела на него, нервы у нее были крепкие, да и до «Отдыха рыбака» – рукой подать. Незнакомец остановился, глядя на женщину, и в тот момент, когда она уже готова была пройти мимо, спокойно сказал:

– Гражданка Сен-Жюст.

Маргарита удивленно вскрикнула, услышав свою девичью фамилию, столь дорогую для нее. Затем, посмотрев на незнакомца, с непритворной радостью протянула ему навстречу руки.

– Шовелен! – воскликнула она.

– Собственной персоной, гражданка, и к вашим услугам, – ответил незнакомец, галантно целуя кончики ее пальцев.

Маргарита несколько мгновений молчала, с явной радостью разглядывая стоящую перед ней невзрачную фигуру. Шовелену было уже под сорок; умное, проницательное лицо с забавным лисьим выражением глубоких, казавшихся вдавленными внутрь глаз. Это был тот самый незнакомец, который пару часов назад предложил Джеллибенду присоединиться к его дружескому стакану вина.

– Шовелен, друг мой, – сказала с коротким довольным вздохом Маргарита. – Я очень рада вас видеть.

Совершенно естественно, что бедная Маргарита Сен-Жюст, одинокая среди окружающего великолепия и чопорности, была рада увидеть лицо, возвращающее ее мысленно в те счастливые времена, когда она, королева, царила в Париже в кругу умнейших людей на улице Ришелье. Она совсем не заметила некоторой саркастической усмешки, тронувшей тонкие губы Шовелена.

– Но скажите же, – добавила она весело, – каким ветром вас занесло сюда, в Англию?

Поскольку Маргарита шла не спеша к харчевне, Шовелен повернулся и пошел с ней рядом.

– Я должен вернуть вам изысканный комплимент, прекрасная леди. А вы что здесь делаете?

– Я? – сказала она, пожимая плечами. – Je m'en nuie, mon

ami⁴, вот и все.

Они подошли к харчевне, но Маргарите совсем не хотелось заходить в нее. Вечерний воздух после шторма был так приятен, и рядом был друг, еще дышавший Парижем, хорошо знавший Армана, с кем можно было поговорить о тех веселых блестящих людях, которых она оставила. И она задержалась у входа в харчевню, сквозь празднично освещенные окна которой доносились звуки смеха, крики: «Салли! Пива!» Стук пивных кружек, клацанье костей – все это перемешивалось с глупым и безотрадным смехом сэра Перси. Шовелен стоял рядом с ней, его проницательные водянистые глаза не отрывались от ее хорошенького лица, нежного и детского в мягком освещении летнего английского вечера.

– Вы удивляете меня, гражданка, – сказал он, беря понюшку табаку.

– Неужели? – ответила она весело. – Но, маленький мой Шовелен, вы так проницательны.

Я думала, вы давно уже догадались, что атмосфера, состоящая из туманов и добродетелей, существует не для Маргариты Сен-Жюст.

– Дорогая моя, разве одно не лучше другого? – спросил он с насмешливым удивлением.

– Одно стоит другого. И даже хуже, – сказала она.

– Странно. А мне всегда казалось, что для хорошенькой женщины жизнь в Англии особенно привлекательна.

⁴ Скучаю, мой друг (фр.).

– Да, мне тоже, – вздохнула она и добавила задумчиво: – Хорошенькой женщине позволено здесь хорошо проводить время с тех пор, как все приятное запрещено. Все, все что они делали ежедневно.

– В самом деле?

– Вам трудно в это поверить, мой маленький Шовелен, – серьезно сказала Маргарита. – Но частенько бывает, что целыми днями, целыми днями ничто не прельщает меня.

– А стоит ли удивляться тому, что умнейшая женщина Европы страдает от скуки? – галантно ответил Шовелен.

Она рассмеялась мелодичным детским смехом.

– И эта скука должна быть такой превосходной дрянью, иначе я вряд ли была бы рада встретить вас, – сказала она игриво.

– И это тогда, когда не прошло и года после заключения столь романтической партии.

– Да... года после заключения романтической партии... В этом-то вся и трудность.

– А, это идиллическая глупость, – откровенно саркастически сказал Шовелен. – Зачем жалеть о прошедших днях?

– Идиллические глупости недолговечны, мой маленький Шовелен... Они налетают на нас, как корь, и столь же просто вылечиваются.

Шовелен взял еще одну понюшку табака. По-видимому, он был очень привержен этой пагубной привычке, так распространенной в те дни. Или же просто пытался скрыть свой

быстрый и проницательный взгляд, проникавший в души тех, с кем ему приходилось общаться.

– А стоит ли удивляться тому, что живейший ум в Европе страдает от скуки, – повторил он так же галантно.

– Я пребываю в надежде, мой маленький Шовелен, что у вас есть лекарство от моей болезни.

– Как я могу рассчитывать на успех там, где сам сэр Перси потерпел неудачу?

– Давайте не будем касаться сэра Перси в наших разговорах, мой дорогой друг, – сказала она колко.

Шовелен, словно испугнутая лисица, скользнул глазами по Маргарите.

– У меня имеется наилучшее лекарство, способное излечить самую страшную скуку, и я буду счастлив вам его предложить, но...

– Но что?

– Лекарство, которое я предлагаю вам, леди, называется самым плебейским словом – «работа»!

– Работа?

Шовелен посмотрел на Маргариту долгим испытующим взглядом. Казалось, его проницательные водянистые глаза свободно читают каждую ее мысль. Они были с глазу на глаз; вечерний воздух был так же тих, и все так же с его легкими дуновениями доносился шум из харчевни. Шовелен прошелся немного вдоль харчевни, внимательнейшим образом осмотревшись вокруг своим быстрым взглядом, и, убедив-

шись, что в самом деле они одни, вплотную подошел к Маргарите.

– Не желаете ли оказать Франции маленькую услугу, гражданка? – сказал он, неожиданно сделав серьезным свое тонкое личико.

– О, ничего себе, – ответила она легкомысленно. – Как серьезно вы все вокруг осмотрели...

Впрочем, не знаю, стану ли я оказывать Франции маленькую услугу. Во всяком случае, это будет зависеть от того, что именно за услуги ей или вам от меня нужны.

– Слышали ли вы когда-нибудь о Сапожке Принцессы, гражданка Сен-Жюст? – жестко спросил Шовелен.

– Слышала ли я о Сапожке Принцессы? – переспросила она, заливаясь веселым смехом. – Помилуйте, да здесь же ни о чем другом и не говорят. Мы носим шляпы а la Сапожок Принцессы, лошадей у нас называют Сапожок Принцессы, прошлой ночью на ужине у принца Уэльского подавали суфле Сапожок Принцессы... Бог с вами. – И добавила весело: – А вчера я заказала моей модистке голубое платье с зеленой отделкой, и можете быть уверены, что она и его назовет Сапожок Принцессы.

Шовелен слушал веселую болтовню совершенно неподвижно, даже не делая попыток ее прервать, пока не смолк музыкальный детский смех в тихом вечернем воздухе. Он был все так же сосредоточен, его чистый, резкий голос звучал спокойно и ровно, как дыхание:

– В таком случае, если вы прекрасно наслышаны об этом загадочном персонаже, вы должны догадываться или даже знать, что человек, скрывающийся под этим странным псевдонимом, есть злейший враг нашей Республики, Франции, людей типа Армана Сен-Жюста...

– Ой ли, – сказала она с тихой усмешкой. – Впрочем, я могу поклясться, что тут у Франции сейчас много врагов.

– Но вы, гражданка, дочь Франции, и должны помочь ей в момент смертельной опасности.

– Мой брат Арман отдает свою жизнь Франции. Что же касается меня, я ничего не могу... тем более здесь, в Англии...

– Именно вы, – настаивая он еще более серьезно, и его тонкое лицо приняло экспрессивное, полное величия выражение, – и именно здесь, в Англии, гражданка... только вы нам и можете помочь... Слушайте же. Я послан сюда как представитель республиканского правительства. Завтра в Лондоне я вручаю мистеру Питту свои верительные грамоты. Одной из моих задач здесь является выяснить все о лиге «Сапोजок Принцессы», превратившейся в страшную угрозу для Франции, с тех пор как они начали помогать проклятым аристократам, предателям своей страны и врагам народа, избежать справедливого, заслуженного возмездия. Вы так же хорошо, как и я, знаете, гражданка, что здесь эти эмигранты пытаются настроить общественное мнение против Республики. Они готовы объединиться с любым врагом, способным напасть на Францию. А только в течение последнего меся-

да двадцати эмигрантам, как подозреваемым, так и осужденным уже на казнь, удалось успешно перебраться через Канал. Их побег шаг за шагом распланирован и осуществлен той самой организацией английских молодчиков, возглавляемых человеком, изобретательный ум которого кажется неисчерпаемым, а имя – мифическим. Все усилия обнаружить его пошли прахом, хотя голова у него одна, остальное – всего лишь руки, тем не менее он спокойненько, под прикрытием странного имени, разрушает Францию. Мне хотелось бы вычислить эту голову, для чего и нужна мне ваша помощь, а через него я уже доберусь и до всех остальных. Он наверняка молодой щеголь из английского общества, я это чувствую. Найдите его для меня, гражданин, – настаивал он, – найдите его для Франции.

Маргарита слушала эту бесстрастную речь Шовелена не шелохнувшись, боясь даже дышать. Ей приходилось и раньше говорить об этом мифическом герое романа, о нем шли разговоры в ее кругу. И уже тогда ее сердце и ее воображение волновались при одной мысли об этом смелом человеке, который, оставаясь безвестным, спасал сотни жизней от ужасной, чаще всего незаслуженной участи. Хотя в действительности у нее было мало симпатий к этим спесивым французским аристократам, закосневшим в своей кастовой гордости, классическим примером которых была та же графиня де Турней де Бассерив. Но республиканцев и либерально настроенных людей, к которым, впрочем, она и сама принад-

лежала, она так же ненавидела и гнушалась методами, выбранными молодой республикой для самоутверждения. Робеспьер, Дантон, Марат – она не узнавала их в этой новой роли беспощадных кровавых судей, прислужников гильотины. Несколько месяцев не была она в Париже, и, хотя все отголоски кровавой жатвы Королевы Террора, достигшей в сентябрьские дни своего апогея, долетали через Канал лишь в виде слабого эха, душа ее содрогалась от ужаса перед этой действительностью, почему и боялась она за брата. Ведь каждый, даже самый умеренный республиканец, каким был он, в любой момент мог сам стать жертвой.

Когда она впервые услышала о компании молодых англичан, движимых истинным состраданием к своим собратьям, буквально вырывающих из объятий смерти женщин и детей, стариков и юношей, ее сердце наполнилось гордостью за них. И теперь, слушая Шовелена, она была на стороне галантного и мифического вождя небольшой бесшабашной шайки, ежедневно рисковавшего своей жизнью, готового отдать ее во имя гуманности. Когда Шовелен замолк, глаза ее заблестели, а кружева на груди выдавали ее учащенное возбужденное дыхание. Она не слышала более пьяного шума из харчевни, она не обращала уже внимания на голос и глупый смех мужа – мысли ее восторженно унеслись навстречу загадочному герою. Да, это был тот человек, которого она могла бы полюбить, если бы он повстречался ей на пути. Все в нем будило ее романтическое воображение: его личность, его мужество,

его сила, его лояльность по отношению к тем, кто служил под его началом одной благородной цели, а сверх всего – неизвестность, венчающая его короной романтической славы.

– Найдите его для Франции, гражданка!

Голос Шовелена, прозвучавший едва ли не в ухо, прервал ее сон наяву. Мифический герой исчез, а ярдах в двадцати от нее сидел,пил и смеялся человек, которому она поклялась в верности и послушании.

– Ах, дорогой, – сказала она с вернувшейся вновь веселой игривостью. – Вы меня удивляете. Где это в таком огромном мире я его буду искать?

– Вы же везде бываете, гражданка, – вкрадчиво прошептал Шовелен. – Леди Блейкни – не последняя фигура в лондонском обществе, поэтому, я думаю... Вы все видите, вы все слышите.

– Я вижу, мой друг, – сказала Маргарита, выпрямляясь во весь свой рост и презрительно глядя вниз на маленькую тоненькую фигурку перед ней. – Я вижу, вы забываете, что существует шесть футов сэра Перси и длинная цепь предков, стоящих между леди Блейкни и тем, что вы предлагаете мне.

– Ради Франции, гражданка, – еще раз серьезно сказал Шовелен.

– Но, дорогой, в таком случае вы предлагаете нонсенс, ибо, даже если вы узнаете, кто такой Сапожок Принцессы, вы ничего с ним не сможете сделать, поскольку он англичанин.

– Уж тут-то я постараюсь не упустить свой шанс, – сказал

Шовелен с суховатым смешком. – Для начала мы отправим его на гильотину, чтобы поостудить пыл.

А там уже, если возникнет международный скандал, мы обратимся с повинной к британскому правительству и, если понадобится, заплатим компенсацию семье пострадавшего.

– Но то, что вы предлагаете, ужасно, Шовелен, – сказала Маргарита, отшатываясь от него, как от мерзкого насекомого. – Кто бы этот человек ни был, он благороден и смел, и никогда, никогда, вы слышите, я не стану пачкать руки в подобной грязи.

– Вы предпочитаете быть оскорбленной французской аристократкой, приезжающей в эту страну? – Шовелен знал, куда посылает стрелу. Юные свежие щеки Маргариты побелели, как мел, она закусил губу, чтобы скрыть, что стрела и в самом деле попала в цель.

– Это не относится к делу, – сказала она наконец равнодушно. – За себя я сама отвечу, но эту грязную работу я делать отказываюсь, как для вас, так и для Франции. У вас достаточно мерзавцев, используйте их, мой друг.

И, отвернувшись от Шовелена, Маргарита Блейкни направилась прямо в харчевню.

– Но это не последнее ваше слово, гражданка, – произнес Шовелен в тот момент, когда полоса света из прихожей уже осветила ее элегантную, богато одетую фигуру. – Я надеюсь, мы еще встретимся в Лондоне.

– Да, мы встретимся в Лондоне, – сказала она через пле-

чо. – Но это мое последнее слово.

Она открыла дверь и скрылась из глаз Шовелена, он же еще на несколько мгновений задержался на крыльце, взяв на пальцы понюшку табаку. С ним обошлись как с мальчишкой, но на его лисьей проницательной мордочке не было ни смущения, ни сожаления, наоборот, откровенно саркастическая и совершенно дьявольская улыбка порхала в уголках его тонких губ.

Глава IX

Нападение

Затянувшийся дождливый день сменила прекрасная звездная ночь, прохладная, словно бальзам, ночь позднего английского лета, с ее характерной влажностью, запахом сухой земли и опадающих листьев. По лондонской дороге с сэром Перси на козлах отъезжала карета, запряженная четверкой лучших чистокровных коней. Он держал поводья в своих изящных, почти женских руках, а сзади него, закутавшись в дорогие меха, сидела леди Блейкни. Путешествие протяженностью в пятьдесят миль летней звездной ночью! Маргарита всем существом своим отдавалась этому наслаждению... Сэр Перси был страстным кучером. Его лошади, несколько дней назад преодолевшие путь до Дувра, были теперь достаточно свежи и энергичны, чтобы сделать приятным путешествие. Маргарита упивалась несколькими часами уединения; мягкий ночной ветерок, овевающий щеки, уносящиеся вдаль мысли – мечта, да и только. Она уже знала по прошлому опыту, что муж будет говорить мало, если вообще скажет что-нибудь; он много раз уже возил ее в прекрасной карете по ночам, долгие часы от одного места до другого, делая при этом не более пары случайных замечаний по поводу состояния погоды или дорог. Он очень любил ездить ночами, и Маргарита очень скоро привыкла к этой его

причуде. Сидя часами за его спиной и восхищаясь его искусным управлением лошадьми, она никак не могла понять, что находит он в этих прогулках. Он никогда ей не объяснял, а спрашивать она не решалась.

В «Отдыхе рыбака» мистер Желлибенд, неторопливо обходя зал, тушил огни. Все его завсегдатаи уже разбрелись, лишь наверху в уютных маленьких спальнях оставалось несколько важных гостей; графиня де Турней с Сюзанной и виконтом. Также было готово еще две спальни для сэра Эндрю Фоулкса и лорда Энтони Дьюхерста на случай, если они окажут честь остаться на ночь. В данный момент молодые волокиты комфортабельно расположились перед очагом с огромной потрескивающей колодой.

– Желли, ну что там, все ушли? – спросил лорд Тони солидного хозяина, «медового князя», убирающего стаканы и кружки.

– Как видите, все, милорд.

– Слуги твои тоже все ушли спать?

– Да, все, кроме дежурного мальчика. Но я думаю, что он тоже скоро заснет, ракалья, – со смехом добавил Желлибенд.

– В таком случае, мы сможем поговорить полчаса без помех?

– Как вам угодно, милорд... Я оставлю свечи на кухонном столе. Комнаты ваши уже готовы.

Сам-то я сплю наверху, у себя, но, если что, кричите по-

громче, я услышу.

– Хорошо, Джелли... и... я прошу тебя потушить лампу, нам хватит света от очага, кроме того, нам не хотелось бы привлекать внимания прохожих.

– Хорошо, милорд.

Мистер Джеллибенд сделал все, что от него требовали: потушил старую лампу, висевшую на балке под потолком, задул все свечи.

– Принеси-ка бутылочку вина, Джелли, – не удержался сэр Эндрю.

– Хорошо, сэр.

Джеллибенд ушел за вином. Комната была полностью погружена во тьму, оставался лишь кружок красноватого колеблющегося света от ярко горящих в очаге дров.

– Больше ничего, джентльмены? – спросил Джеллибенд, возвратясь с бутылкой вина и парой стаканов, которые поставил на стол.

– Все отлично, Джелли, благодарю, – ответил лорд Тони.

– Спокойной ночи, милорд! Спокойной ночи, сэр!

– Спокойной ночи, Джелли!

Юноши сидели молча, пока не стихло эхо тяжелой поступи мистера Джеллибенда по коридору и лестницам. Но вот этот звук умер, и все в «Отдыхе рыбака», казалось, погрузилось в сон, за исключением двух молодых людей, пивших в полной тишине у огня. Ничего не было слышно в зале, лишь тикали старые дедовские часы да потрескивали дрова.

– Хорошо. Итак, опять в то же время, Фоулкс? – спросил наконец лорд Тони.

Сэр Эндрю явно дремал, глядя в огонь и видя в нем, должно быть, хорошенькое, пикантное личико с большими карими глазами и копной черных кудрей вокруг детского лба.

– Да, – сказал он все так же задумчиво. – Хорошо.

– Никаких изменений? – Никаких.

И лорд Энтони радостно рассмеялся, вновь наполняя вином свой стакан.

– Я думаю, о том, что ты провел это время самым приятным образом, даже нечего спрашивать.

– Нет, дорогой, вопросы и в самом деле излишни, все было отлично! – ответил сэр Эндрю весело.

– В таком случае за ее здоровье! – радостно предложил лорд Тони. – Она милая девушка, хотя и француженка. Так что желаю тебе удачи на этом цветущем пути.

Он осушил свой стакан до последней капли и перебрался поближе к сидящему у огня другу.

– Прекрасно. Я думаю, следующее путешествие совершишь ты, Тони, – сказал сэр Эндрю, отрываясь от своих мыслей. – Ты и, конечно же, Гастингс. Надеюсь, и у тебя будет столь же приятное поручение и столь же очаровательный спутник, как у меня. А нет ли у тебя каких мыслей?

– Нет, у меня нет, – вежливо оборвал его друг.

– Хорошо, в другой раз об этом. А теперь, – добавил сэр

Эндрью, и его молодое жизнерадостное лицо неожиданно сделалось серьезным, – не пора ли о деле?

Оба молодых человека вплотную сдвинули стулья и инстинктивно, несмотря на то, что были одни, понизили голос до шепота.

– Я видел Сапожка Принцессы с глазу на глаз всего несколько мгновений в Кале пару дней назад, – сказал сэр Эндрью. – Он прибыл в Англию на два дня раньше нас. Он от самого Парижа сопровождал группу людей, одетый, ты и не представишь себе, старой торговкой с базара, и сам управлял крытой повозкой до тех пор, пока они благополучно не выбрались из города, а в повозке среди турнепса и капусты лежали спрятанные графиня де Турней, Сюзанна и виконт. Им самим небось и в голову не пришло, кто был их возницей. Он провез их прямо через строй солдатни и толпу визжащей черни, которые орали: «Долой аристократов!» Тем не менее повозка спокойненько проехала, как и все прочие, причем Сапожок Принцессы в шали, нижней юбке и капоре орал «Долой аристократов!», пожалуй, громче их всех, клянусь! – сказал юноша, и глаза его наполнились восторгом за своего предводителя. – Он просто кудесник, волшебник! Его наглость выше всяких границ, и на этом он всегда выезжает.

Лорд Энтони, запас слов которого был более ограничен, нежели у его собеседника, нашел лишь пару восклицаний, свидетельствующих о том, как он восторгается своим предводителем.

– Он просил, чтобы вы с Гастингсом встретили его в Кале, – более спокойно сказал сэр Эндрью. – Второго числа следующего месяца. Так, сейчас посмотрим, это будет следующая среда.

– Хорошо, – ответил Тони.

– На этот раз, конечно же, по поводу графа де Турней. Очень опасное поручение. Побег графа из замка после того, как Комитет общественной безопасности объявил его подозрительным, – просто шедевр ловкости Сапожка Принцессы. Теперь граф снова под угрозой смерти, так что состязание будет нелегким. У тебя очень мало шансов спастись в этом предприятии. Сен-Жюст и в самом деле послан встречать его, Сен-Жюста-то в этом никто заподозрить не сможет. Но после всего вытащить этих двоих из страны! Клянусь, это будет жестокая работа, непростая даже для нашего изобретательного шефа. Надеюсь, мне все-таки повезет, и меня тоже пошлют в эту экспедицию. У тебя для меня нет никаких специальных инструкций?

– Есть. Побольше аккуратности, чем обычно. Стало известно, что республиканское правительство послало в Англию своего доверенного представителя, по имени Шовелен, который, говорят, кипит злобой против лиги и приложит все силы, чтобы рассекретить нашего предводителя. Возможно, он даже попытается выкрасть его и отправить во Францию. Этот Шовелен притащил с собой целую армию шпионов, и до тех пор, пока шеф не выследит хотя бы часть из них, мы

должны встречаться как можно реже и ни при каких обстоятельствах не говорить о делах в публичных местах в течение ближайшего времени. Когда надо будет переговорить, он сам найдет возможность известить нас.

Молодые люди наклонились поближе к очагу. Пламя уже угасло, и теперь лишь тлеющие угли образовывали вокруг себя узкий полукруг света. Все остальное пространство зала утопало во мраке. Сэр Эндрю вынул из кармана маленькую книжечку, из которой достал листок бумаги, развернул его, и юноши погрузились в чтение. Дело, которым они занимались, так много значило для них, так дорог был им этот документ, полученный из рук обожаемого предводителя, что они совершенно увлеклись им и ничего уже более не существовало вокруг. Они не слышали более ни опадающего с решеток очага ломкого пепла, ни монотонного тикания часов, ни мягкого, почти неощутимого шуршания по полу, раздававшегося из-за их спины со стороны входной двери. Из-под скамьи появился силуэт, который бесшумными змееобразными движениями подбирался все ближе и ближе к двум юношам, не дыша, лишь скользя в чернильной темноте зала.

– Ты должен прочесть эти инструкции, запомнить их и уничтожить, – сказал сэр Эндрю.

Он уже приготовился положить в карман письмо, как вдруг оттуда вылетел маленький листочек бумаги и упал на пол. Лорд Энтони нагнулся и поднял его.

– Что это? – спросил он.

– Не знаю, – ответил сэр Эндрю.

– Он же только что выпал из твоего кармана, но с той бумагой его не было.

– Странно, как он туда попал? Это от шефа, – добавил сэр Эндрю, взглянув на бумагу.

Оба склонились над маленьким клочком бумаги, пытаясь разобрать несколько наспех нацарапанных на нем слов, но тут неожиданно тихий шорох, раздавшийся как будто бы из-за двери, привлек их внимание.

– Что такое? – инстинктивно спросили оба. Лорд Энтони быстро пересек зал, подошел к двери, резко открыл ее, и в тот же миг жесткий оглушающий удар между глаз отбросил его обратно. Из темноты неожиданно выпрыгнул человек и, бросившись со спины на ни о чем не подозревающего сэра Эндрю, свалил его на пол.

Все произошло в две-три секунды, – лорд Энтони и сэр Эндрю не успели даже вскрикнуть.

Они были связаны двумя неизвестными, рот каждого мгновенно заткнули кляпом, после чего их привязали спиной друг к другу, окончательно лишив какой бы то ни было возможности шевелить плечами, руками и ногами.

Человек в маске, стоявший до сих пор неподвижно, тихо закрыл дверь.

– Все спаслись, гражданин, – сказал один из незнакомцев, взглянув напоследок на путы, сделавшие двух юнцов безопасными.

– Хорошо, – ответил тот, что стоял у двери. – Теперь обыщите как следует их карманы и все бумаги, какие найдете, отдайте мне.

Приказание было в точности исполнено. Человек в маске, взяв бумаги, быстренько просмотрел их в воцарившейся полной тишине, затем открыл дверь и сделал указующий жест в глубь коридора. Четыре человека подняли сэра Эндрю и лорда Энтони с пола и, так же бесшумно, как и появились, потащили обоих связанных щеголей из харчевни в темную даль дуврской дороги.

Человек в маске, руководивший дерзким налетом, остался в зале и еще раз быстренько просмотрел все похищенные бумаги.

– В целом, для одного дня неплохая работа, – пробормотал он, спокойно сняв маску, и его водянистые лисьи глазки заблестели в слабом свете очага. – Неплохая работа для одного дня.

Он вскрыл пару писем из маленькой книжечки сэра Эндрю Фоулкса и особое внимание обратил на небольшой клочок, который два молодых человека так и не успели прочесть; но, казалось, более всего ему доставило удовлетворение письмо, подписанное Арманом Сен-Жюстом.

– Арман Сен-Жюст – предатель из предателей, – промурлыкал он. – Теперь, прекрасная Маргарита Блейкни, – добавил он злобно сквозь стиснутые зубы, – я думаю, вы можете мне найти Сапожка Принцессы.

Глава X

В ложе Оперы

В «Ковент-Гарден» происходило одно из обычных гала-представлений, первое в осеннем сезоне того великого памятного 1792 года.

Парадные ложи и партер театра были так же полны, как балконы для публики попроще и галерка. На большую часть интеллектуальной публики «Орфей» Глюка произвел неотразимое впечатление, однако празднично одетые, усыпанные бриллиантами фешенебельные дамы говорили о глазах того, кому сейчас не было никакого дела до этой «последней новинки из Германии».

Селина Сторейс, как обычно, своей гранд-арией вызвала бурю аплодисментов бесчисленных поклонников, а признанный дамский фаворит Бенджамен Инкледон удостоился даже персонального изящного знака внимания из королевской ложи. Но вот после торжественного финала второго акта занавес опустился и публика, очарованная магическими звуками музыки великого маэстро, издала единый продолжительный вздох удовлетворения, после чего сотни вздорных и шаловливых языков вырвались наконец на волю.

В роскошных парадных ложах можно было увидеть множество весьма известных лиц: преисполненного заботами о государстве мистера Питта, решившего немного рассеять-

ся на музыкальном пиршестве вечера; веселого, круглого, несколько грубовато-пошлого в обращении принца Уэльского, кочевавшего в небольшие пятнадцатиминутные перерывы из ложи в ложу к тем или иным из своих ближайших друзей. Кроме того, в ложе лорда Гренвиля привлекала всеобщее внимание слушавшая музыку и придирчиво разглядывавшая публику любопытная и забавная персона – тонкая маленькая фигурка в непорочно-черной одежде, пронизательное саркастическое лицо с глубоко посаженными глазами, обрамленное темными свободно лежащими волосами. Лорд Гренвиль – государственный секретарь иностранных дел – был с ней подчеркнуто вежлив, но холоден.

Повсюду типы строгой английской красоты перемежались контрастно лицами иностранного происхождения. Спесивая аристократическая каста, состоящая из тех самых французских эмигрантов-роялистов, которых преследовали безжалостные революционные события в родной стране, нашли мирное убежище в Англии. На их лицах лежала печать глубокой обеспокоенности, особенно у женщин, они мало обращали внимания и на музыку, и на блестящую публику, их мысли были совсем далеко отсюда – с мужьями, братьями, сыновьями, все еще подвергавшимися опасности или уже павшими под ударами жестокой судьбы.

Наиболее заметной фигурой была недавно прибывшая из Франции графиня де Турней де Бассерив. Она была одета в тяжелый черный шелк, свидетельствующий о глубине ее

траура, и лишь один кружевной платок в руке был белым. Графиня сидела рядом с леди Порталес, безуспешно пытавшейся тонкими остротами и вульгарными шутками вызвать улыбку на печальных губах графини. Сзади сидели юная Сюзанна и виконт, смущенно притихшие среди такого множества незнакомых людей Сюзанна, войдя в зал, напряженно осмотрела все вокруг, каждую ложу, каждое лицо, но того, кого ей так хотелось увидеть, явно не было, и она спокойно уселась за спиной матери, потеряв всякий интерес к публике и безучастно слушая музыку.

— А, лорд Гренвиль, — обрадовалась леди Порталес, когда после учтивого стука на пороге ложи возникло выразительное лицо государственного секретаря. — Вы не могли появиться более кстати. А то вот госпожа графиня де Турней умирает от желания услышать последние новости из Франции.

Изящный дипломат вошел в ложу и поздоровался с дамами.

— Увы, — печально ответил он, — все очень плохо. Резня продолжается, Париж буквально залит кровью, а число жертв гильотины достигает сотни в день.

Графиня, бледная, со слезами на глазах, откинулась на спинку стула, услышав столь краткую и зримую повесть о том разрушительном ужасе, что творился в ее запутавшейся стране.

— Ах, месье, — сказала она на ломаном английском, — так

тяжело слышать все это. Мой бедный муж все еще там. Это так ужасно для меня – сидеть здесь, в театре, уже спасенной, в то время как ему грозит смертельная опасность!

– Но, мадам, Бог с вами, – вмешалась решительная леди Порталес, – будь вы даже в конvente, вы не смогли бы ничего сделать для его спасения. У вас есть дети, занимайтесь ими, они еще слишком молоды для того, чтобы без конца утруждать себя беспокойствами и преждевременным трауром.

Графиня сквозь слезы улыбнулась своей пылкой подруге. Леди Порталес, несмотря на то что ее манеры и голос не сделали бы чести даже жокею, имела золотое сердце и свои самые сокровенные симпатии и учтивейшую доброту прятала за грубоватыми манерами, как, впрочем, весьма любили делать некоторые дамы того времени.

– Кроме того, мадам, – добавил лорд Гренвиль, – не сами ли вы мне вчера говорили, что лига «Сапожок Принцессы» поручилась честью, будто доставит господина графа через Канал?

– О, да, – отвечала графиня, – и это моя единственная надежда. Вчера я видела лорда Гастингса. Он меня еще раз заверил.

– Тогда, я думаю, вам не следует бояться. Лига всегда с точностью выполняет все, в чем клянется. Ах, – добавил старый дипломат со вздохом, – будь я несколькими годами моложе.

– Ой, сударь, – вмешалась достойная леди Порталес. – Вы

пока еще достаточно молоды, хотя бы для того, чтобы повернуться спиной к этому французскому пугалу, что сегодня сидит, как король, в вашей ложе.

– Я думаю, что мог бы... Но вы, ваша честь, должны понимать, что ради служения родине мы вынуждены оставлять свои предрассудки. Месье Шовелен – доверенный представитель своего правительства.

– Клянусь, сударь! – возразила она. – Вы не должны называть этих кровожадных убийц правительством, разве не так?

– По-моему, сейчас неуместно для Англии порвать дипломатические отношения с Францией, – осторожно ответил министр. – А в таком случае мы не имеем возможности отказать в вежливом приеме представителю, которого им было угодно послать к нам.

– Будь проклята всякая дипломатия, милорд! Эта хитрая лисица – самый настоящий шпион. Дай Бог, чтобы я ошиблась, но уверяю вас, да вы и сами это увидите, что он к дипломатии имеет меньше всего отношения и хочет, прикрывшись ею, навредить роялистам-изгнанникам, нашему доблестному Сапожку Принцессы и всем членам его храброй лиги.

– Я уверена, – сказала графиня, поджав тонкие губы, – что если этот ваш Шовелен действительно собирается причинить нам вред, то он найдет себе преданного помощника в лице леди Блейкни.

– Помилуйте! – выпалила леди Порталес. – Видел ли кто когда-нибудь подобный разврат?

Милорд Гренвиль, вы так красноречивы, попытайтесь-ка, пожалуйста, объяснить госпоже графине, что она поступает глупо. В вашем положении в Англии, мадам, — добавила она, обратив к графине гневное и решительное лицо, — вы должны держать при себе все штучки, столь любимые вашей французской аристократией. Леди Блейкни может симпатизировать или не симпатизировать французским убийцам; она могла делать или не делать что бы там ни было, связанное с арестом и осуждением этого самого Сен-Сира, но она — законодательница мод в этой стране, а у сэра Перси Блейкни больше денег, чем у полудюжины других, вместе взятых, он здоровается и носит перчатки с королевским достоинством, и ваши попытки как-либо очернить леди Блейкни не заденут ее, вы же будете выглядеть дурой. Не так ли, милорд?

Но что подумал по этому поводу лорд Гренвиль и как отнеслась к грубоватой тираде графиня де Турней, осталось неизвестным, поскольку занавес вдруг поднялся, возвещая начало третьего акта «Орфея», и со всех концов зала послышались призывы к тишине.

Лорд Гренвиль поспешно распрощался с дамами и отправился обратно в свою ложу, где в течение всего антракта с неизменной табакеркой в руках сидел месть Шовелен, напряженно всматриваясь проницательными водянистыми глазками в ложу напротив, куда с пышным шуршанием шелковых юбок и громким смехом, привлекая всеобщее любо-

пытство публики, только что вошла Маргарита Блейкни в сопровождении мужа Она была божественно прекрасна в ореоле своих золотых с красноватым отливом кудрей, слегка напудренных и завязанных сзади на изящной шее гигантским черным бантом...

Всегда одевавшаяся по последней моде, Маргарита единственная среди дам в тот вечер пренебрегла глубоко декольтированным платьем с туго перетянутой талией, бывшим в моде последние два-три года. Она появилась в классическом платье с высокой талией, которое вскоре стало самым модным во всей Европе. Это платье, сшитое из мерцающей материи, сверкало, как настоящий золотой слиток, и придавало ее царственной грациозной фигуре совершенную законченность.

Войдя в ложу, она подошла на какое-то время к барьеру, чтобы поприветствовать всех, кого знала. Многие кланялись ей, а из королевской ложи ей был послан грациозный салют.

Шовелен с напряжением разглядывал Маргариту в течение всего третьего акта, в то время как она сидела, захваченная музыкой, и ее изящная ручка играла маленьким, усыпанным драгоценными камнями веером. Ее царственная голова, шея, руки были украшены роскошными бриллиантами и редкими геммами – даром обожавшего ее мужа, лениво растянувшегося рядом.

«Орфей» очаровал ее. На нежном молодом лице отражалась радость жизни, она вспыхивала в ее веселых голу-

бых глазах и светилась в улыбке, играющей на губах. Ей было немногим более двадцати пяти лет – в самом расцвете молодости, усыпанная драгоценностями, обожаемая, лелеемая, любимая. Два дня назад из Кале вернулся «Полуденный сон», доставив известие, что ее обожаемый брат добрался благополучно, что он помнит о ней и будет благодарен ради нее. И теперь, слушая страстные мелодии Глюка, она совсем забыла обо всех разочарованиях, рассеявшихся любовных снах, забыла даже и об этом ленивом добродушном ничтожестве, так успешно компенсирующем отсутствие своих талантов швырянием мировых сокровищ к ее ногам.

Он оставался рядом с ней в ложе почти до самого начала последнего акта, поглядывая то на его королевское высочество, то на бесконечную вереницу обожателей, постоянно подходивших засвидетельствовать свое почтение королеве моды. Иногда он выходил, возможно, для того, чтобы поболтать с наиболее близкими друзьями. Маргариту это не удивляло, поскольку беспокоиться ей было не о чем, у нее был свой небольшой кружок, состоящий из лондонской золотой молодежи, который она только что разогнала, дабы в этот короткий перерыв побыть наедине с Глюком.

Легкий стук в дверь оторвал ее от этого наслаждения.

– Войдите, – сказала она, не поворачивая головы, с некоторым раздражением.

Шовелен, давно ожидавший того момента, когда Маргарита останется одна, после нетерпеливого «войдите» быстро

и тихо проскользнул в ложу и в следующий миг уже стоял за ее стулом.

— Одно слово, гражданка, — спокойно сказал он. Маргарита быстро и с непритворной тревогой обернулась.

— Боже, сударь, как вы меня напугали! — сказала она с насильственным смешком. — Ваше присутствие здесь невыносимо. Я хочу слушать Глюка и не желаю ни о чем говорить.

— Но у меня не будет другой возможности, — возразил он все так же тихо и, не дожидаясь разрешения, придвинул стул настолько близко, что мог шептать ей прямо в ухо, не мешая публике и оставаясь невидимым в темной глубине ложи.

— У меня не будет другой возможности, — повторил он, вновь не удостоившись ответа. — Леди Блейкни всегда столь окружена вниманием, столь лелеема своим двором, что у доброго старого друга так мало шансов.

— Но, сударь, вы, может быть, все-таки найдете другую возможность. После оперы я собираюсь на бал к лорду Гренвиллю, уж, верно, и вы там будете. Там я, пожалуй, смогла бы вам уделить минут пять...

— Три минуты с глазу на глаз в этой ложе меня больше устраивают, — мягко прервал он. — И я надеюсь, что у вас все-таки хватит мудрости выслушать меня, гражданка Сен-Жюст.

Маргарита инстинктивно вздрогнула. Шовелен взял щепотку табака. Он говорил шепотом, в его водянистых лисьих глазах, в его движениях был какой-то намек, тень еще не раз-

гаданной опасности, что-то, от чего кровь стыла в жилах.

– Это угроза, гражданин? – спросила она наконец.

– Нет, прекрасная леди, нет. Это стрела, но она пущена в воздух. Ваш брат Сен-Жюст в опасности.

На красивом лице не дрогнул ни один мускул. Хотя Шовелен мог видеть лишь ее профиль, поскольку Маргарита не отрывала глаз от сцены, он был наблюдательным и заметил неожиданный холод в глазах, окаменевший рот и напряженную скованность во всей грациозной фигуре.

– Ах, вот как, – сказала она с наигранным весельем. – В таком случае, я думаю, что вам лучше оставить все эти ваши интриганские выдумки, пойти к себе и дать мне наконец возможность послушать музыку.

И она стала нервно постукивать рукой по барьеру ложи. Селина Сторейс в этот момент исполняла «*che faro*»⁵, и весь театр замер, прикованный восторженными глазами к губам примадонны. Шовелен сидел не двигаясь и спокойно смотрел на нервную маленькую руку, которая одна только свидетельствовала о том, что стрела попала в цель.

– Итак? – неожиданно резко и все с той же откровенной безучастностью спросила она.

– Итак, гражданка? – вежливо подхватил он.

– Что мой брат?

– У меня есть для вас новости о нем, которые, как мне

⁵ Заключительная ария Эвридики, в русском переводе – «О, жребий злосчастный...». Здесь, букв. «что я делаю».

кажется, будут вам интересны. Но позвольте мне прежде кое-что объяснить. Не возражаете?

Вопрос был излишним, он и так уже чувствовал, что, несмотря на гордо вскинутую голову, каждый ее нерв натянут в мучительном ожидании его слов.

– Недавно я просил вас о помощи, гражданка... Франция в ней нуждается, и я думал, что на вас можно положиться. Но вы мне ответили... Затем мои собственные дела и ваши светские обязанности разлучили нас, а за это время многое успело произойти...

– Нельзя ли без предисловий, гражданин, прошу вас, – перебила она. – Музыка начинается, и публике будет неприятно слышать ваш шепот.

– Одну минутку, гражданка. В тот день, когда я имел честь встретить вас в Дувре, менее чем через час после вашего последнего слова мне достались кое-какие бумаги, открывающие некоторые хитроумные замыслы освобождения французских аристократов, в частности изменника де Турней, разработанные этим накрахмаленным наглецом, постоянно лезущим не в свои дела. Так что кое-какие из нитей этой мифической организации уже у меня в руках, но это далеко не все. И я хотел бы... нет, вы должны мне помочь собрать их вместе.

Маргарита, слушавшая его с подчеркнутым нетерпением, пожала плечами и весело ответила:

– Но, сударь, ведь я вам уже сказала, что меня мало вол-

нуют все эти ваши проблемы с Сапожкой Принцессы. И если вы собираетесь говорить не о моем брате...

– Немного терпения, я продолжаю, гражданка, – сказал он невозмутимо. – Два джентльмена, лорд Энтони Дьюхерст и сэр Эндрю Фоулкс, в ту ночь были в «Отдыхе рыбака».

– Да, я знаю, я видела их там.

– Было уже известно, что они принадлежат к этой проклятой лиге; сэр Эндрю Фоулкс сопровождал графиню де Турней с детьми через Канал. Когда оба молодых человека остались в харчевне одни, мои люди ворвались в дом, связали обоих щеголей, вытащили у них все бумаги и отдали мне.

Маргарита вдруг догадалась, в чем дело. Бумаги?.. Он был неосторожен?.. Сама мысль об этом повергла ее в невыразимый ужас. Но она никогда не показывала этому человеку своей боязни и поэтому теперь легко и весело рассмеялась.

– И ваша наглость осталась безнаказанной? Разбой!

Насилие! В Англии! В переполненной народом харчевне?! Ваших людей должны были схватить на месте.

– Допустим, их поймали – и что? Они – дети Франции и хорошо вышколены вашим покорным слугой. Если бы их поймали, они пошли бы в тюрьму или на галеоны без лишних слов. В любом случае был смысл рискнуть. А харчевня не самое худшее место для таких дел, и мои люди прекрасно доказали это.

– Ну, и что бумаги? – спросила она беззаботно.

– Увы, хотя в них я и нашел настоящие имена и планы

и мог бы разрушить ближайшие их ходы, но, к сожалению, пока только ближайшие, ведь подлинного имени Сапожка Принцессы я еще не знаю.

– Ах, мой друг, – сказала она все так же кокетливо. – Так зачем же вы не остались там, где вам так повезло? Тогда бы мне удалось спокойно послушать музыку. Так что, если вы не собираетесь говорить о моем брате... – добавила она, притворно зевая.

– Я как раз собираюсь, гражданка. Среди бумаг оказалось письмо сэру Эндрю Фоулксу, подписанное вашим братом Сен-Жюстом.

– Ну и что?

– Письмо представляет его не только симпатизирующим врагам Франции, но едва ли не членом лиги «Сапожок Принцессы», во всяком случае ее реальным помощником.

Гром грянул, но Маргарита уже ждала этого и собрала все силы, чтобы не показать страха, чтобы выглядеть безучастной, даже кокетливой. Она призвала на помощь весь свой ум, тот самый ум, который когда-то был назван проницательнейшим в Европе. И теперь она устояла. Она знала, что Шовелен говорит правду, – он был слишком серьезен, слишком слепо предан своему делу, слишком горд за своих соотечественников – этих солдат революции, чтобы опуститься до такой низкой лжи.

Письмо неосторожного Армана было у Шовелена в руках. Маргарита знала это так же точно, будто видела его свои-

ми глазами. И Шовелен будет держать его при себе, пока не разорвет или не использует против Армана в своих целях. Но она все же продолжала смеяться еще веселее и громче, чем прежде.

— О, сударь, — сказала она, ясно и открыто взглянув на Шовелена. — Я же вам говорила, оставьте свои интриганские выдумки... Арман — член лиги таинственного Сапожка Принцессы! Арман помогает французским аристократам, презирая их!. Эта сказочка, клянусь, свидетельствует о неистощимой вашей фантазии!

— Позвольте несколько уточнить, гражданка... — невозмутимо продолжал Шовелен. — Уверяю вас, Сен-Жюст скомпрометирован без малейшей надежды на спасение.

В ложе воцарилось молчание Маргарита сидела выпрямившись, холодная и неподвижная, пытаясь сообразить, как лучше поступить в такой ситуации.

Сторейс закончила свою арию и теперь выходила на поклон в классическом платье, несколько измененном по моде того времени, вызывая восторженное эхо приветствий.

— Шовелен, — наконец спокойно и уже без тени бравады сказала Маргарита Блейкни. — Шовелен, mon ami⁶, давайте попробуем понять друг друга. А то мой ум, похоже, немного заржавел в этом проклятом климате. Признайтесь, вам очень хотелось бы узнать настоящее имя Сапожка Принцессы, не так ли?

⁶ Мой друг (фр.).

– Он – злейший враг Франции, гражданка. И тем более опасен, что работает в полной тайне.

– И тем более благороден, хотели бы вы сказать Хорошо. Теперь вы хотите меня заставить пошпионить немного в обмен на безопасность моего брата Армана, не так ли?

– Фи, два слова просто никуда не годятся, прекрасная леди, – вежливо возразил Шовелен. – Во-первых, здесь и речи не может быть о насилии. А во-вторых, то, о чем я прошу вас ради Франции, нельзя называть таким оскорбительным словом – шпионить.

– Во всяком случае, все называют это так, – ответила она колко. – Значит, в этом и заключается ваше предложение, как я понимаю?

– Мое предложение заключается в том, чтобы вы сами своей маленькой услугой спасли брата.

– И что это за услуга?

– Только немного последить этой ночью, гражданка Сен-Жюст, – сказал он с нажимом. – Среди найденных нами у сэра Эндрю Фоулкса бумаг была вот эта записка. Взгляните, – добавил он, вынимая из кармана маленький листочек и подавая ей.

Это был тот самый клочок, который четыре дня назад два молодых человека, атакованные миньонами Шовелена, собирались прочесть. Маргарита машинально взяла его. В нем было всего две строчки, написанные неровным, явно измененным почерком. Маргарита вполголоса прочла их:

«Помните, что мы не должны встречаться без крайней необходимости. На второе число у вас есть все инструкции. Если вы еще раз захотите говорить со мной, я буду на балу у Г.»

– И как это понимать? – спросила она.

– Посмотрите внимательнее, гражданка, и все поймете.

– Здесь в углу знак, красный цветочек...

– Да.

– Сапожок Принцессы! – воскликнула Маргарита. – А бал у Г. – означает бал у Гренвиля!

– Я тоже именно так понял эту записку, гражданка, – мягко подытожил Шовелен. – Лорд Энтони Дьюхерст и сэр Эндрю Фоулкс, после того как их связали и обыскали, были по моему приказанию доставлены в уединенный домик на дуврской дороге, который я незадолго до этого снял для подобной цели. Там они и находились в качестве узников до сегодняшнего утра. Но, благодаря маленькому клочку бумаги, я решил предоставить им возможность посетить бал у лорда Гренвиля. Надеюсь, вы понимаете – у них есть что сообщить своему шефу, такая важная новость... Поэтому они непременно воспользуются возможностью переговорить с ним сегодня ночью, как он сам же им предлагал. Так что сегодня утром оба молодых щеголя обнаружили, что все двери в этом одиноком домике открыты, тюремщики будто испарились, а под окном стоят две оседланные и взнузданные лошади. Я их пока не видел, но думаю, можно быть уверенным – они не

теряли времени даром и уже добрались до Лондона. Видите, как все просто, гражданка!

– Это и в самом деле кажется несложным, – сказала она, все еще пытаясь прикрыться злым кокетством. – Если вам надо убить цыпленка, вы берете его, потом сворачиваете шею... только цыпленку это простым не кажется. Теперь вы приставили к моему горлу нож и залогом моей послушности... Для вас это просто... Для меня – нет.

– Но, гражданка, я ведь даю вам шанс спасти вашего любимого брата от последствий его же собственной глупости.

Лицо Маргариты смягчилось, глаза увлажнились, и она прошептала, как бы в ответ на свои мысли:

– Это единственный человек в мире, который, меня действительно и по-настоящему любит... Но что же хотите вы от меня, Шовелен? – добавила она в полном отчаянии прерывающимся от слез голосом. – В моем теперешнем положении это совершенно немыслимо!

– Но, гражданка, – жестко и безжалостно сказал он, не обращая внимания на полный отчаяния взгляд, который мог бы разжалобить даже каменное сердце. – Леди Блейкни никто не будет подозревать, поэтому вы спокойно можете сегодня ночью помочь мне открыть настоящее имя Сапожка... Вы сейчас отправитесь на бал... Будьте внимательны там, гражданка, смотрите и слушайте... Вы передадите мне любовь, хотя бы самую незначительную деталь, хотя бы намек. Вам необходимо заметить каждого, с кем лорд Энтони Дью-

херст или сэр Эндрью Фоулкс будут говорить. Вы сейчас абсолютно вне подозрений. Сапожок Принцессы будет там сегодня ночью. Узнайте, кто он, и я ручаюсь вам именем Франции, что брат ваш будет спасен.

Шовелен прижал ее к стенке. Маргарита чувствовала себя опутанной паутиной, из которой не видела никакой возможности выбраться. Страх за близкого человека вынуждал ее повиноваться, поскольку она хорошо знала, что тот, кто сидит сейчас перед ней, никогда не бросает слов на ветер. Вне всяких сомнений, об Армане уже сообщено в Комитет общественной безопасности как о «подозрительном», ему теперь не разрешат уехать из Франции и предадут жестокой казни, если она откажет сейчас Шовелену. Еще какое-то мгновение она надеялась на случай; но теперь протянула руку ненавистному человеку.

– Если я пообещаю помочь вам в этом деле, вы отдадите мне письмо брата? – спросила она учтиво.

– Если ваша помощь этой ночью окажется мне полезной, – ответил он с саркастической улыбкой, – я отдам письмо... завтра.

– Вы мне не доверяете?

– Абсолютно верю вам, дорогая леди, жизнь Сен-Жюста – большая потеря для Франции, и она очень надеется, что вы спасете его.

– Но я могу оказаться бессильной помочь вам, даже если очень захочу.

– Тогда это будет воистину ужасно, – спокойно сказал он, – и для вас, и для Сен-Жюста.

Маргарита задрожала. Она поняла, что от этого человека ей нечего ждать пощады. Всемогущий, он держал в своем кулачке дорогую ей жизнь. Она слишком хорошо знала его: если ему не удастся добиться цели, он будет безжалостен.

Ей вдруг стало холодно в душной атмосфере театрального зала, – казалось, трогательные звуки музыки доносились из какой-то далекой страны. Она укутала плечи дорогим кружевным шарфом и молча, будто во сне, уставилась на блестящую сцену.

На какое-то мгновение мысли ее перенеслись от любимого брата, находящегося в смертельной опасности, к другому человеку, также имеющему право на ее доверие и внимание. Ей стало так одиноко, так страшно за Армана, что захотелось хотя бы к кому-нибудь обратиться за помощью. Сэр Перси Блейкни когда-то любил ее, он ее муж, зачем же она одна должна проходить через эту страшную пытку? Он недалек умом, это так, но зато силен физически, и если она придумает что-нибудь, а он применит силу и храбрость, то, может быть, вместе им удастся перехитрить этого проницательно-го дипломата и спасти заложника, не подвергая опасности жизнь благородного предводителя отважной маленькой лиги. Сэр Перси хорошо знал Сен-Жюста, был, похоже, привязан к нему, а кроме того, Маргарита была уверена, что он не откажется помочь.

Шовелена же леди Блейкни больше не интересовала. Он сказал свое жестокое «или-или» и оставил ее решать. Теперь, казалось, он был поглощен возбуждающей душу мелодией «Орфея», – он сидел, покачивая в такт музыке вытянутой, как у хорька, головой.

Короткий стук в дверь вновь заставил Маргариту вздрогнуть. На этот раз в дверях ложи появился сонный, добродушный сэр Перси Блейкни все с той же полужастенчивой, полуглупой улыбкой, которая на этот раз буквально взбесила его жену.

– Э-э-э... карета подана, д'рагая, – возвестил он тягучим голосом. – Я полагаю, тебе хочется поехать на этот чертов бал. Извините... э-э-э месье Шовелен, я вас и не заметил...

И он протянул пару белых гибких пальцев Шовелену, вставшему при появлении сэра Перси.

– Так ты идешь, д'рагая?

– Ш-ш-ш ш-ш-ш... тише! – сердито зашипели со всех сторон.

– Чертовское нахальство, прокомментировал сэр Перси с улыбкой.

Маргарита нервно вздохнула. Ее последняя надежда рухнула окончательно. Она завернулась в свою накидку и, не глядя на мужа, взяла его под руку.

– Я готова ехать.

В дверях ложи она обернулась и посмотрела прямо на Шо-

велена, который со своей *chapeau-bras*⁷ под мышкой и с любопытствующей улыбкой на тонких губах готовился последовать за этой странной, несуразной парой.

– Всего лишь *au revoir*⁸, Шовелен, – игриво сказала она, – мы с вами увидимся у лорда Гренвиля на балу, и очень скоро.

Проницательный француз явно прочел в ее глазах что-то, доставившее ему глубокое удовлетворение, потому что, взяв с саркастической улыбкой маленькую щепотку табака и отряхнув жабо, он радостно потер свои костлявые ручки.

⁷ Шапо-бра (фр.) – вид шляпы.

⁸ До свидания (фр.).

Глава XI

Бал у лорда Гренвиля

Исторический бал, который давал государственный секретарь иностранных дел лорд Гренвиль, явился наиболее блистательным событием года. Несмотря на то, что осенний сезон был только в самом начале, каждый, кто хотя бы что-нибудь из себя представлял, стремился непременно оказаться в этот день в Лондоне, чтобы блеснуть на балу с возможной для себя выгодой.

Его королевское высочество принц Уэльский обещал присутствовать. Он собирался приехать прямо из театра. А сам лорд Гренвиль, прослушав первые два акта «Орфея», стал готовиться к встрече гостей. В десять часов, необычно позднее для тех дней время, парадные залы министерства иностранных дел, изысканно украшенные экзотическими цветами и пальмами, были переполнены. Нежные звуки менуэта мягко аккомпанировали веселой болтовне и радостному смеху многочисленной компании.

Хозяин стоял в маленькой прихожей, завершающей парадную лестницу. Утонченные мужчины, прекрасные женщины, знаменитости из всех европейских стран проходили мимо него, обмениваясь учтивыми, по экстравагантной моде того времени, поклонами и реверансами, после чего, смеясь и болтая, рассыпались по бальным или приемным залам и

комнатам для игры в карты.

Сбоку от лорда Гренвиля, облокотясь на консольный столик, в безупречном черном костюме стоял Шовелен, спокойно посматривая на текущий мимо поток бриллиантов. Он видел, что сэр Перси и леди Блейкни еще не прибыли, и его пронизательные водянистые глазки впивались в каждого вновь прибывшего.

Он стоял несколько обособленно, поскольку послу республиканского правительства Франции трудно было рассчитывать в Англии на популярность, особенно после того, как через Канал стали просачиваться слухи о кошмарной сентябрьской резне.

Как лицо официальное, он был принят английскими коллегами вполне учтиво; мистер Питт пожал ему руку, а лорд Гренвиль беседовал с ним более одного раза. Однако узкие круги лондонского общества игнорировали его; женщины открыто поворачивались к нему спиной, мужчины, не занимавшие ответственных официальных постов, отказывались подать руку.

Но Шовелен был не из тех, кто беспокоится по поводу всех этих «общественных нежностей», как он их классифицировал в своей дипломатической практике. Он был слепо предан революционному делу, разоблачал всяческие социальные неравенства, горел любовью к своей стране – три страсти делали его совершенно индифферентным к брани, которая ему выпадала в туманной, благопристойной, старо-

модной Англии.

А кроме того, Шовелен лелеял заветную мечту. Он был твердо уверен в том, что французские аристократы – злейшие враги Франции, и потому жаждал полного их истребления. Во времена господства Королевы Террора он пропагандировал страшный афоризм: поскольку головы их все равно пусты, лучше всего отсечь их одним ударом гильотины. Поэтому он смотрел на всех французских аристократов, которым удалось спастись, как на воров, непозволительно обкрадывающих гильотину. Да еще эти роялисты-эмигранты – едва только выберутся из страны, как сразу стараются возбудить негодование против Франции. В Англии, в Бельгии, в Голландии раскрывались бесконечные заговоры с целью поднять войска и послать их на революционный Париж, чтобы освободить короля Людовика и перевешать всех кровожадных вождей чудовищной республики.

Так что нет ничего удивительного в том, что таинственная и романтическая персона Сапозок Принцессы стала предметом острой ненависти Шовелена. Этот мифический предводитель и небольшая группа дерзких молодцов под его командой, хорошо обеспеченных деньгами, вооруженные беспредельной дерзостью и хитроумной ловкостью, весьма преуспевали в спасении сотен французских аристократов. Девять из каждого десятка эмигрантов, обласканных при английском дворе, спасением были обязаны этому человеку и его лиге.

Шовелен поклялся своим друзьям в Париже, что непременно узнает подлинное имя вездесущего англичанина и доставит его во Францию, а затем... Он испустил глубокий вздох удовлетворения при одной мысли о том, что увидит, как эта загадочная голова падает от ножа гильотины ничуть не хуже, чем головы других.

Вдруг на роскошной лестнице произошло некоторое смятение, все разговоры на мгновение прекратились, и снаружи раздался голос мажордома.

– Его королевское высочество принц Уэльский со свитой! Сэр Перси Блейкни! Леди Блейкни!

Лорд Гренвиль быстро направился к дверям встречать высоких гостей.

Принц Уэльский, одетый в роскошный придворный костюм из бархата цвета лососины, богато украшенный золотом, вошел под руку с Маргаритой Блейкни. Слева шествовал сэр Перси в грандиозном переливающимся при свете костюме кремового цвета из лучшего атласа, пошитого в необычном стиле, с великолепными ненапудренными волосами, с бесценными кружевами на шее и на запястьях и с шапо-бра под мышкой.

После нескольких ритуальных слов приветствия лорд Гренвиль сказал своему королевскому гостю:

– Разрешит ли ваше высочество представить месье Шовелена, доверенного представителя французского правительства?

Шовелен подошел поближе. Он очень низко поклонился, в то время как принц ответил на это лишь коротким кивком головы.

– Месье, – холодно произнес его королевское высочество, – мы попытаемся забыть то правительство, которое вас послало, и видеть в вас лишь нашего гостя, простого джентльмена из Франции. И только тогда мы приветствуем вас, месье.

– Монсеньор, – сказал Шовелен, кланяясь еще раз. – Мадам, – добавил он с церемонным поклоном Маргарите.

– А, мой милый Шовелен, – сказала она с безучастным весельем, протягивая ему свою маленькую ручку. – Месье и я – старые друзья, ваше высочество.

– О, тогда, – уже более вежливо сказал принц, – мы приветствуем вас вдвойне, месье.

– Есть еще кое-кто, кого я обещал представить вашему королевскому высочеству, – прервал их лорд Гренвиль.

– Ах, но кто это? – спросил принц.

– Графиня де Турней де Бассерив с семьей, они только что прибыли из Франции.

– Ради всего святого! Да они просто счастливики. Лорд Гренвиль повернулся, отыскивая глазами графиню, которая в это время сидела в другом конце зала.

– Помилуй Бог, – шепнул его королевское высочество Маргарите, как только увидел эту холодную фигуру старой леди. – Помилуй Бог, она очень добродетельна и очень пе-

чальна на вид.

– Видите ли, ваше королевское высочество, – с улыбкой ответила Маргарита. – Добродетель – как благоухающий цветок: он более ароматен, когда сломлен.

– Добродетель, увы, – вздохнул принц, – вещь, которая меньше всего подходит вашему прекрасному полу, мадам.

– Госпожа графиня де Турней де Бассерив, – сказал лорд Гренвиль, представляя даму.

– Очень рад, мадам. Мой отец, король, всегда рад приветствовать тех из ваших соотечественников, кого Франция отринула от своих берегов.

– Ваше королевское высочество всегда так учтивы, – ответила графиня задумчиво. Затем, представляя свою дочь, покорно стоящую рядом, сказала: – Моя дочь Сюзанна, монсеньор.

– А, прелестно, прелестно, – ответил принц. – Теперь позвольте, графиня, представить вам леди Блейкни, которая делает нам честь своей дружбой Вам и ей, клянусь, есть много что сказать друг другу. Каждого соотечественника леди Блейкни ради нее мы приветствуем вдвойне... Ее друзья – наши друзья... Ее враги – враги Англии.

После этого изящного спича голубые глаза Маргариты весело заблестели. Графиня де Турней, так чудовищно оскорбившая ее недавно, получила публичный урок, и это не могло не доставить радости Маргарите. Однако графиня, для которой почтение к королевскому достоинству было почти ре-

лигией, слишком хорошо была вышколена придворным этикетом, чтобы выказать хотя бы тень замешательства. В результате обе дамы обменялись грациозными реверансами.

– Его королевское высочество всегда очень учтив, мадам, – скромно сказала Маргарита, в то время как в глазах ее светилось злорадство. – Впрочем, здесь нет необходимости в его благожелательном посредничестве... Ваше дружеское расположение во время нашей последней встречи навсегда запомнится мне своей теплотой.

– Мы – бедные изгнанники, мадам, – ответила равнодушно графиня, – доказываем Англии нашу благодарность послушанием воле монсеньора.

– Мадам, – сказала Маргарита с новым церемонным реверансом.

– Мадам, – отпарировала графиня столь же достойно.

Тем временем принц сделал несколько любезных комплиментов виконту.

– Рад познакомиться с вами, месье виконт. Я хорошо знал вашего отца, когда он был послом в Лондоне.

– Ах, монсеньор, – ответил виконт, – я тогда был еще совсем мальчиком... А теперь я обязан чести видеть вас нашему покровителю – Сапожку Принцессы.

– Тс-с, – остановил его принц, заметив стоящего неподалеку Шовелена, с саркастической улыбкой на тонких губах поглядывающего на Маргариту и графиню.

– Что вы, монсеньор, – сказал тот в свою очередь, отвечая

на выпад принца. – Прошу вас, не мешайте юноше изливать свою благодарность; имя упомянутого им красного цветка хорошо известно и мне, и Франции.

Принц несколько мгновений пристально смотрел на него.

– В таком случае, месье, – сказал он, – может быть, вы знаете о нашем национальном герое даже больше, чем мы... Возможно, вы даже знаете, кто он... Посмотрите! – добавил он, указывая на гостей, находящихся в комнате. – Дамы повиснут у вас на шее, и вы окажетесь самым популярным человеком у прекрасного пола, если сможете удовлетворить их любопытство.

– Ах, монсеньор, – сказал Шовелен многозначительно. – Во Франции говорят, что ваше высочество сами могли бы дать, если бы захотели, исчерпывающую информацию об этом загадочном придорожном цветке.

Говоря это, он бросал короткие проницательные взгляды на Маргариту. Но на ее лице не отразилось никаких эмоций, и она выдержала его взгляд совершенно спокойно.

– Нет, сударь, – ответил принц, – уста мои запечатаны... Члены лиги так ревностно берегут своего шефа, что его горячим поклонникам приходится обожать тень. У нас в Англии, месье, – добавил он с великолепным шиком и величием, – при одном только упоминании имени Сапожка Принцессы щеки всех загораются ярким румянцем. Никто, за исключением верных лейтенантов, не видел его. Мы не знаем – высокий он или нет, темный или светлый, красавец или

урод. Мы знаем только, что он – самый смелый джентльмен в мире, и не без гордости сознаем, месье, что он англичанин.

– Ах, месье Шовелен, – вставила Маргарита, вызываясь глядя в бесстрастное лицо сфинкса. – Его королевское высочество должен добавить, что мы, дамы, воспринимаем его как героя древности... Мы обожаем его... Мы носим его знак... Мы беспокоимся за него, когда он в опасности, и радуемся вместе с ним в час его торжества.

Шовелену ничего более не оставалось, как изящно поклониться и принцу, и Маргарите. Он понял, что оба говорили намеренно, выражая этим – каждый по-своему – презрение или браваду. Баловень удовольствий, праздный принц не представлял для дипломата загадки; а красивая женщина, носившая в золотистых волосах веточку красных рубиновых и бриллиантовых цветочков, была у него в руках. Он мог позволить себе молчать и ожидать дальнейших событий.

Натянутый и глуповатый смех неожиданно прервал наступившую тишину.

– А нам, бедным мужьям, – донеслось манерное растянутое замечание великолепного сэра Перси, – нам остается только молча стоять рядом, глядя, как наши жены обожают эту проклятую тень!

Все засмеялись, и принц громче всех. Возникшее было напряжение разрядилось, снова все весело заболтали, и праздничная толпа, смешавшись, хлынула в залы.

Глава XII

Записка

Состояние Маргариты было мучительным. Несмотря на то, что она болтала и смеялась, что она была в центре внимания более, чем любая другая дама на этом балу, Маргарита чувствовала себя осужденной на казнь, последний день жизни на этой земле.

Нервы ее были в постоянном напряжении, усилившемся стократно в тот небольшой промежуток между оперой и балом, который она провела наедине с мужем. Маленький луч надежды на то, что она сможет найти в этом добродушном ленивом увальне ценного советчика и друга, растаял столь же быстро, как и возник, когда они остались одни. Чувство, подобное добродушному презрению, которое испытывают обычно к животному или к верному слуге, заставило ее отвернуться от человека, который должен был стать ее моральной поддержкой в страшном испытании, выпавшем на ее долю. Он должен был стать холодным рассудком, столь необходимым в то время, как ее женское сердце разрывалось на части. То она думала о брате, находившемся теперь далеко и в смертельной опасности, то о том ужасе, на который толкал ее Шовелен в обмен на спасение Армана.

Вот он стоит, этот холодный рассудок, эта моральная поддержка, окруженный толпой бездарных, пустоголовых фа-

тов, передающих из уст в уста, с понимающими улыбками, корявый куплет, который он только что выдал.

Повсюду царил абсурд; глупая болтовня окружала несчастную женщину, казалось, люди уже не знают, о чем говорить, — даже принц со смехом спросил ее, оценила ли она последние поэтические потуги своего мужа.

— Написано при завязывании галстука! — объявил сэр Перси своим обожателям, толпой стоявшим вокруг него:

Сами ищем там и тут,
И французы не найдут
То ли дьявол, то ли Бог
Чертов этот Сапожок!

Bon mot⁹ сэра Перси полетела по комнатам. Принц был очарован. Он поклялся жизнью, что без Блейкни мир выглядел бы высохшей пустыней. После чего, взяв под руку, увлек его в другую комнату, обрекая на затяжную игру в кости.

Сэр Перси, чьи наивысшие интересы при посещении людных мест большей частью концентрировались около карточных столов, обычно позволял жене танцевать, флиртовать, радоваться или печалиться, сколько ей будет угодно; так было и сейчас: выдав свою bon mot, он оставил Маргариту в толпе старых и молодых поклонников, очевидно, всем своим видом пытаясь ей доказать, что все его большое и ленивое

⁹ Острота (фр.).

существо не имеет достаточного количества мозгов для появления мысли о возможности каких-либо «матримониальных» поползновений со стороны «умнейшей женщины Европы».

Тем не менее ее натянутые нервы, возбуждение и беспокойство лишь придавали ей больше очарования. Сопровождаемая толпой мужчин разных наций и возрастов, она удостоилась множества восторженных восклицаний от всех, на кого падал ее взгляд. Она более не утруждала себя мыслями. Юность, проведенная среди богемы, наложила на ее восприятие мира печать фатализма. Ей представлялось, что события происходят сами собой и управление ими не в ее власти. Она знала, что от Шовелена пощады ждать нечего. Он назначил цену за голову Армана и предоставил ей решать, платить или нет.

Несколько позднее Маргарита наконец увидела сэра Эндрю Фоулкса и лорда Энтони Дьюхерста, которые, очевидно, только что прибыли. Она видела, что сэр Эндрю Фоулкс первым делом подошел к Сюзанне де Турней, и только после этого оба молодых человека уединились в одной из глубоких оконных ниш, где вели долгий разговор, который, судя по их виду, был серьезным, но приятным. Оба щеголя выглядели несколько уставшими и озабоченными, хотя одеты были безупречно, и во всем их изысканном поведении не было видно, что они чувствовали тень нависшей над ними и над их предводителем катастрофы.

То, что лига Сапожка Принцессы не собирается отказываться от своих намерений продолжать дело, Маргарита слышала от Сюзанны, которая свято верила, что граф де Турней будет вывезен из Франции буквально в ближайшие дни. Глядя на блестящую фешенебельную толпу в празднично освещенной бальной зале, она стала смутно соображать, кто бы из этих светских львов мог оказаться таинственным Сапожком Принцессы, державшим в своих руках нити столь рискованных предприятий и судьбы многих людей.

Любопытство разбирало ее все сильнее, ей и в самом деле хотелось узнать, кто он, хотя раньше она, слыша о нем месяцами, принимала и оправдывала его анонимность, как и все в обществе. Но теперь ей вдруг захотелось узнать, уже не из-за Армана и не из-за Шовелена, а ради самой себя, ради бесконечного восхищения, которое вызывали в ней его доблесть и мужество.

Безусловно, он был где-то здесь, на балу, поскольку сэр Эндрю Фоулкс и лорд Энтони Дюхерст прибыли сюда в надежде встретить его и, может быть, получить новое *mot d'ordre*¹⁰.

Маргарита оглядела всех вокруг: аристократические нормандские лица, с прекрасными волосами – саксонские, более изящные и оригинальные – кельтского происхождения, – кто из них обладает этой волей, ловкостью, энергией, позволяющими держать в своей власти небольшую группу высокород-

¹⁰ Приказание (фр.).

ных джентльменов, среди которых, по всеобщему поверью, был даже сам его королевское высочество.

Сэр Эндрю Фоулкс? Конечно же, нет; эти мягкие голубые глаза, смотревшие так кротко и страстно вслед маленькой Сюзанне, уведенной от желанного *têt-a-têt*¹¹ непреклонной матерью. Маргарита через всю комнату видела, как он, отвернувшись со вздохом, остался стоять бесцельно и одиноко, пока изящная фигурка Сюзанны не растворилась в толпе. Она видела, как он добрел до двери, ведущей в небольшой будуар за залой, остановился, подождал чего-то, прислонившись к косяку, все еще беспокойно осматриваясь вокруг.

Маргарита на мгновение задумалась, как избавиться от привязавшегося кавалера; затем направилась к дверям, находящимся напротив тех, которые подпирал сэр Эндрю. Затем ей захотелось подойти поближе к нему, зачем, она и сама не знала. Возможно, ее гнала та самая всевластная фатальность, которая столь часто руководит человеческими поступками.

Вдруг она остановилась; сердце ее замерло, глаза на миг возбужденно сверкнули, и она быстро пошла обратно. Сэр Эндрю Фоулкс продолжал все так же равнодушно стоять у двери, но Маргарита видела точно, что лорд Гастингс, молодой балагур, приятель ее мужа, а также один из приближенных принца, быстро и легко проходя мимо Фоулкса, что-то сунул ему в руку.

¹¹ Свидание (фр.).

Однако смятение Маргариты продолжалось всего несколько мгновений, она остановилась, затем быстро повернулась и с великолепно сыгранным безразличием пошла к тем дверям, за которыми только что исчез сэр Эндрю. С того момента, как она видела его прислонившимся к двери, до того, как она последовала за ним в маленький будуар, не прошло и минуты. Судьба обычно стремительна, когда делает свой ход.

Теперь леди Блейкни больше не существовало, осталась лишь Маргарита Сен-Жюст. Та самая Маргарита Сен-Жюст, которая провела детство и раннюю юность под бережной опекой своего брата Армана. Она забыла все: и свое положение, и свое величие, и свое тайное восхищение, – все, кроме того, что жизнь Армана в опасности и что там, менее чем в двадцати футах от нее, в руках у сэра Эндрю находится нечто, что, может быть, спасет жизнь брата.

С того момента, как сэр Эндрю получил это нечто от лорда Гастингса, до того, как она достигла заветного будуара, прошло не более тридцати секунд. Сэр Эндрю стоял к ней спиной около столика с массивным серебряным канделябром. В руках он держал маленький листок бумаги, чтением которого и был полностью поглощен.

Тихо и незаметно, стараясь не шуршать платьем, даже не дышать, Маргарита проскользнула по тяжелому ковру за спину Фоулкса... Но в этот момент он обернулся и увидел ее. Она, проведя рукой по лбу, почти простонала:

– В зале ужасно душно... Я боюсь упасть в обморок... Ах...

Она пошатнулась, будто и в самом деле собираясь упасть, сэр Эндрю, опомнившись, быстро скомкал листок, который читал, и только-только успел подхватить ее.

– Леди Блейкни, вам плохо? – спросил он с беспокойством. – Позвольте мне...

– Нет, нет, ничего. Стул, скорее, – быстро прервала она.

Она почти упала на пододвинутый стул, откинула назад голову и закрыла глаза.

– Сейчас, – все еще слабо бормотала она, – это пройдет... Не обращайтесь внимания, сэр Эндрю, уверяю вас, скоро мне станет лучше...

В подобные моменты, как известно, и физиологи это доказывают, в нас возникают чувства, ничего общего не имеющие с пятью обычными. Мы не то чтобы видим, слышим или прикасаемся к чему-то, а будто бы делаем все это сразу, одновременно. Маргарита сидела с закрытыми глазами, сэр Эндрю был сзади, а справа находился столик с канделябром в пять свечей. Перед ее мысленным взором не было ничего, кроме лица Армана. Арман, чья жизнь теперь была в смертельной опасности, и он, казалось, глядел на нее издалека, из туманной дымки, в которой угадывались кипящие толпы Парижа, обнаженные стены Комитета общественной безопасности с ужасным общественным обвинителем Фуке-Тенвилем и мрачная гильотина с поднятым в ожидании новой

жертвы кровавым ножом... Арман!..

На мгновение в будуаре воцарилась мертвая тишина. Сладкие звуки гавота, шуршание богатых одежд, разговоры и смех большой веселой толпы доносились откуда-то извне, из блестящей бальной залы, проникая в эту комнатку странным чарующим аккомпанементом к разыгравшейся драме.

Сэр Эндрю продолжал молчать. Чувство, овладевшее Маргаритой Блейкни, буквально нависло над комнатой. Она не могла видеть, так как глаза ее были закрыты, не могла слышать, так как шум из бального зала заглушал мягкий шелест листочка бумаги в руках молодого человека. Тем не менее она знала так же точно, будто и видела и слышала, что сэр Эндрю теперь подносил листок к пламени свечи. Она открыла глаза, подняла руку и двумя изящными пальцами выхватила этот клочок из руки молодого человека как раз в тот момент, когда пламя уже коснулось его.

Маргарита задула огонь и с совершенным равнодушием поднесла бумажку к своему носу.

– Как вы заботливы, сэр Эндрю, – весело сказала она, – признайтесь, это ваша бабушка научила вас, что лучшее средство от головокружения – запах горящей бумаги.

Она удовлетворенно вздохнула, цепко держа листочек в своих украшенных драгоценностями пальцах; это было то самое нечто, что, возможно, спасет жизнь ее брата Армана.

Сэр Эндрю, совершенно ошарашенный, уставился на нее, пытаясь сообразить, что происходит. Он был настолько

удивлен, что даже забыл о самом главном – от листочка, который она держала в своей красивой руке, быть может, зависела жизнь его товарища.

Маргарита расхохоталась весело и безудержно.

– Что вы на меня так странно смотрите? – игриво сказала она. – Уверяю вас, мне теперь стало гораздо лучше. Ваше средство оказалось весьма эффективным. Кроме того, в этой комнате такая бодрящая свежесть, – добавила она совершенно спокойно. – А гавот в зале звучит так прелестно и нежно...

Маргарита продолжала в том же духе, легко и беззаботно, в то время как сэр Эндрью лихорадочно пытался сообразить, как бы половчее забрать свой маленький листок бумаги из рук этой красивой женщины. В уме его проносились смутные и мятежные мысли по поводу ее национальности и, что еще страшнее, по поводу той ужасной сказочки, истории с Сен-Сиром, которой в Англии, из уважения к сэру Перси и его жене, никто не верил.

– Что, вы все еще не опомнились? – весело продолжала она. – Где же ваша галантность?

Мне уже начинает казаться, что вы не столько обрадовались моему приходу, сколько испугались его. Теперь я даже уверена, что это не связано ни с моим здоровьем, ни с рецептами вашей бабушки... Клянусь, это, скорее всего, последнее жестокое любовное послание вашей дамы, которое вы хотели бы уничтожить. Признавайтесь же, – играя листоч-

ком, смеялась она. — Может быть, здесь ее последнее *songe*¹² или призыв к примиряющему поцелую?

— Что бы там ни было, леди Блейкни, — сказал он, все больше теряя самообладание, — этот листок — мой, вне всяких сомнений, и...

И, уже совершенно не думая о том, как будут выглядеть его действия по отношению к леди, яростно бросился отнимать листочек, но Маргарита соображала быстрее, ее движения в результате столь длительного напряжения были уверенны и точны. Она была высокой и сильной; быстро отступив назад, она толкнула тяжелый шератоновский столик, массивная столешница которого с грохотом полетела на пол, увлекая за собой канделябр. Маргарита испуганно вскрикнула:

— Свечи, сэр Эндрю, быстрее.

Впрочем, большой беды не случилось: пара свечей, падая, погасла, а остальные лишь забрызгали воском роскошный ковер, да от одной свечи вспыхнул бумажный абажур. Сэр Эндрю быстро и ловко потушил огонь и поставил канделябр обратно на стол, это заняло всего несколько секунд, которых тем не менее хватило Маргарите, чтобы быстро просмотреть содержание бумажки: около дюжины слов, написанных уже виденным ею измененным почерком, и тот же нарисованный красными чернилами звездообразный цветок.

Когда сэр Эндрю вновь посмотрел на нее, он мог заме-

¹² Разрешение на уход (фр.).

тить лишь тревогу по поводу происшедшего и радость, что все обошлось благополучно, а маленькая записка совершенно спокойно скользнула на пол. Молодой человек поспешно схватил ее и испытал глубочайшее облегчение, ощутив наконец клочок в своей руке.

– Стыдно, сэр Эндрю, – сказала Маргарита, покачивая головой и игриво вздыхая. – Сводите с ума какую-нибудь впечатлительную герцогиню и в то же время добиваетесь внимания моей маленькой нежной Сюзанны. Да, да, я уверена, что рядом с вами стоял сам Купидон, угрожая спалить все министерство иностранных дел, лишь бы я выронила это любовное послание, не успев посмотреть, что в нем, своими нескромными глазами. Подумать только, еще мгновение, и я могла бы узнать секреты какой-нибудь шаловливой герцогини!

– Надеюсь, вы простите меня, леди Блейкни, – сказал уже окончательно успокоившийся сэр Эндрю, – если я продолжу то развлечение, от которого вы оторвали меня?

– Ради Бога, сэр Эндрю, я не буду еще раз рисковать и перечить богу Любви. Он и так, быть может, придумает для меня ужасное наказание за мои мысли. Жгите, жгите ваше свидетельство любви, ради Бога.

Сэр Эндрю уже скатал листок в трубочку и вновь поднес к горящей свече. Он не видел несколько странной улыбки на лице своей vis-a-vis¹³, поглощенный важным делом уни-

¹³ Визави – человек, находящийся напротив (фр.).

чтожения записки; если бы он заметил ее, то от его спокойствия не осталось бы и следа. Он наблюдал, как скручивается в огне эта записка – вершительница судеб. Вот последний клочок, испепеляясь, упал, и он припечатал его каблуком к коври.

– А теперь, сэр Эндрю, – со свойственным ей очаровательным безразличием и самой обезоруживающей улыбкой сказала Маргарита Блейкни, – не рискнете ли вы подразнить ревность вашей дамы, пригласив меня на менуэт?

Глава XIII

Или-или

Те несколько слов, которые Маргарите удалось прочесть на обгоревшем листке бумаги, казались написанными самой судьбой. «Выезжаю завтра сам...» – это она видела совершенно отчетливо. Дальше копоть от свечи часть текста скрыла. Но внизу была еще одна фраза, стоящая теперь огненными буквами перед ее мысленным взором: «Если вы хотите еще раз говорить со мной, я буду ровно в час ночи в столовой». Под текстом был наспех нацарапан маленький звездобразный цветок, уже хорошо знакомый Маргарите.

Ровно в час! Было почти одиннадцать. Звучал последний менуэт, в котором сэр Эндрю Фоулкс и прекрасная леди Блейкни проводили пары через все его изящные и замысловатые фигуры.

Почти одиннадцать! Стрелки часов в стиле Людовика XV на бронзовой подставке, казалось, ползли безумно медленно. В течение двух часов ей предстоит решить – или она сохранит столь ловко добытую информацию при себе и тем самым предоставит брата его собственной судьбе, или же она вполне осознанно предаст храбреца, доверившего свою жизнь друзьям, благородного, великодушного и, более того, ни о чем не подозревающего. Это казалось ужасным!

Но с другой стороны – Арман! Арман тоже был благоуро-

ден и храбр, он тоже ни о чем не подозревал. Кроме того, Арман любил ее, он, не задумываясь, доверил ей свою жизнь, и вот теперь, когда есть возможность спасти его, она колеблется. О, это чудовищно! Доброе и нежное лицо брата, переполненное любовью, казалось, глядит на нее с упреком. «Ты могла спасти меня, Марго, – будто бы говорил он. – А ты предпочла жизнь незнакомца, человека, которого не знаешь, которого никогда не видела; ты предпочла спасти его, а меня посылаешь на гильотину!»

Все эти противоречивые мысли проносились в голове Маргариты, в то время как она, улыбаясь, преодолевала изыщные лабиринты менуэта. Она отметила свойственным ей острым чутьем, что вполне преуспела в рассеянии страхов сэра Эндрю. Самоконтроль ее был абсолютно точен. В этом менуэте она была более превосходной актрисой, чем когда-либо на подмостках «Комеди Франсез»; тогда от ее театральных успехов не зависела жизнь брата. Ей хватило ума, чтобы не переусердствовать в своей партии, и она не делала больше намеков на предполагаемое *billet deux*¹⁴, из-за которого сэр Эндрю Фоулкс едва ли не целых пять минут трясся, как в лихорадке. Она видела, что его беспокойство растаяло в ее солнечной улыбке, а при последних тактах менуэта окончательно убедилась: если у сэра Эндрю и оставались еще какие-то сомнения, то теперь они рассеялись без остатка. Для него так и осталось тайной, в каком горячечном воз-

¹⁴ Любовное письмо (фр.).

буждении она находилась и каких усилий стоило ей поддерживать ниточку банального разговора.

Когда менуэт закончился, Маргарита попросила сэра Эндрю проводить ее в соседнюю комнату.

– Я обещала спуститься к ужину с его королевским высочеством, – сказала она. – Но прежде, чем мы расстанемся, скажите... Я прощена?

– Прощены?

– Да, ведь я напугала вас, признайтесь... Но вы же знаете, я не англичанка и не вижу в обмене *billet deux* никакого преступления. Кроме того, клянусь, я ничего не скажу моей маленькой Сюзанне. А теперь ответьте, могу ли я пригласить вас к себе на вечер в среду?

– Я не уверен, леди Блейкни, – уклончиво сказал он, – завтра я могу покинуть Лондон.

– Если вас не будет, я отложу вечер, – настойчиво продолжала она. Затем, увидев промелькнувшую в его глазах озабоченность, добавила весело: – Никто лучше вас не умеет кидать мяч, сэр Эндрю. Нам так будет не хватать вас на нашей площадке.

Он провел ее через всю комнату к выходу, где леди Блейкни уже ожидал его королевское высочество.

– Мадам, ужин ждет нас, – сказал принц, предлагая Маргарите руку. – Я полон надежды: богиня Фортуны столь упорно сердилась на меня при игре в кости, что я с упованием ожидаю улыбок богини Красоты.

– Ваше высочество были несчастливы за карточным столом? – заинтересовалась Маргарита, беря принца под руку.

– О, очень, ужасно несчастлив! Блейкни, который и так все время ворчит, что он самый богатый из всех подданных моего отца, страшно везуч в игре. Кстати, как это он там так неподражаемо сострил? Клянусь жизнью, мадам, мир выглядел бы высохшей пустыней без ваших улыбок и его остроумия!..

Глава XIV

Ровно в час

Ужин был чрезвычайно веселым. Все присутствующие сошлись в том, что никогда еще леди Блейкни не выглядела столь прекрасной, а сэр Перси, этот «проклятый идиот», настолько потешным. Его королевское высочество до слез смеялся над глуповатыми, но быстрыми и смешными ответами Блейкни. А его корявое стихотворение «Сами ищем там и тут...» было даже спето на мотив песни «Эй, веселые британцы...», под аккомпанемент громкого стука стаканов. Кроме того, у лорда Гренвиля была великолепная кухня – некоторые шутники даже уверяли, что ему, отпрыску старого французского *noblesse*¹⁵, пришлось, утратив свое состояние, искать удачи в *cuisine*¹⁶ министерства иностранных дел.

Маргарита Блейкни была в самом блестящем расположении духа, и ни одна душа в этой переполненной комнате даже не подозревала о той страшной борьбе, которая происходила в ее сердце. Часы безжалостно отсчитывали минуты. Было уже далеко за полночь, и даже принц Уэльский подумывал – не пора ли покинуть застолье. Оставалось менее получаса до того, как судьбы двух смелых людей будут противопоставле-

¹⁵ Дворянство (фр.).

¹⁶ Кухня (фр.).

ны друг другу – горячо любимый брат и безвестный герой.

Маргарита в течение этого последнего часа даже не пыталась увидеть Шовелена; она знала, его пронизательные ли-сьи глазки сразу же напугают ее, и чаша весов склонится в сторону Армана. А пока она его не видела, в самой глубине сердца продолжала теплиться смутная, неистребимая надежда, что кто-то появится, кто-то великий, огромный, созданный на века, и снимет с ее слабых молодых плеч эту страшную ношу ответственности, эту необходимость выбирать одно из двух одинаково жестоких решений. Но минуты идут и идут, нудно и монотонно, будто забирая все на себя.

После ужина танцы возобновились. Его королевское высочество отбыл, и среди гостей пожилого возраста тоже зашел разговор об отъезде. Только молодежь по-прежнему была неутомима и затеяла новый гавот, который и заполнил следующие четверть часа.

Маргарита не могла более танцевать; есть предел даже очень крепкому самообладанию.

Сопровождаемая кабинет-министром, она вновь отправилась в тот маленький будуар, все такой же пустынный среди остальных комнат. Она знала, что Шовелен притаился где-то, ожидая первой же возможности для встречи *têt-a-têt*. Они встретились глазами всего один раз после менуэта, еще до ужина, и она поняла, что этот опытный дипломат прочитал своими водянистыми глазами, что работа уже имеет результаты.

Значит, так угодно судьбе. И Маргарита, раздираемая ужаснейшими противоречиями из всех, какие когда-либо выпадали женскому сердцу, полностью отдалась ее слепой власти. Все же Арман любой ценой Должен быть спасен, он в первую очередь, поскольку он – ее брат; он был ей и отцом, и матерью, и другом с тех пор, как они лишились родителей. Мысль о том, что Арман умрет смертью предателя на гильотине, была столь ужасной, что даже думать об этом было невозможно. Этого просто не может быть, не может!.. А что касается незнакомца, героя... Здесь пусть решит судьба. Маргарита вырвет жизнь брата из рук этого безжалостного врага, а ловкий и хитроумный Сапожок Принцессы пусть сам позаботится о своем спасении.

Маргарита смутно надеялась, что этот отчаянный заговорщик, столько времени водивший за нос целую армию шпионов, сможет провести и Шовелена, сможет и в этом случае остаться неуязвимым.

Все эти мысли проносились в ее голове в то время, как кабинет-министр, будучи в полной уверенности, что нашел наконец-то настоящего и внимательного слушателя, рассказывал ей некую весьма хитроумную историю. Вдруг она увидела проницательную лисью мордочку Шовелена, выглянувшую из-за портьеры в дверном проеме.

– Лорд Фанкурт, – сказала она министру. – Не могли бы вы оказать мне услугу?

– Весь в вашем распоряжении, – галантно ответил он.

– Не могли бы вы посмотреть, не ушел ли мой муж из карточной комнаты? Если он там, скажите ему, что я очень устала и была бы рада уехать домой пораньше.

Просьба красивой женщины – закон для любого мужчины, даже для кабинет-министра.

Лорд Фанкурт тут же готов был отправиться.

– Но мне не хотелось бы оставлять вас одну, – сказал он.

– Ничего, я здесь в совершенной безопасности, и, думаю, никто не потревожит меня... Я действительно устала. Вы знаете, что сэр Перси отправляется обратно в Ричмонд. Это далекий путь, а поскольку мы не спешим, мы не приедем домой раньше рассвета.

Лорд Фанкурт вынужден был повиноваться.

Только он исчез, как Шовелен проскользнул в дверь и в следующий миг уже спокойно и непринужденно стоял рядом с леди Блейкни.

– У вас есть новости для меня? – спросил он. Казалось, будто ледяной плащ неожиданно упал на плечи Маргариты. Несмотря на то, что щеки ее пылали огнем, тело охватил озноб, вся она словно окоченела. О, Арман, узнаешь ли ты когда-нибудь о той страшной жертве, – все: гордость, положение, женское достоинство – все забыто верной сестрой во имя твоего спасения.

– Ничего особенного, – сказала она, бездумно глядя перед собой. – Но это может оказаться путеводной нитью. Я смогла, не важно как, застать сэра Эндрю здесь, в этой са-

мой комнате, когда он жег на одной из этих свечей бумагу. Эту бумагу мне удалось на пару минут взять у него, и у меня было около десяти секунд, чтобы прочесть ее.

– Времени было достаточно, чтобы изучить содержание? – спокойно поинтересовался Шовелен.

Она кивнула и продолжила ледяным голосом:

– В углу был все тот же наскоро нацарапанный звездобразный цветок. Под ним я смогла прочесть две строчки, остальное сгорело или было запачкано копотью от свечи.

– И что это были за строчки?

У нее неожиданно перехватило дыхание. Она почувствовала вдруг, что не в состоянии произнести слов, которые, быть может, приведут неизвестного смельчака к смерти.

– Хорошо еще, что не вся бумага сгорела, – прибавил с сухим сарказмом Шовелен. – Положение Армана Сен-Жюста могло бы ухудшиться. Так что же это были за строчки, гражданка?

– Одна: «Выезжаю завтра сам...», – тихо сказала она. – Вторая: «Если вы хотите говорить со мной, я буду ровно в час ночи в столовой».

Шовелен бросил взгляд на часы, висевшие над камином.

– В таком случае, у меня еще уйма времени.

– Что вы собираетесь делать? – спросила она.

Маргарита была белой, словно статуя, руки заледенели, сердце бешено колотилось, гулко отдаваясь в голове. О, это ужасно, ужасно жестоко! Что она наделала! Ну и достанется

же ей по заслугам. Выбор сделан, и уже не важно – из подлых или возвышенных побуждений. Лишь один Ангел-хранитель, заполняющий книгу судеб, знает правду.

– Что вы собираетесь делать? – механически повторила она.

– О, в настоящий момент – ничего. Потом – посмотрим.

– На что?

– На того, кого увижу в столовой ровно в час ночи.

– Разумеется, вы увидите Сапожка Принцессы. Но вы же не знаете его.

– Нет. Но узнаю.

– Сэр Эндрью мог предупредить его.

– Не думаю. Когда вы расстались с ним после менуэта, он несколько мгновений смотрел на вас так, что было ясно – между вами что-то произошло. Так оно и было, не правда ли? После этого я задал себе задачку на сообразительность по поводу смысла этого «что-то». Для этого я вовлек молодого щеголя в дружелюбный затяжной разговор. Мы с ним обсуждали успех герра Глюка в Лондоне до тех пор, пока одна из дам не увела его ужинать.

– А дальше?

– Я не терял его из вида в течение всего ужина. Когда после ужина мы вновь поднимались по лестнице, леди Порталес взяла его за пуговицу и прошлась по поводу хорошенькой мадемуазель Сюзанны де Турней.

Сэр Эндрью целых четверть часа не мог ступить и шага,

и я уверен, что все эти пять минут, пока мы с вами говорим, леди Порталес продолжает изнурять его своим разговором.

Он приготовился уйти, но в дверях остановился, указав Маргарите на две фигуры в отдалении: сэр Эндрью Фоулкс действительно продолжал беседовать с леди Порталес.

– Я думаю, – сказал он с улыбкой триумфатора, – что я преспокойно увижу человека, которого ищу, в столовой, прекрасная леди.

– Он может оказаться там не один.

– Сколько бы их там ни оказалось, ровно в час ночи около каждого вырастет тень моего человека. Один из двоих, или даже троих, завтра отправится во Францию. Это и будет Сапожок Принцессы.

– Так. И?..

– Я тоже завтра отправлюсь во Францию, прекрасная леди. В бумагах, найденных в Дувре у сэра Эндрью Фоулкса, говорится о предместьях Кале, о харчевне «Серый кот», которую я хорошо знаю, и еще об одном уединенном местечке где-то на берегу – «хижине папаши Бланшара», которую я должен постараться найти. Все эти точки даны в виде ориентиров на пути к месту, где этот нахальный англичанин оставил изменника де Турней и других ожидать его эмиссаров. Но, судя по всему, он решил их не посылать, поскольку... «выезжаю завтра сам». Итак, одна из тех персон, которую я вот-вот увижу, отправится в Кале, я буду эту персону сопровождать до тех пор, пока мы не придем туда, где ждут его

беглые аристократы. Потому что эта персона, прекрасная леди, тот человек, о котором я думаю уже почти год, человек, чья сила превосходила мою, чья изобретательность обескураживала меня, чья отвага заставляла меня удивляться, меня – которого лишь один или два раза за всю жизнь удавалось перехитрить!

– А Арман? – спросила она.

– А разве я когда-нибудь не держал слова? Обещаю вам, что в тот же день, как Сапожок Принцессы и я отбудем во Францию, я пошлю вам это злосчастное письмо со специальным курьером. Более того, ручаюсь вам честью Франции, что в тот же день, в который я свяжу руки этому наглецу англичанину, Сен-Жюст будет в Англии, в объятиях своей очаровательной сестры.

И, еще раз взглянув на часы, с глубоким учтивым поклоном Шовелен вышел из комнаты.

Маргарите казалось, что, несмотря на шум и смех танцующих, она слышит его скользящие через пустую приемную шаги, слышит, как он спускается по массивной лестнице, достигает столовой и открывает дверь.

Судьба свершилась: она сказала, она сделала это подлое, гнусное дело ради спасения любимого брата. Маргарита тупо и неподвижно сидела, откинувшись на стул, будто видя еще перед собой фигуру безжалостного врага...

Когда Шовелен вошел в столовую, там никого не оказалось. У помещения был тот грустный, мишурный, покину-

тый вид, какой бывает обычно наутро после праздника. Стол был уставлен полупустыми стаканами, вокруг которых лежали грязные, скомканные салфетки, стулья стояли сдвинутыми по два, по три, казалось, здесь собрались побеседовать привидения. В дальнем углу комнаты стояли порознь несколько пар стульев, свидетельствовавших о недавнем игристом шепоте после паштета из дичи и ледяного шампанского; группы по три-четыре стула напоминали о приятном дружеском обсуждении недавних скандалов; были и просто стоявшие в ряд, чопорные, скептические, злобные, словно отставшие от моды вдовы; несколько было придвинуто прямо к столу — они рассказывали о гурманах, которые только и делали, что распознавали блюда; были и перевернутые на пол, эти многое могли бы порассказать о содержимом подвалов лорда Гренвиля.

Воистину, это напоминало визит призрака, нанесенный фешенебельному сборищу; того самого призрака, который так часто посещает дома, где даются балы и роскошные ужины. Это была скучная и бесцветная картинка, нарисованная белым мелком на сером картоне, ибо не оживляли более всего этого ни яркие шелковые платья, ни великолепно украшенные костюмы, а только свечи сонно мигали в серебряных канделябрах.

Шовелен мило улыбнулся и потер длинные тонкие ручки, оглядывая пустынную столовую, из которой ретировался даже последний лакей, спеша присоединиться к своим товари-

щам наверху. В этой полуосвященной комнате все было тихо, в то время как звуки гавота, гул отдаленного разговора и смех, шум подъезжающих снаружи карет, казалось, долетали в царство спящей красавицы, будто легкое бормотание каких-то призраков-оборванцев.

Все было таким мирным и беззаботным, что никакому прорицателю даже не пришло бы в голову то предназначение, которое досталось этой столовой, — стать западней для самого ловкого и храброго заговорщика из всех, кем когда-либо восхищался мир.

Шовелен размечтался, пытаясь угадать судьбу, которая через несколько мгновений должна будет здесь появиться.

Каким окажется тот человек, которого все вожди революции поклялись во что бы то ни стало предать смерти? Все представлялось каким-то неземным и загадочным: и его личность, так ловко скрываемая, и его власть, которой, по всей видимости, слепо и с восторгом подчинялись девятнадцать английских джентльменов, и та страстная любовь и обожание, которые он вызывал в своей маленькой вышколенной банде, а кроме всего, его необычайное мужество, бесконечная наглость, позволяющая дразнить своих непримиримых врагов прямо в стенах Парижа.

И ничего удивительного, что во Франции эта кличка таинственного англичанина вызывала суеверную дрожь в народе. Шовелен и сам, обходя пустынную комнату, где вот-вот должен был появиться необыкновенный герой, почув-

ствовал ползущий по спине холодок. Но планы его были выстроены надежно, и он чувствовал, что Сапожок Принцессы не предупрежден, а Маргарита Блейкни, вне всяких сомнений, его не обманула. Если же она сделала это... И жесткий взгляд, заставивший бы ее содрогнуться, промелькнул в проницательных водянистых глазках. Если она сделала это, Арман Сен-Жюст будет предан самому страшному наказанию.

Но, конечно же, нет. Конечно же, она не шутила с ним. И очень хорошо, что пусто в столовой, это упрощает задачу: если эта ничего не подозревающая загадка сюда войдет, то окажется в одиночестве, ведь здесь нет никого, кроме Шовелена.

Стоп! С довольной улыбкой оглядывая пустую комнату, хитроумный представитель французского правительства вдруг услышал мирное сопение одного из гостей лорда Гренвиля, который, должно быть, обильно и крепко откушав, самым естественным образом погрузился в глубокий сон, укрывшись от шумных танцев.

Шовелен вновь огляделся и увидел, что в темном углу комнаты на софе с закрытыми глазами и раскрытым ртом, сладко и мирно посапывая, примостился с краешку роскошнейший, весь в украшениях, длинноногий муж «умнейшей женщины в Европе».

Шовелен посмотрел, как кротко и безучастно лежит он здесь, в мире с самим собой и целым светом, после прекраснейшего ужина, и едва ли не сострадательная улыбка смяг-

чила на мгновение жесткие линии лица француза, несколько пригасив саркастический блеск его водянистых глаз.

Совершенно очевидно, что, погруженный в глубокую дрему, этот фат ничем не сможет испортить шовеленовской западни, в которой вот-вот должен очутиться отчаянный Сапожок Принцессы. Вновь довольно потеряв свои ручки, он последовал примеру Блейкни: вытянулся в уголке другой софы, закрыл глаза, раскрыл рот и, посапывая, стал ждать.

Глава XV

Сомнения

Маргарита Блейкни видела, как незаметно проскользнул Шовелен через большую залу, и усилием воли заставила себя ждать, в то время как все внутри у нее дрожало от напряжения.

Ни о чем более не думая, она продолжала сидеть в том же безлюдном будуаре, следя через полуприкрытые портьеры за танцующими парами ничего не видящими глазами, слушая музыку и не слыша ее, намеренно сохраняя в себе ощущение утомительной, надоедливой, но не решенной загадки. Мозг ее напрягся, пытаясь представить то, что происходит сейчас внизу. Полупустынная столовая, роковой час, Шовелен на страже, и вот, ровно в назначенное время, появляется человек – Сапожок Принцессы – таинственный предводитель, казавшийся Маргарите почти вымыслом, ибо так плотно было покрыто туманом его подлинное имя.

Ей тоже хотелось сейчас оказаться в столовой, чтобы увидеть, как он войдет. Она была уверена, что женским чутьем тотчас узнала бы в незнакомце, кем бы он ни был, героя, сильную личность, принадлежащую к племени вождей. Этого мощного, высоко парящего орла, опутанного силками хорька. Будучи женщиной, она была опечалена тем, что по иронии жестокой судьбы бесстрашный лев страдал от укусов

крысы. Ах, если бы ставкой была не жизнь Армана!..

– Боже мой, ваша честь может подумать, что я очень нерасторопен, – неожиданно услышала она рядом. – Однако при выполнении вашего поручения я столкнулся со множеством трудностей. Во-первых, я никак не мог найти Блейк-ни...

Маргарита уже забыла и о муже, и о своем поручении. Даже само его имя прозвучало из уст лорда Фанкурта как-то непривычно и незнакомо, поскольку в последние пять минут она погрузилась в свою прежнюю жизнь на улице Ришелье, где Арман постоянно находился рядом, любя и оберегая ее, защищая от множества мелких интриг, которыми изобиловал Париж в те дни...

– ...Во-вторых, я его наконец нашел и передал ваше поручение, на что он ответил, что тотчас же пошлет запрягать лошадей.

– Ах, – промолвила она все с тем же отсутствующим видом. – Вы разыскали моего мужа и передали ему мою просьбу?

– Да. Он был в столовой и спал как убитый. Сначала я все никак не мог разбудить его.

– Большое спасибо, – машинально поблагодарила она, пытаясь собраться с мыслями.

– Не окажете ли вы мне честь протанцевать со мной контрданс, пока не будет готова ваша карета? – спросил лорд Фанкурт.

– Нет, благодарю вас, милорд, простите, но я действительно очень устала. И духота в зале стала просто угнетающей.

– В оранжерее очень приятная прохлада, позвольте проводить вас туда и занять чем-нибудь. Вы, кажется, больны, леди Блейкни.

– Я просто очень устала, – ответила она утомленно, позволяя лорду Фанкурту проводить себя туда, где царил полумрак и благоухали увитые зеленью колонны. Он подвинул ей стул, на который она безвольно опустилась. Ожидание становилось непереносимым. Почему Шовелен не идет и не сообщает ей результаты?

Лорд Фанкурт был очень внимателен, она рассеянно слушала его и вдруг прервала резким вопросом:

– Лорд Фанкурт, припомните, кто был в столовой рядом с сэром Перси?

– Только представитель французского правительства, месье Шовелен, он спал в другом углу, – ответил он. – А почему вы спрашиваете?

– Не знаю... Я... А вы заметили, сколько тогда было времени?

– Должно быть, минут пять-десять второго... странно, о чем вы думаете? – добавил он, поскольку мысли леди были явно где-то далеко и она совершенно не слушала его рассуждений.

Однако на самом деле мысли ее витали в этом же доме, лишь этажом ниже, в столовой, где все еще находился

на страже Шовелен. Уж не проиграл ли он? Поначалу это вспыхнуло в ней как надежда, что Сапोजок Принцессы все же предупрежден сэром Эндрью и шовеленовские силки не смогли поймать птичку. Но надежда очень быстро сменилась страхом – уж не проиграл ли он? Но тогда – Арман?!

Лорд Фанкурт все еще продолжал занимать ее разговором, пока окончательно не убедился, что она не слушает его. Он стал искать повода удалиться, поскольку сидеть рядом с леди, пусть даже и прекрасной, но явно не обращающей внимания на самые отчаянные попытки развлечь ее, не представляет радости даже для кабинет-министра.

– Я пойду посмотрю, готова ли ваша карета, – наконец сообразил он.

– Благодарю, благодарю вас... Если вам не трудно... Боюсь, я составляю вам плохую компанию... Но я действительно очень устала... Пожалуй, мне будет лучше остаться одной.

Ей очень хотелось избавиться от него, казалось, что эта хитрая лиса Шовелен рыщет неподалеку, желая остаться с ней наедине. Но лорд Фанкурт ушел, а Шовелен так и не появился... Но что же случилось? Что же произошло? Она почувствовала, что чаши весов колеблются... Она теперь уже смертельно перепугалась: вдруг Шовелен проиграл на самом деле и таинственному Сапожку Принцессы вновь удалось остаться неуловимым. Она прекрасно знала, что в этом случае ей нечего ждать ни пощады, ни сострадания от смертель-

ного своего врага.

Он сказал свое «или-или», и ничто более не интересовало его. Зная его злобную натуру, она думала, что он начнет проверять, не обманула ли она его и не провалила ли сознательно поимку важной птицы, и тогда его месть непременно обрушится на кроткую жертву, на Армана, но Маргарита уже сделала все что могла, пожертвовав своей совестью ради брата. И мысль, что Шовелен проиграл, была ей невыносима.

Она не могла сидеть спокойно, лучше услышать все сразу; ей подумалось даже, что он специально так долго не идет, чтобы тем самым потешить свою мстительность.

Сказать ей, что карета готова и сэр Перси ждет ее с поводами в руках, пришел сам лорд Гренвиль. Маргарита попрощалась с гостеприимным хозяином. Когда она проходила через зал, множество знакомых подходило к ней, чтобы перекинуться несколькими словами и обменяться любезными *au revoir*. Последним наверху лестницы к ней подошел министр. Площадкой ниже ждала возможности попрощаться с королевой красоты и моды целая армия галантных кавалеров, в то время как снаружи под массивным портиком уже нетерпеливо била копытами роскошная четверка сэра Перси.

Прощавшись со всеми и находясь еще наверху лестницы, леди Блейкни неожиданно увидела Шовелена. Мягко потирая свои тонкие ручки, он поднимался наверх.

Его отчасти удивленная и совершенно озадаченная фи-

зиономия выглядела весьма любопытно, а проницательные глазки, встретившись с глазами Маргариты, сверкнули странным сарказмом.

– Месье Шовелен, – сказала она, когда дипломат, оставившись около нее, изысканно поклонился. – Карета уже ждет... Не проводите ли вы меня?

Галантный, как всегда, он подал ей руку и повел вниз, где уже собралась большая толпа; некоторые из гостей отъезжали, остальные, прислонившись к колоннам, посматривали на проходящих по лестнице.

– Шовелен, – наконец, отчаявшись, почти прошептала она. – Я должна знать, что произошло.

– Что произошло, милая леди? – сказал он с нарочитым удивлением. – Где? Когда?

– Вы терзаете меня, Шовелен... Я помогала вам сегодня... Значит, я имею право знать. Что произошло в столовой ровно в час ночи?

Она говорила очень тихо, в надежде, что среди этой гудящей толпы ее не услышит никто, кроме человека, идущего рядом.

– Повсюду царили мир и спокойствие, милая леди. Я спал на одной софе, сэр Перси спал на другой.

– И совсем-совсем никто не заходил в комнату?

– Никто.

– Значит, мы проиграли? Вы и я?

– Да, мы проиграли. И возможно...

– Но Арман? – вырвалось у нее.

– Жизнь Армана Сен-Жюста на волоске... Молите небо, милая леди, чтобы волосок оказался прочным.

– Шовелен, я работала на вас... по-настоящему, серьезно, не забывайте...

– Я помню свои обещания, – спокойно сказал он. – В тот день, когда Сапожок и я встретимся на французской земле, Сен-Жюст будет в объятиях своей очаровательной сестры.

– Иными словами, когда кровь храброго человека падет на мои руки, – сказала она, содрогнувшись.

– Его кровь или кровь вашего брата. Единственное, на что вам, как и мне, осталось надеяться, что этот таинственный Сапожок отправится в Кале сегодня.

– У меня осталась одна надежда, гражданин.

– И что это за надежда?

– Что ваш хозяин – Сатана – почувствует в вас нужду и заберет к себе еще до восхода солнца.

– Вы мне льстите, гражданка.

Она слегка отшатнулась от него на этой широкой лестнице, пытаясь прочесть, какие мысли скрываются за непроницаемой лисьей маской. Но Шовелен оставался закрытым, загадочным. Ни одна черта не подсказывала бедной обеспокоенной женщине, чего ей надо бояться и на что надеяться.

На средней площадке ее окружили. Леди Блейкни никогда не уходила из какого бы то ни было дома без непрямого эскорта порхающих вокруг мотыльков. Но прежде, чем

окончательно отвернуться от Шовелена, она с детской очаровательностью, так ей свойственной, протянула ему свою маленькую ручку.

– Оставьте мне хотя бы какую-нибудь надежду, мой милый Шовелен, – попросила она.

С безукоризненной галантностью он склонился над маленькой ручкой, такой изящно белой в черных кружевах митенок, и поцеловал кончики ее розовых пальцев.

– Молите небо, чтобы волосок оказался прочным, – повторил он с загадочной улыбкой. И, отойдя в сторону, слился с порхающими вокруг свечи мотыльками. Затем блестящая толпа золотой молодежи окончательно скрыла проницательную лисью мордочку от ее глаз.

Глава XVI

Ричмонд

Через несколько минут она уже сидела, уютно закутавшись в меха, рядом с сэром Перси на козлах его роскошной кареты. Четверка коней рванула по тихой улице.

Ночь была теплой, несмотря на довольно свежий ветер, ласкающий горящие щеки Маргариты. Скоро лондонские дома остались позади, и, перевалив через Хаммерсмитский мост, сэр Перси направил коней к Ричмонду. На очаровательных плавных поворотах журчала река, серебряной лентой поблескивая в мерцающем лунном свете. Длинные, нависающие тени деревьев, стоящих с правой стороны, то и дело окутывали дорогу темными покрывалами. Лошади неслись по дороге с головокружительной скоростью, периодически осаждаемые сильной и уверенной рукой сэра Перси.

Ночные поездки после балов и ужинов в Лондоне были для Маргариты постоянным источником наслаждения. Она относилась с благодарностью к странности своего мужа, позволяющей ему поддерживать этот обычай забирать ее каждую ночь в их прекрасное поместье на реке, вместо того чтобы оставаться в скучном и чопорном лондонском доме. Ему очень нравилось управлять похожими на призраков лошадьми на пустынных дорогах, залитых лунным светом, а ей — сидеть на козлах, когда воздух английской осенней ночи

мягко освежал лицо. Если лошади были отдохнувшими и сэр Перси давал им полную волю, поездка длилась недолго, не более часа.

Нынешней же ночью, казалось, сам дьявол вселился в него, карета просто летела вдоль реки над дорогой. По обыкновению, он молчал и смотрел прямо перед собой, однако сегодня поводья выглядели безжизненными в его ловких белых руках. Маргарита изучающе взглянула на него; ей был виден лишь мужественный профиль с полуприкрытым глазом под роскошной бровью. В лунном свете лицо выглядело серьезным. Маргарита вдруг вспомнила светлые дни перед свадьбой, когда ее муж еще не был таким ленивым болваном, пустым фатом, чья жизнь проходит за карточными столами и ужинами. Теперь ей была видна лишь твердая линия подбородка, уголок сильного рта и прекрасно вылепленный массивный лоб – воистину, природа постаралась на славу, создавая сэра Перси. Своим единственным недостатком он был обязан помешанной матери и сломленному, с разбитым сердцем отцу, которые не заботились о сыне в его юности, что, скорее всего, и принесло впоследствии печальные плоды.

Маргарита неожиданно ощутила прилив нежности к мужу. Моральный кризис, который она только что перенесла, сделал ее терпимее к недостаткам и промахам других.

Все мы прекрасно знаем, с какой потрясающей силой человек начинает бороться против судьбы, будучи униженным

и угнетенным ею. Если бы кто-нибудь еще неделю назад сказал Маргарите, что она будет шпионить за своими друзьями с целью предать храброго, ничего не подозревающего человека его беспощадным врагам, она бы презрительно рассмеялась в лицо подобному наглесу. Но вот она уже сделала это, и скоро, возможно, смерть благородного человека ляжет пятном на ее совесть; два года назад из-за неосторожных слов подобное уже произошло с маркизом де Сен-Сиром. Но тогда она это сделала не умышленно, у нее не было никакого желания причинить вред, тогда вмешалась судьба. А в этот раз она сделала все совершенно осознанно, по причинам, которых даже высокие моралисты, скорее всего, не поймут.

И когда она почувствовала рядом с собой сильную руку мужа, поняла, как отвратительна станет ему, если он узнает о содеянном ею этой ночью. Оба человека судили друг друга очень поверхностно, хотя оснований для их презрения было не так уж много, просто не было понимания и милосердия. Леди Блейкни презирала мужа за суетность и вульгарность, за отсутствие интеллектуальных занятий; а он, и она это чувствовала, будет еще более презирать ее за то, что она не нашла в себе сил сделать правое дело честными средствами или же пожертвовать братом во имя чести.

Оторвавшись от своих мыслей, Маргарита вдруг заметила, как короток оказался приятный час ночной прохлады, и с чувством сильного разочарования следила за тем, как четверка коней поворачивает к массивным воротам красивого

загородного дома.

Дом сэра Перси Блейкни, стоявший на реке, был воистину замечательным. Похожий на дворец, окруженный изящно раскинувшимися садами, с великолепной террасой со стороны реки. Его стены, выложенные из красного кирпича еще во времена Тюдоров, четко обозначились на фоне полукруглого зеленого луга, которому старинные солнечные часы придавали истинную законченность в гармонии окружающего ландшафта. Огромные деревья то тут то там укрывали землю длинными тенями, и в эту теплую осеннюю ночь старый парк с его желтеющими листьями выглядел особенно поэтично при лунном свете.

С завидной уверенностью сэр Перси осадил лошадей прямо у входа в прекрасный елизаветинский холл, и, несмотря на столь поздний час, будто из-под земли возникла целая армия грумов, и едва успевшая остановиться карета оказалась в почтительном окружении.

Сэр Перси быстро спрыгнул с козел и помог сойти Маргарите. Она на мгновение остановилась, слушая, как он отдавал приказание одному из людей, затем обогнула дом и пошла вдоль луга, рассеянно глядя на серебристый пейзаж. Природа, казалось, мирно спала, не подозревая о всей той буре эмоций, которая полыхала в душе Маргариты; лишь журчала река да изредка доносились мягкие звуки падения умерших листьев. Маргарита слышала, как храпели и били копытами лошади, пока их разводили в отдаленные стойла,

как расходились слуги, спеша поскорее лечь спать, после чего все в доме затихло. Только в двух отдельных апартаментах над роскошной приемной огни все еще горели – это были их комнаты, разделенные всем пространством дома, такие же далекие друг от друга, как и их жизни теперь. Она невольно вздохнула, сама не зная отчего.

Ее угнетала ноющая боль в сердце. Ей было глубоко и болезненно жаль себя. Никогда еще она не чувствовала себя столь одинокой, никогда еще так не нуждалась в участии и утешении. С новым вздохом она отвернулась от реки; в ней затеплилась смутная надежда, что после всего перенесенного ей удастся забыться сном.

Но не успела она еще достигнуть террасы, как услышала твердые шаги по хрупкому гравию, и в следующий момент из темноты возникла фигура ее мужа. Он обогнул дом и направился вдоль луга к реке. На нем все еще был тяжелый дорожный плащ с бесчисленными отворотами и воротничками, им же самым введенными в моду. Плащ был распахнут, а руки, по давней привычке, скрывались в глубоких карманах атласных штанов. Его роскошный светлый наряд с жабо из бесценных кружев, в котором он был на балу лорда Гренвиля, на темном фоне дома делал его похожим на призрак. Он явно не видел ее, поскольку через несколько мгновений повернул к дому и стал подниматься на террасу.

– Сэр Перси!

Он уже занес ногу на ступеньку, но замер, услышав ее го-

лос, и стал пристально вглядываться в темноту, из которой она звала его. Маргарита вышла на освещенное луной место.

— К вашим услугам, мадам, — произнес он с неизменной галантностью, с какой всегда обращался к ней.

Однако нога его все продолжала стоять на ступеньке, и весь вид, несмотря на попытки скрыть это, явно говорил, что он стремится уйти, не имея никакого желания ко всяким ночным беседам.

— Такая приятная прохлада, — начала Маргарита. — Так мирно и поэтично светит луна... Нет ли у вас желания немножечко задержаться? Еще не так поздно. Или же вам настолько противно мое общество, что вы спешите избавиться от меня?

— Но, мадам, — вежливо ответил он, — моим ногам неудобно стоять на разных ступеньках, и я ручаюсь вам, что этот ночной сад окажется более поэтичным в мое отсутствие. Так что не сомневайтесь, я быстро избавлю вас от этой помехи в вашем наслаждении. — И вновь повернулся, намереваясь уйти.

— Напротив, сэр Перси, вы ошибаетесь, — поспешно сказала она, приближаясь к нему. — Отчуждение, возникшее между нами, не было делом моих рук, вспомните.

— Увы, в таком случае вы должны извинить меня, мадам, — холодно возразил он. — Моя память всегда была коротка.

Он посмотрел ей прямо в глаза с тем сонным ленивым безразличием, которое уже стало его второй натурой.

Какое-то мгновение ее взгляд отвечал тем же, но затем смягчился, она подошла к нему еще ближе, поднявшись на ту же ступень террасы.

— Коротка, сэра Перси? Должно быть, она очень изменилась с тех пор! Около трех лет назад, когда вы всего один час видели меня в Париже, отправляясь на восток, вы не забыли меня, вернувшись через два года.

Она была божественно хороша при лунном свете в меховой накидке, обнажившей нежные плечи, в переливающемся платье с золотыми украшениями, с детским выражением голубых глаз, обращенных к нему. На мгновение он застыл, прямой и спокойный, сжав рукой каменный поручень террасы.

— Мадам, вы желали моего присутствия, — с безразличием сказал он. — Я остался, но совсем не для того, чтобы искать примирения в радужных грезах прошлого.

Голос его был холодным и бескомпромиссным. Женское достоинство толкало ее ответить такой же холодностью и пройти мимо с коротким кивком головы, но чутье подсказывало, что надо остаться, то самое проницательное чутье, дающее красивым женщинам возможность держать у своих ног даже тех мужчин, которые не уважают их. Она протянула мужу руку.

— Но, сэра Перси, почему, почему нет? Настоящее не настолько прекрасно, чтобы у меня не возникло желание вспомнить о прошлом.

Он склонился над ее рукой всей своей массивной фигурой и церемонно поцеловал самые кончики пальцев.

– Клянусь, мадам, – сказал он. – Но вряд ли мой скучный ум окажется вам хорошим помощником. Извините меня.

И он вновь попытался уйти, но ее слабый, детский, едва ли не страстный голос вновь позвал его:

– Сэр Перси.

– Ваш покорный слуга, мадам.

– Правда ли, что любовь умирает? – спросила она неожиданно с излишней горячностью. – Мне казалось, что страсть, которую вы испытывали ко мне тогда, должна была быть намного длиннее коротенького срока человеческой жизни. Неужели ничего не осталось от той любви, Перси? Ничего, что могло бы помочь тебе... перешагнуть через это печальное отчуждение?

Огромное его тело от этих слов, казалось, стало еще напряженнее: сильный рот словно окаменел, а взгляд на мгновение стал безжалостным и упрямым, столь непривычным для этих синих глаз.

– С чего это вдруг я удостоился такой чести, мадам? – холодно спросил он.

– Я не понимаю тебя.

– Но это же так просто, – ответил он с неожиданной злобой, которая, несмотря на явные попытки скрыть ее, была видна совершенно отчетливо. – Я спросил вас очень спокойно, поскольку мой неповоротливый ум не успевает следить

за всеми новыми состояниями души вашей милости. Или вы просто решили возобновить те сатанинские игры, которыми увлекались последний год? Вы вновь хотите видеть меня печальным просителем у ваших ног, чтобы иметь удовольствие пинать меня, как докучливую болонку?

Ей удалось-таки на мгновение расшевелить его; она вновь увидела того человека, которого знала год назад.

– Перси, умоляю тебя, неужели мы не можем похоронить прошлое? – прошептала она.

– Извините, мадам, но, по-моему, вы как раз собирались туда отправиться.

– Нет, я имела в виду другое прошлое, – сказала она, и страстная горячность зазвучала в ее голосе. – Я говорю не о том времени, когда ты ухаживал за мной, а я была легкомысленна и пуста. Меня привлекли твоё положение, твоё богатство, и я вышла за тебя в надежде, что твоя сильная любовь пробудит во мне ответное чувство... Но, увы...

Из-за темных клубящихся туч вновь выглянула луна. Мягкие серые тени на востоке начинали рассеивать тяжелую мантию ночи. Теперь сэру Перси были видны ее грациозные очертания, ее царственная голова с копной красновато-золотистых кудрей с поблескивающими красными драгоценными камнями, уложенными в маленький звездообразный цветочек, который она носила как диадему.

– Через двадцать четыре часа после нашей свадьбы, мадам, маркиз де Сен-Сир и его семья были гильотинированы,

и молва донесла мне, что помог им в этом не кто иной, как жена сэра Перси Блейкни.

– Но я же сама рассказала тебе тогда всю правду об этой одиозной истории.

– Однако буквально тут же это было рассказано мне незнакомыми людьми со всеми ужасающими подробностями.

– И ты им поверил тогда и веришь теперь, – сказала она с горячностью, – не ища доказательств и ни о чем не спросив, ты поверил, что я, которой ты клялся в любви до конца дней, я, которой ты обещал покровительство, что я все это сделала сознательно, как донесли тебе незнакомые люди. Впрочем, ты, должно быть, считаешь, что мне следовало все рассказать тебе еще до того, как мы поженились. Но ведь я сказала тебе об этом как раз в то утро, когда Сен-Сир взошел на гильотину. Я была тогда совершенно издергана, пытаюсь использовать все свое влияние, чтобы спасти его и его семью. Это гордость запечатала мои губы, когда твоя любовь, казалось, погибала под тем же ножом гильотины. Я бы должна была рассказать тебе, как меня обманули! Меня, которую то же самое общественное мнение признавало «умнейшей женщиной Франции». Я была во все это втянута людьми, хорошо знавшими, как сыграть на моей любви к брату, на моем будто бы совершенно естественном желании отомстить за него... – Голос ее утонул в рыданиях.

Маргарита замолчала на несколько мгновений, пытаюсь

немного успокоиться. Она смотрела с мольбой, будто он был ее судьей теперь. Он дал ей возможность высказать эту страстную речь, даже не пытаясь возразить. А теперь, когда она молча смахивала набегавшие слезы, он стоял, бесстрастный и неподвижный. В дымчато-сером предутреннем свете он казался еще более прямым и высоким. Обычно ленивое добродушное лицо его странно переменялось. Маргарита, будучи в возбуждении, заметила, что глаза сэра Перси уже не были томными, а рот – улыбающимся. Взгляд ищущий, насыщенно-страстный, рот напряженный с закушенными губами – только воля сдерживала рвущуюся наружу страсть.

Маргарита Блейкни все-таки была женщиной со всеми ее очаровательными недостатками и достойными грехами, и в это мгновение она вдруг почувствовала, что стоящий перед ней, не чувствительный к ее хлестким словам человек любит ее все так же сильно, как и год назад, и что все эти последние месяцы она ошибалась – да, страсть его, должно быть, лишь скрыта, но она здесь и все такая же сильная, такая же насыщенная, такая же беспредельная, как тогда, когда их губы впервые встретились в долгом, сводящем с ума поцелуе. Между ними стояла гордость, и, будучи женщиной, она захотела непременно вернуть то, что однажды уже принадлежало ей. Неожиданно ей показалось, что счастливая жизнь начнется только тогда, когда вновь она ощутит на губах поцелуй стоящего перед ней мужчины.

– Выслушайте всю эту историю, сэр Перси, – сказала она

низким, нежным и страстным голосом. — Арман был для меня всем! У нас не было родителей, и он заботился обо мне. Он был мой маленький отец, а я — его крошечная мать, вот какова была наша любовь. И вот однажды, поймете ли вы меня, сэр Перси, лакеи маркиза избили моего брата, брата, которого я любила больше всего на свете! А в чем он был виноват? Лишь в том, что он, сын плебея, осмелился полюбить дочь аристократа. За это его выследили и избили, будто последнюю собаку, не имеющую даже права на жизнь. Его позор ранил меня в самую душу! О, как я страдала! И когда мне предоставилась возможность отомстить, я ею воспользовалась, но я думала, что это принесет лишь неприятности и уязвит гордость маркиза. Он был в заговоре с Австрией против своей собственной страны. Я узнала это случайно. Я сказала об этом, но я даже не предполагала, да и откуда могла я знать, что они поймают меня, обманут. Когда я поняла, что наделала, было уже поздно, слишком поздно.

— Что ж, может быть, можно вернуться в прошлое, — сказал он после некоторого молчания. — Я сообщил вам, что память моя коротка, но что-то я все же помню; я помню, как умолял объяснить мне все эти назойливые слухи, и если сейчас моя память не шутит со мной, то я помню, что вы отказали мне во всех объяснениях. Вы потребовали от моей любви унижительной преданности раба, на которую та была еще не готова.

— Я хотела проверить твою любовь, ведь ей не страшны

были испытания. Ты все время твердил, что готов даже жизнью пожертвовать ради меня и ради своей любви ко мне.

— И чтобы испытать мою любовь, вы предложили мне стать бесчестным, — сказал он.

Равнодушие его таяло, а напряженность во всем теле начинала смягчаться. — Чтобы я принял без тени сомнения, как безгласный покорный раб, каждый шаг моей госпожи.

Сердце мое было переполнено любовью и страстью, я даже не ПРОСИЛ вас, я просто ждал, надеялся, что вы объясните. Разве вы мне сказали хотя бы слово? Ведь я бы принял от вас любое объяснение, я бы поверил ему. Но вы наградили меня молчанием. Вы оставили меня один на один с голыми страшными фактами — вы гордо уехали в дом к своему брату, покинув меня... на недели... не знающего, кому верить, после того как святыня, представлявшая последнее убежище для моих иллюзий, рухнула у меня на пороге.

Она не видела более в нем холодности и бесстрастия. Голос его дрожал от волнения, которое он тщетно пытался скрыть сверхчеловеческим усилием воли.

— О, безумная моя гордость, — сказала она печально. — Мне очень трудно было прийти тогда, но ведь я приползла. Однако, когда я вернулась, ты уже был другим! Ты уже был в той сонной и безразличной маске, которую не снимал... до сих пор.

Она уже приблизилась к нему настолько, что ее легкие распущенные волосы ласкались к его щеке; ее глаза, бле-

стевшие от слез, сводили его с ума, ее голос будоражил в нем кровь, но он не хотел уступать магическому очарованию женщины, которую так глубоко любил и от которой так глубоко страдала его гордость. Он закрыл глаза, пытаясь отогнать видение этого нежного очаровательного лица, этой белоснежной шеи, всей грациозной фигуры, уже окутанной волшебной розовой пеленой рассвета.

– Нет, мадам, это не маска, – сказал он ледяным голосом. – Я клялся вам... когда-то, что жизнь моя принадлежит вам, и месяцами она оставалась для вас игрушкой... Но у нее есть свои интересы.

Маргарита уже знала, что холодность его – только маска. Она вдруг вспомнила все, что выпало ей в эту ночь, но теперь уже не с отчаянием, а, скорее, с ощущением того, что есть человек, который любит ее и поможет ей вынести эту ношу.

– Но, сэр Перси, – импульсивно выдохнула она, – одному лишь небу известно, как трудно и опасно то, что мне теперь так необходимо сделать. Вы говорили о новых состояниях души, пусть это называется так, как вам угодно, но я хочу поговорить с вами, потому что... потому что я попала в беду... и нуждаюсь... в вашем участии.

– Ваше дело – приказать, мадам.

– Как вы холодны, – вздохнула она. – Боже, мне с трудом верится, что всего лишь несколько месяцев назад одна слезинка из моих глаз повергала вас в безумие. И вот я стою перед вами с разбитым сердцем... и... и...

– Прошу вас, мадам, – сказал он, и голос его задрожал почти так же, как и ее. – Чем я могу помочь вам?

– Перси! Арман в смертельной опасности. Его письмо... неосторожное, пылкое, как и все в нем, написанное сэру Эндрю Фоулксу, попало в руки фанатика. Арман скомпрометирован безнадежно. Завтра, быть может, его арестуют. Потом гильотина. Если только... если только... Ах, это так ужасно! – неожиданно гневно выпалила она, вспомнив нахлынувшие волной ночные события. – Ужасно... И вы не понимаете... Вы не можете... У меня нет никого, к кому бы я могла обратиться... за помощью... или хотя бы за сочувствием...

Слез больше было не удержать. Все несчастья, случившиеся с ней в последние дни, отчаянный страх за судьбу Армана переполнили ее. Она пошатнулась, едва не упав, оперлась на каменную балюстраду и, уткнувшись в его руки лицом, горько зарыдала.

При первом упоминании об Армане и о смертельной опасности, в которой тот оказался, лицо сэра Перси совершенно побелело. В глазах появилось выражение озабоченности. Он ничего не сказал, но, глядя на ее сотрясаемое рыданиями беззащитное тело, непроизвольно смягчился; лицо его прояснилось, и нечто очень похожее на слезы заблестело в глазах.

– И что же, – сказал он со злым сарказмом. – Верные псы революции стали кусать тех, кто их кормит?.. Увы, мадам, –

добавил он очень вежливо, в то время как она продолжала истерически рыдать, – может быть, вы все-таки перестанете плакать. Я никогда не мог смотреть на то, как плачет хорошенькая женщина, и я...

При виде ее беспомощности и скорби он с неожиданно прорвавшейся страстью высвободил руки, обнял ее и прижал к себе, как бы защищая от любого несчастья всем своим телом, всей своей жизнью... Однако гордость опять победила; он с колоссальным усилием воли отстранился и холодно, но, как всегда, очень вежливо сказал:

– Не будете ли вы, мадам, столь любезны объяснить, чем именно я могу служить вам?

Она сделала усилие, чтобы немного прийти в себя, и, обернувшись к нему залитым слезами лицом, протянула руку, которую он все с той же изысканной галантностью поцеловал. Только Маргарита на этот раз задержала свои пальцы в его руке на несколько мгновений дольше, чем нужно, потому что руки его дрожали и горели огнем, в то время как губы были холодны, как мрамор.

– Можете ли вы что-нибудь сделать для Армана? – легко и просто сказала она. – У вас такое огромное влияние при дворе, так много друзей...

– Но, мадам, что же вы не искали участия у вашего французского друга, месье Шовелена?

Его влияние, если не ошибаюсь, простирается намного дальше, вплоть до французского правительства.

– Я не могу просить его, Перси... О, я хочу, я сначала боялась тебе говорить, но... но... он назначил цену за голову брата, которая...

Она отдала бы богатства всех миров за то, чтобы иметь возможность признаться ему во всем... во всем, что она сделала этой ночью, в том, как она страдала, как руки ее были связаны. Но она не рискнула дать выход своему порыву... даже теперь, когда поняла, что он еще любит ее и что у нее есть надежда вернуть мужа. Она не решилась признаться. Он мог не понять, он мог остаться безучастным к ее борьбе и ее опасениям.

Быть может, сэр Перси догадался, о чем она думает. Все тело его стало воплощением умоляющего просителя, ожидающего доверия, в котором вновь отказывала ему ее глупая гордость. Увидев, что она продолжает молчать, он вздохнул и с подчеркнутой холодностью сказал:

– Увы, мадам, пока вы в таком состоянии, нам не удастся поговорить... А что касается Армана, прошу вас не беспокоиться. Ручаюсь вам моим словом, он будет спасен. Теперь могу ли я попросить у вас позволения уйти? Час уже поздний и...

– Примите же мою благодарность, – сказала она с настоящей страстью, придвигаясь к нему вплотную.

Легко и естественно, без всяких усилий он мог заключить ее в объятия, мог целовать ее слезы... но она опять поманила его, как однажды, чтобы бросить потом, как ненуж-

ную вещь. Он считал, что это всего лишь очередной каприз, а не перемена образа мыслей, и гордость вновь не позволила ему вручить себя ей.

— Мадам, слишком рано, я еще ничего не сделал. Вам пора идти, вас ждут служанки.

Он сделал шаг в сторону, освобождая дорогу. Она испустила короткий вздох разочарования. Его гордость сражалась с ее красотой и победила. Она еще несколько мгновений смотрела на него: он оставался все так же безучастен и строг. Он предпочел отстраниться. Серые тона все более уступали золотистым лучам восходящего солнца. Защебетали птицы. Природа пробуждалась, улыбаясь, в счастливом ожидании тепла славного октябрьского утра. И лишь между двумя сердцами лежал непреодолимый барьер гордости, который ни один из них не решился переступить первым.

Сэр Перси склонился в низком церемонном поклоне, когда она с еще одним горестным вздохом начала наконец подниматься по ступеням террасы.

Она медленно поднималась вверх, касаясь рукой поручня балюстрады, длинный трен ее украшенного золотом платья легко скользил следом, лучи рассвета создавали вокруг ее волос золотой ореол, вспыхивая в рубинах на голове и руках. Она дошла до ведущих в дом высоких стеклянных дверей. Прежде чем войти, Маргарита на мгновение замерла и обернулась, безнадежно надеясь все же увидеть протянутые к ней руки и услышать зовущий вернуться голос. Но он оста-

вался недвижим – его массивная фигура, казалось, была воплощением несгибаемой гордости и непоколебимого упрямства.

На ее глазах вновь выступили слезы, и, чтобы он уже не увидел их, она быстро повернулась и побежала внутрь дома, к своим покоям.

А если бы она оглянулась на этот залитый розовым светом сад, она бы увидела, что тот, кто был теперь причиной ее страданий, сильный человек, переполненный отчаянием и страстью, потерял все свое упрямство и гордость, всю свою силу воли и остался лишь страстным, безумно влюбленным мужчиной; едва ее шаги растворились внутри дома, он упал на колени на ступени террасы и в слепом сумасшествии своей любви стал целовать то место, где стояла ее ножка, и поручень каменной балюстрады, к которому прикасалась ее рука.

Глава XVII

Прощание

Добравшись до своей комнаты, Маргарита увидела горничную, страшно взволнованную ее отсутствием.

– Ваша честь, должно быть, очень устали, – сказала бедная женщина, едва державшая глаза открытыми, – уже шестой час.

– Ах да, Луиза, – ласково ответила Маргарита. – Да, действительно, я очень устала. Но и ты устала не меньше, так что быстро отправляйся спать, я лягу сама.

– Но, миледи...

– Нет, нет, не спорь, Луиза, немедленно отправляйся спать. Поддай шаль и оставь меня.

Луиза охотно повиновалась. Она сняла со своей хозяйки роскошное бальное платье и накинула на нее мягкий кружевной капот.

– Не нужно ли еще чего-нибудь вашей чести? – спросила она.

– Нет, более ничего. Впрочем, потуши огни.

– Да, миледи. Спокойной ночи, миледи.

– Спокойной ночи, Луиза.

Как только горничная ушла, Маргарита раздвинула занавески и распахнула окно. Сад и замыкающая его река были затоплены розовым светом. Далеко на востоке лучи восхо-

дющегося солнца уже поблескивали золотой полосой. Луг опустел, и Маргарита бросила взгляд на террасу, где только что тщетно пыталась вернуть любовь человека, однажды принадлежавшего ей всецело.

Было даже несколько странно, что, несмотря на все беспокойство за жизнь Армана, ей было более горько от того, что произошло теперь.

Казалось, все ее тело бесконечно страдало, отвергнутое человеком, оставшимся холодным к ее призывам, воспротивившимся ее страсти, не ответившим на порыв чувств, что давали еще надежду на возврат прежних счастливых дней в Париже, надежду, что еще не все умерло и не все забыто.

Как это загадочно! Она еще любит его! Теперь, через несколько месяцев непонимания и одиночества, оглядываясь назад, вдруг поняла: она никогда и не переставала любить его и в глубине своего сердца всегда смутно чувствовала, что глупая суетность, пустой смех, ленивое равнодушие были не что иное, как маска, а настоящий, сильный, страстный и волевой человек скрывался под ней – человек, которого она любила, мощь которого очаровала ее, личность которого покорила; а за его неповоротливым умом – она всегда это чувствовала – скрывалось нечто огромное, спрятанное от всего света и более всего – от нее.

Женское сердце подобно кунсткамере, сам владелец которой порой не в силах определить, что именно и почему его поразило.

В самом ли деле «умнейшая женщина Европы» полюбила дурака? Да и было ли то чувство, с которым год назад она выходила замуж, любовью? Было ли любовью то, что она испытывала теперь? Увы, Маргарита не могла ответить на эти вопросы. Возможно, это гордость затуманила ее ум, не позволяя понять свое же собственное сердце. Только одно она знала точно: ей хочется вновь завоевать упрямого гордеца. Она уже победила его однажды и теперь не откажется от него... Она сбережет его, сбережет его любовь, будет служить ей, лелеять ее; многое призывало к этому, но более всего уверенность, что у нее никогда не будет счастья без любви этого мужчины.

Противоречивые мысли и чувства бешено сменялись в ее голове. Поглощенная ими, она незаметно уснула. Быть может, уставшая от длительного возбуждения, она и в самом деле, едва закрыв глаза, погрузилась в беспокойный сон, быстрые и летучие сновидения которого, казалось, не имели ни малейшего отношения к печальным мыслям. Но вдруг ее пробудил от тяжелой дремы шум шагов за дверью.

Она стремительно встала с постели и прислушалась. Дом, как всегда, был совершенно тих, шаги замерли. Через широко раскрытые окна комнату заполняли бриллиантовые лучи утреннего солнца. Она взглянула на часы – половина седьмого. Слишком рано, чтобы кто-нибудь из прислуги был уже на ногах. Маргарита могла бы заснуть вновь, поскольку шум шагов стих, но тут ее внимание привлекли отдаленные голо-

са. Что бы это могло быть?

Она мягко, на цыпочках, пересекла комнату, открыла дверь и прислушалась. Ни звука. Та обычная завороченность раннего утра, когда все люди спят самым крепким сном. Но какой-то шум все же разбудил ее? Под самой дверью у своих ног она увидела нечто белое и не сразу даже решилась дотронуться до неизвестно откуда взявшегося письма. Все казалось таким призрачным. Его, совершенно точно, не было здесь, когда Маргарита пришла. Быть может, его обронила Луиза? Или какой-то загробный пришелец подкинул, играючи, от скуки, это таинственное письмо? Наконец она решилась поднять конверт и, удивленная сверх всякой меры, увидела, что письмо, надписанное крупным почерком мужа, адресовано ей. Что он хотел поведать среди ночи? Почему не мог просто отдать его утром? Она вскрыла конверт и прочла следующее:

«Совершенно непредвиденные обстоятельства вынуждают меня немедленно отправиться на север. И я прошу у Вашей чести прощения за то, что не имею счастья проститься с Вами лично. Дела задержат меня примерно на неделю. В результате я не буду иметь возможности присутствовать на вечере, который Ваша честь дает в среду. Засим остаюсь самым покорным и почтительным Вашим слугой.

Перси Блейкни».

На Маргариту словно накатила медлительность ее мужа, поскольку эти простые строки она читала и перечитывала

несколько раз, силясь понять смысл написанного. Вертя в руках короткое загадочное письмо, она стояла на лестничной площадке, и в голове у нее было совершенно пусто, а нервы болезненно напряглись от возбуждения, которого она не могла толком объяснить.

У сэра Перси на севере были обширные владения, и он частенько уезжал туда, задерживаясь на неделю. Но на этот раз все выглядело слишком странно: неожиданно возникшие между пятью и шестью утра обстоятельства, да еще и вынуждающие уезжать в такой невероятной спешке.

Тщетно пыталась она успокоиться, ее трясло с головы до ног. Дикое, непреодолимое желание снова увидеть мужа, сейчас же, если он еще не уехал, целиком завладело ею.

Забыв о том, что на ней лишь легкий утренний капот, что волосы ее распущены по плечам, она побежала вниз по лестнице, затем прямо через холл к входной двери.

Дверь, как обычно, была заперта, поскольку внутри дома слуги еще не вставали. Но ее тонкий слух различил голоса и перестук подков по брусчатке. Нервными дрожащими пальцами, сбивая руки и ломая ногти, Маргарита стала открывать один за другим тяжелые прочные запоры. Она вся дрожала лишь от одной мысли, что не успеет, что он может уехать и она даже не скажет ему: «Дай Бог удачи!» Наконец она повернула ключ и широко распахнула дверь. Слух не обманул ее. На дорожке стоял грум, держа в поводу лошадей, одной из которых был Султан, любимый конь Перси, уже го-

товый для путешествия.

В следующий момент из-за угла дома появился и сам сэр Перси, быстро направлявшийся прямо к лошадям. Он снял свой роскошный бальный костюм, но, как всегда, был одет безукоризненно – в богатом камзоле с кружевным жабо и манжетами, в высоких ботфортах и в бриджах для верховой езды.

Маргарита сделала несколько шагов по направлению к нему. Подняв глаза, он увидел ее, и чувство легкой досады промелькнуло на его лице.

– Ты уезжаешь? – быстро, словно в горячке, спросила она. – Зачем?

– Как я имел честь сообщить вам, срочные, непредвиденные дела вынуждают меня сегодня утром отбыть на север... – сказал он в своей обычной холодной манере, растягивая слова.

– Но... твои гости завтра...

– Я попросил бы вас передать мои глубочайшие извинения его королевскому высочеству.

Вы такая прекрасная хозяйка, что мое отсутствие вряд ли доставит кому-нибудь неудобства.

– Но, наверное, ты мог бы подождать с отъездом, хотя бы до нашего вечера... – все еще быстро и нервно говорила она. – Быть может, дела не так уж неотложны, ведь ты ничего не говорил мне о них до сих пор...

– Мои дела, как я уже имел честь доложить вам, мадам,

столь же безотлагательны, сколь и непредвиденны... Как бы там ни было, могу ли я испросить вашего позволения уехать?.. Не надо ли сделать для вас что-нибудь в городе на обратном пути?

– Нет... нет... благодарю, ничего... А ты скоро вернешься?

– Скоро.

– До конца этой недели?

– Не могу сказать точно.

Он явно порывался уйти, тогда как Маргарита призывала на помощь всю свою изобретательность, пытаясь удержать его хотя бы еще на мгновение.

– Перси, – едва ли не простонала она, – почему ты не скажешь мне, зачем уезжаешь?

Сегодня? Ведь я как твоя жена должна все же знать об этом. Тебя не вызывали на север. Ведь я знаю. Оттуда не было ни письма, ни курьера до того, как мы покинули театр, и здесь после бала ничего не ждало тебя... Ты едешь не на север, я в этом совершенно уверена... Здесь какая-то тайна... и...

– Здесь нет никакой тайны, мадам, – прервал он с ноткой легкого нетерпения. – Мои дела связаны с Арманом там! Теперь могу ли я наконец уехать?

– С Арманом? Но для тебя это не будет опасным?

– Опасным... для меня?.. Нет, мадам. Ваше беспокойство мне льстит. Как вы уже говорили сами, у меня есть кое-какие

связи, и мне необходимо воспользоваться ими, пока не стало слишком поздно.

– Так позволь же мне наконец выразить свою благодарность...

– Нет, мадам, – холодно отрезал он. – В этом нет никакой необходимости. Моя жизнь принадлежит вам, и я уже этим вознагражден сверх меры.

– А моя жизнь будет принадлежать тебе, если ты примешь ее... в обмен на то, что ты делаешь для Армана, – сказала она, импульсивно протягивая к нему руки. – Там! Я не оставлю тебя, мысли мои повсюду будут с тобой... Прощай!

В лучах раннего утреннего солнца со струящимися по плечам волосами леди Блейкни смотрелась великолепно. Он низко склонился и поцеловал ей руку. От огненного поцелуя сердце ее забилось радостью и надеждой.

– Ты вернешься? – горячо прошептала она.

– Очень скоро, – ответил он, долго и задумчиво глядя в ее глаза.

– И... ты не забудешь?.. Ты не забудешь? – спросила она, отвечая на его взгляд бесконечным обещанием в голубых глазах.

– Я всегда буду помнить, мадам, что вы удостоили меня чести распорядиться мной. – Слова его были все так же формальны и холодны, но на этот раз они уже не обманули ее. Сердцем женщины она все поняла, несмотря на то, что гордость все еще вынуждала его носить бесстрастную маску.

Сэр Перси вновь поклонился ей и вновь попросил разрешения уехать. Она была рядом с мужем, когда он пришпорил Султана и пустил его в галоп, а когда он выехал за ворота, она махнула ему рукой в последнем «adieu»¹⁷.

Скоро поворот дороги скрыл его из глаз. Верный грум едва поспевал, поскольку Султан летел стрелой, чувствуя возбуждение своего хозяина. Маргарита с почти счастливым вздохом вернулась в дом. Она прошла в свою комнату и неожиданно, будто уставшее дитя, захотела спать. Ноющее сердце теперь успокоилось, смягченное, словно бальзамом, смутной и робкой надеждой.

Она уже более не беспокоилась за Армана. Человек, который только что уехал, сделает все, чтобы помочь брату; он вселил в нее совершенную уверенность своей силой и своей властью. Теперь она удивлялась, как могла видеть в нем суетного дурака. Конечно же, это была лишь маска, которую он носил, скрывая горестную рану, нанесенную его чести и любви. Страсть всегда переполняла его, но он не мог позволить себе, чтобы Маргарита видела, как он страдает и как глубоко уязвлен.

Теперь же все будет хорошо, она сокрушит свою гордость, сделается покорной ему, все ему скажет, во всем признается, и вновь вернутся те светлые дни, когда они бродили вместе в лесах Фонтенбло, где он почти ничего не говорил, поскольку всегда был достаточно молчалив, но где она чувствовала, что

¹⁷ Прощай (фр.).

в этом могучем сердце всегда найдет утешение и покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.